

Алена Волгина

Коза дракону не подруга

В оформлении обложки использована фотография автора WAYHOME studio с сайта <https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/hmm-let-me-think-studio-shot-604726298?src=library>

Глава 1

Чужой дом ночью – жуткое место. У меня было ощущение, что из темноты смотрели сотни глаз. Я тенью соскользнула с подоконника, не потревожив ни единой складки тяжелой портьеры. Слева непроницаемой черной глыбой возвышалась кровать, закрытая балдахином. Я прислушалась – с той стороны не доносилось ни звука. Хозяин дома, лорд Фонтерой, граф Хатфорд, сегодня должен был ночевать в другом месте. Это благоприятствовало моим планам, как и то, что ночка выдалась пасмурной. Сделав первый осторожный шаг, я замерла. Одиноким лунный луч пробился сквозь тучи и щель в портьерах, тускло блеснув на крышке богато инкрустированного бюро. Ага, оно-то мне и нужно!

В одно мгновение я пересекла темное пространство комнаты и уже потянулась было к вожделенному ящику, как вдруг... мое запястье перехватила другая рука. Я метнулась в сторону, как заяц. Отскочила, ударившись о кресло, вслепую ударила ногой. Мне почти удалось ускользнуть, но противник был начеку. Захват, подсечка, я теряю равновесие – и мы вместе падаем на кровать. Сверху шелестящим водопадом обрушился сорванный балдахин. Пока нападавший барахтался в складках тяжелого шелка, я успела вскочить на ноги. И сразу увидела в светлеющем прямоугольнике окна черную фигуру. Взмахнув рукой, она прыгнула вниз. Портьера колыхнулась и опала.

– Держите, он уйдет! – крикнула я, бросаясь к окну, но успела пробежать лишь пару шагов. Затылок вдруг пронзило ослепительной болью, и меня накрыла темнота.

Пробуждение было не из приятных. Очнулась я, сидя в кресле со связанными руками. Голова раскалывалась, глаза болели даже от слабого света. Я осторожно осмотрелась, сощурив веки. Комната была та же самая, только на бюро теперь горела свеча в серебряном подсвечнике, а напротив меня сидел лорд Фонтерой собственной персоной, который в эту ночь почему-то оказался дома. Вот же принесла его нелегкая! Судя по его виду, он даже не ложился. Фонтерой читал какой-то документ, и его лицо, наполовину скрытое в тени, отнюдь не лучилось гостеприимством. Пламя свечи и оконные занавеси слегка дрожали от легкого сквозняка. Значит, окно еще открыто! Я приготовилась было вскочить, но, почувствовав за спиной чье-то дыхание, снова обмякла в кресле. От двоих не сбежишь.

– Так, значит, тебя прислал сам Тревор? – спросил Фонтерой, взмахнув листком бумаги.

Шеф советовал предъявлять этот документ лишь в самом крайнем случае. Будем считать, что сегодня он наступил. Честно сказать, мистер Тревор, главный магистрат с Коул-стрит, вовсе не посылал меня сюда. Мне было поручено лишь покрутиться вокруг особняка и доложить об увиденном.

Неделю назад лорд Фонтерой обратился к шефу с заявлением, что кто-то настойчиво пытается умыкнуть его родовой амулет. В прошлом месяце нашего джентльмена дважды пытались ограбить на улице. После второго нападения он был вынужден спрятать драгоценность в тайник. Шеф, который в прошлой жизни наверняка родился бульдогом, развернул целую операцию по поимке вора. Мне как всегда досталась роль доглядчицы. Несколько дней я добросовестно изображала то разносчицу фруктов, то служанку, то мальчишку на побегушках, а потом мне пришла в голову озорная мысль, что лучший способ проверить на прочность охрану особняка – попытаться проникнуть туда самой. Как оказалось, это была плохая идея. Фонтерой тоже держался начеку, и, пока мы боролись друг с другом, драгоценный амулет унес кто-то третий. Но как он ухитрился пробраться мимо меня в особняк?! Я могла бы поклясться, что перед моим вторжением в переулке за домом и в саду не было ни души.

– Молчишь, – недобро усмехнулся граф. – Ладно, тогда поговорим с самим Тревором, – и он кивнул кому-то за моей спиной: – Батлер, тащите ее в карету!

Копыта лошадей гулко гремели по брусчатке, распугивая редких прохожих. Я сидела рядом с мистером Батлером, а господин граф расположился напротив и, казалось, дремал, вытянув ноги. Голова болела невыносимо. Болезненно поморщившись, я тихо попросила своего спутника:

– Пожалуйста, откройте шторку.

Свет редких уличных фонарей проник в карету, осветил высокую фигуру Фонтероя в дорожном плаще и шляпе. Его худощавое лицо с резкими чертами в тусклом полумраке казалось слишком бледным, особенно по контрасту с темными волосами. Безусловно, внешность у него была примечательная. Будь я художником, с радостью ухватила бы за возможность написать его портрет. Словно почувствовав мое любопытство, Фонтерой вдруг проснулся, пригвоздив меня холодным взглядом желтых глаз с вертикальными зрачками. Обмерев от страха, я невольно прижалась плечом к мистеру Батлеру.

Правильно говорят: не смотри в глаза дракону.

В этот момент наш экипаж остановился на Коул-стрит перед зданием суда. Граф снова обрел человеческий вид и первым выскочил из кареты, не дожидаясь, пока Батлер поможет мне спуститься. Старый Пит, дежуривший внизу, почтительно поклонился знатному посетителю и изумленно вытаращился, когда заметил меня, да еще в таком жалком виде: связанную, в лохмотьях уличного мальчишки и с растрепанными волосами. Кажется, он сначала даже не узнал меня:

- Энни?!

Я не успела ответить: железная рука господина Батлера уже утащила меня прочь, вверх по лестнице и дальше по слабо освещенному коридору, до самого кабинета мистера Тревора - моего шефа. Лорд Фонтерой резко распахнул дверь и скрылся внутри. Коротко кивнув, Батлер ушел обратно к карете, оставив меня в полутьме размышлять о содеянном.

Сидя в коридоре на жесткой скамье, я горестно вздохнула. Вот так трудишься изо всех сил на благо родного города, не ждешь плохого, пока в одну прекрасную ночь не совершишь глупость и - прощай, любимая работа! Я не сомневалась, что после сегодняшнего прокола мистер Тревор вышвырнет меня из "ищеек". За годы службы мировым судьей он подобрал четверых человек, которые по-своему помогали ему охранять закон и порядок в Эшентауне. Их так и называли - "ищейки с Коул-стрит", или "серые капюшоны", из-за казенных серых плащей. Я попала в команду не так давно, но уже успела ко всем привязаться. Изыскный остроумец Фокс, из которого едкие шуточки сыпались, как горох из худого мешка. Благоразумный, добросердечный Нед. Вечно голодный Долговязый Винс и тихий, незаметный Хаммонд. Смею надеяться, что они меня тоже любили - за веселый нрав, талант перевоплощения, хорошую память и умение не только забраться в любую щель, но и благополучно выбраться оттуда. Жаль, что сегодня это умение подвело.

За дверью взвился гневный голос Фонтероя - похоже, скандал набирал обороты. Я невольно поежилась. Когда-то на улицах Эшентауна меня наградили прозвищем Стрекоза Ночи. Ребята Тревора, посмеявшись, сократили его до менее пафосного - Коза. Новая кличка меня ужасно бесила, но поделать я ничего не могла. А теперь не будет ни дурацкой клички, ни головокружительных авантур, от которых сердце чуть не выпрыгивает из груди, ни шумных совещаний за полночь, когда Долговязому Винсу приходится несколько раз бегать в ближайший трактир за "подкреплением"...

Обшарпанные стены коридора вдруг расплылись у меня перед глазами. Услышав чьи-то шаги, я поспешно вытерла слезы. Из темноты показался Нед Уолтер, тоже один из наших. Он был подтянут, застегнут и готов к исполнению, даже в этот предрассветный час, когда "люди дня" еще только потягивались в постелях, а "люди ночи" уже сворачивали свои делишки и расползались по углам. Уолтер мог нести службу круглые сутки. Он просто не умел делать что-то вполсилы.

- Ох, Энни, - укоризненно вздохнул Нед.

Склонившись ко мне, он перерезал веревку на моих руках. Я потеряла затекшие кисти. На запястьях остались красные полосы. Нед протянул флягу, и я с благодарностью сделала крупный глоток. Напившись и пригладив волосы, я почувствовала себя гораздо лучше.

- Зачем, ну зачем ты туда полезла?!

- Я хотела как лучше...

- В следующий раз захоти как хуже. Может, тогда нам удастся отделаться легким

испугом.

Я сокрушенно шмыгнула носом. Да, Уолтер у нас образцовый ищейка, не то что я! Ему бы и в голову не пришло отступить от приказов начальства! Прикажи ему Тревор прыгнуть со скалы – Уолтер не раздумывая сделал бы это. Разве что завис бы на секунду в воздухе, чтобы уточнить направление.

Дверь кабинета снова содрогнулась от громкого рыка. Нед, поморщившись, взялся за ручку:

– Пойду спасать Старика от этого монстра.

– Может, не надо? – робко спросила я.

Пожав плечами, Уолтер храбро шагнул за порог. Дверь за ним закрылась. Я со страхом ждала бури. Угораздило же нас связаться с таким клиентом! Когда Кеннет Фонтерой впервые появился в Управлении, мистер Тревор в тот же вечер собрал нас на совещание. Тогда мы узнали, что над лордом Фонтероем с рождения тяготело старинное проклятие: каждая вспышка гнева на какое-то время лишала его человеческого облика. Началось все с его пра-пра-пра-бабки, леди Мелюзины, которая после свадьбы сильно удивила мужа, обернувшись драконихой и покинув замок через окно. Бедная женщина, должно быть, первая брачная ночь потрясла ее до глубины души! Впоследствии эта необычная способность регулярно проявлялась у потомков леди Мелюзины, доставляя массу неприятностей им и окружающим. Чего стоил, например, тот случай, когда очередной граф Хатфорд, всплыв на охоте, превратил в пепелище несколько акров прекрасного леса. Или пикантная история с одной графиней, которая, разозлившись на фрейлин, вынудила их спастись от своего огненного гнева в реке. Хорошо хоть обошлось без утопленниц.

Наконец, одному волшебнику удалось изготовить амулет в виде драконьего зуба, который сглаживал приступы озверения у Фонтероев. Без этого волшебного предмета их драконья сущность так и лезла наружу, особенно в стрессовых ситуациях. Вроде сегодняшней. Сейчас как жажнет огнем и устроит нам птичкий базар!

Я снова с опаской покосилась на дверь и даже принялась. Нет, запаха гари пока не чувствовалось. Неужели Уолтеру удалось их утихомирить? Слава всем святым! Должна признать, наш Нед умел обращаться со спорщиками. Его непрошибаемое спокойствие действовало на всех, как бочка масла на разъяренные волны. Любимым выражением Неда было: "Минутку, давайте разберемся".

Неожиданно дверь распахнулась, и из кабинета вышел граф, задев меня полрой плаща. Он прошел мимо, даже не взглянув в мою сторону. За ним, стараясь не отставать, последовал Нед Уолтер. Оба они свернули на лестницу и скрылись. А я с тяжелым сердцем поднялась навстречу начальству.

Мистер Тревор застыл на пороге: насуленный, коротконогий, с квадратными плечами, как никогда похожий на рассерженного бульдога. Я ждала, понуро опустив голову. Ох, что сейчас будет...

– Хуже дурака только дурак с инициативой, – процедил шеф. – Иди за ними. И работай.

От счастья я не сразу поверила своим ушам. Наспех пробормотала слова благодарности и бросилась прочь, пока Старик не передумал. Ура! Меня не выгонят! Я остаюсь в команде!

Перед крыльцом Управления лорд Фонтерой и Уолтер как раз усаживались в карету.

– Подождите! – крикнула я, спотыкаясь на ступеньках.

Мистер Батлер демонстративно захлопнул дверцу перед моим носом. Хлестнул кнут – и карета понеслась прочь, оставив меня стоять на холодной предзакатной улице.

Глава 2

Под утро в городе выпал первый снег. Четкие следы кареты отпечатались на нем ровными полосами. Я смотрела на них и размышляла. Мой форменный плащ, аккуратно свернутый, остался лежать в графском саду. Если, конечно, его не прихватил тот ушлый воришка. Можно было вернуться в Управление за теплой одеждой, но я слишком боялась снова нарваться на мистера Тревора. Вдруг приступ благодушия у него уже миновал?! Нет, лучше не рисковать. Дойду и так, мне не впервой мерзнуть.

Над городом поплыл протяжный звон, когда церковный колокол звонко отсчитал семь ударов. Небо на востоке уже посерело и казалось таким низким, что его можно было коснуться зонтиком. Город постепенно просыпался. Заскрипели открываемые ставни, на Цветочном рынке, находившемся неподалеку, снова началась обычная суeta. В тишину улиц ворвался грохот телег, развозивших цветы и овощи. Свет фонарей стал бледнее, а строгие очертания каменных особняков – более отчетливыми. Мимо промчался мальчишка из редакции, прижимая к груди пачку утренних газет. Запах горячих роголиков, долетевший из булочной, заставил меня мучительно сглотнуть. Как назло, у меня при себе не было ни фартинга! В воздухе снова закружились снежные хлопья, занавесив улицы белой пушистой кисеей. Сразу посветлело. Снег был не самым приятным попутчиком, он щекотал мне щеки и набивался в ботинки. Редкие прохожие, спешившие на рынок или на службу, удивленно косились на "мальчишку", бредущего с непокрытой головой, в легкой рубашке и ветхой курточке. Потом пожимали плечами и шли дальше. В большом городе люди нелюбопытны.

Я пересекла пустую гулкую площадь, миновала сквер, в котором безмолвно спали скованные морозцем бледно-желтые деревья. Прошла мимо строительных лесов, ошестинившихся вокруг будущей Часовой башни. Эшентаун заново отстраивался после Большого пожара, случившегося сто лет назад. Прокладывались новые улицы, прямые, как лезвие меча; новые дома росли как на дрожжах. Конечно, так было не везде. В городе хватало и ветхих закопченных лачуг; в одной из них прошло мое детство, возможно, не совсем образцовое с точки зрения закона, но вполне счастливое.

Добравшись наконец до графского особняка, я продрогла до костей. Заледеневшими пальцами кое-как постучала в тяжелое бронзовое кольцо на двери. Каменные перила крыльца украсили пышные снежные подушки, на моих плечах успели нарасти белые погоны. Отряхнувшись, как кошка, я разозлилась и постучала еще раз. Они что, решили оставить меня на улице?! Дверь наконец приоткрылась. Сверху на меня уставились бесстрастные глаза моего недавнего знакомого – мистера Батлера, глядевшие с профессиональной вежливостью вышколенного дворецкого, словно бы не он три часа назад тащил меня за шкирку в участок.

– Д-доброе утро. Можно войти? – спросила я и чихнула.

Батлер посторонился, пропустив меня в холл, из которого дохнуло теплом и уютными запахами богатого дома. Дворецкий помог мне обмести снег с ботинок и сразу же удалился, чтобы доложить о моем прибытии. Я осмотрелась. В прошлый ночной визит я проникла в здание через окно на втором этаже, так что моим глазам впервые открылся холл во всем его великолепии. Да, обстановка прямо как в замке. Стены отделаны темными дубовыми панелями, на одной из них висит голова дракона (надеюсь, не настоящая), на другой – два парадных портрета. Широкая лестница в глубине холла вела на второй этаж. Откуда-то, вероятно, из кухни, доносились женские голоса.

– Его светлость сейчас в библиотеке, – сообщил мне вернувшийся Батлер. – Прошу вас.

В библиотеке, залитой серым утренним светом, находились двое. Лорд Фонтерой и Нед Уолтер склонились над чертежом, разложенным на столе. С моим появлением дискуссия оборвалась. Мужчины нахмурились и смолкли, так что было слышно только неуместное торопливое тиканье часов на каминной полке. На лице графа обозначилось выражение крайней досады, словно он вдруг заметил мышь посреди своей чистенькой библиотеки. Бросив на меня неприязненный взгляд, он холодно произнес:

– Тревор уверял меня, мисс Фишер, что в ловкости и сообразительности вам нет равных. Пока что я не имел удовольствия оценить ваши таланты, но готов дать вам шанс. До окончания расследования вы и мистер Уолтер будете жить в этом доме. Нам необходимо

как можно скорее вернуть амулет. Ступайте в свою комнату, а завтра все обсудим.

- Но я... я могла бы... апчхи!

- Батлер, - попросил граф, не дослушав, - попросите Агату, чтобы она отвела эту особу в постель.

- Да, сэр.

Дворецкий аккуратно придержал меня за плечо и вывел из комнаты. Я собиралась взбунтоваться, однако следующий мощный чих едва не сбил меня с лестницы. Пришлось признать, что как ищейка я сейчас действительно никуда не гоюсь.

Горничная Агата оказалась первым человеком в этом злосчастном доме, кто проявил ко мне хоть каплю сочувствия. Это была веселая, смешливая девушка с милым личиком и длинной рыжеватой косой толщиной с мою руку. Любая работа у нее так и спорилась. При виде меня она всплеснула руками и решительно взялась за дело. Вскоре я уже лежала в чистой постели с горячей грелкой в ногах, а мой нос щекотал густой, упоительно вкусный аромат. По мнению Агаты, лучшим средством от простуды, сотрясения мозга и прочих жизненных неурядиц была чашечка горячего шоколада с сахарным печеньем.

- Спасибо! - искренне сказала я.

- Не за что, - отозвалась она, смешливо наморщив нос и подбирая с пола мои промокшие одежды. - Это я, пожалуй, постираю. Отдыхай.

Мне хотелось побольше расспросить ее о всех, кто жил в особняке, это очень пригодилось бы для следствия, но я едва успела поставить чашку на поднос, как меня внезапно сморил сон.

Очнулась я в холле старинного замка. Здесь было темно, как в колодце, лунный свет едва пробивался в высокие узкие окна. Вокруг моей руки обвилась серебряная цепочка, а, разжав ладонь, я увидела драконий клык, оправленный в серебро. Значит, вот ты какой, пропавший амулет...

В гулкой темноте холла слышалось чье-то грозное ворчание. Я попятилась, когда каменные плиты содрогнулись от тяжелой поступи. Что-то просвистело в воздухе, потом с грохотом обрушилось на одну из колонн, высекая искры. Не иначе, разгневанный дракон явился за пропажей! Что же делать?! В пустом холле спрятаться было негде. Я прижалась спиной к колонне, чувствуя тяжелое дыхание притаившегося во тьме чудовища. Луна давала слишком мало света, чтобы оценить обстановку. Дракон шумно втянул в себя воздух. Сейчас учует, и тогда... В отчаянии подняв голову, я увидела, что поверху холл опоясывала деревянная галерея. Недалеко от меня вдоль стены висела узкая винтовая лестница.

Собрав все силы, я со всех ног бросилась туда. За моей спиной взревело. Яркая вспышка на миг ударила по глазам, но я уже птицей взлетела на три пролета, споткнулась и вылетела на галерею, больно стукнувшись коленями и локтями о пыльные доски. Кстати, интересно, чей замок мы сейчас калечим? Это было не жилище Фонтероев, на их гербе дракон, а передо мной на стене висел белый вепрь, освещенный луной.

Здесь я чувствовала себя в относительной безопасности, однако мне хотелось бы убраться от дракона еще дальше. На галерею выходили две двери. Одна из них ничем не могла мне помочь, так как на ней висел солидный замок. Другая была открыта, но клубившаяся за ней холодная тьма заставила меня отступить. Эта тьма сама была как распахнутая дверь. Она притягивала и звала. Сквозь оскорбленное рычание, доносившееся снизу, мне отчетливо слышалось: "Анна..."

Спасибо за приглашение, но что-то не хочется. Доски под моими ногами задрожали. Кажется, дракон вознамерился взобраться вслед за мной, но безнадежно застрял в узком проходе. На лестницу обрушился удар такой силы, что с пола поднялись фонтанчики пыли. Раздался треск, я вскрикнула... и проснулась.

Оказалось, что меня разбудили вопли угольщика за окном. Несмотря на жуткий сон, ноющий затылок и серую утреннюю хмарь, я проснулась в отличном боевом настроении.

Маленькая комнатка с низким скошенным потолком была пуста, вторая кровать, стоящая у другой стены, аккуратно заправлена. Должно быть, Агата давно поднялась. Не успела я умыться и собраться с мыслями, как за дверью послышались шаги и чьи-то голоса. В комнату вошла разбурявшаяся горничная с подносом в руках, а следом за ней – застенчиво улыбающийся Уолтер. От его широких плеч здесь сразу стало тесно.

– Как мило, что ты решил меня навестить, – улыбнулась я, кутаясь в шаль поверх теплой фланелевой рубашки, которую мне одолжила Агата.

Оказалось, что Уолтер помимо хорошего настроения принес мне еще горсть орехов. Орехи! Я готова была его расцеловать. Все "серые капюшоны" знали о моей маленькой слабости. За кулек с орехами меня можно было подбить на что угодно. Ну, почти на все. Агата неодобрительно посмотрела на нас:

– Энни еще больна. Ей нужен бульон и легкий пудинг.

Она поставила рядом со мной поднос, где рядом с чашкой супа на блюдечке дрожало что-то студенистое. Такой завтрак больше подошел бы болезной старушке, чем здоровой девице двадцати лет от роду.

– Может, лучше чашечку шоколада? – жалобно попросила я.

Агата фыркнула было, но, оценив мою несчастную физиономию, согласилась сходить на кухню. Нед проводил девушку долгим задумчивым взглядом. Надо же! Кажется, жизнерадостная красота Агаты произвела сокрушительное впечатление на моего напарника. Обычно собранный и серьезный, Уолтер сейчас выглядел непривычно растерянным. Чтобы случайно не обидеть друга неуместной шуткой, я сгребла в рот еще несколько орехов.

– Ты у нас не Коза, ты белка, – ласково пошутил он, дернув меня за распутившийся локон. – Как ты себя чувствуешь?

– Уже отлично, спасибо.

Нед сделал суровое лицо:

– Меня радует твоя неуязвимость. Что бы ни случилось – встала, отряхнулась и пошла дальше. И все-таки, Энни, в следующий раз попробуй сначала подумать головой, прежде чем пускаться в авантюры!

У меня не было настроения выслушивать душеспасительную проповедь, так что я позволила себе перебить:

– Дорогой Нед, есть три ловушки, которые воруют радость: сожаление о прошлом, тревога о будущем и неблагодарность за настоящее. Я стараюсь избегать каждой из них. Так проще жить, поверь мне.

– Очередная мудрость от Козы?

Я пожала плечами. Детство, проведенное на улицах Эшентауна, научило меня многому.

– Лучше расскажи, до чего вы вчера договорились. Я все проспала!

– Ничего особенного. Днем я на всякий случай прошелся по волшебным лавкам, но драконий амулет никто не продавал.

– Ба! Не думаю, что кто-то спер его ради наживы, – усмехнулась я. – Скорее, это месть. С таким бешеным характером, как у лорда Фонтероя, врагов у него должно быть видимо-невидимо!

– Ты с ним поаккуратнее, – нахмурился Уолтер. – Ему и так перед тобой неловко.

Да?! Я изумленно воззрилась на своего напарника.

– Его светлость – человек благородный, хоть и дракон. Он никогда бы не ударил женщину. А тебя так приложил, что ты второй день с постели не встаешь.

Да, с женщинами Фонтерой обходиться умеет, это я помню. Мы всесторонне изучили биографию нашего клиента, когда взялись за это дело.

– Он тебя просто не разглядел в темноте, вот и принял за шустрого парня. Вчера он даже хотел перед тобой извиниться, но был так зол из-за амулета, что боялся обернуться драконом и спалить тебя прямо на месте.

– Так, все, извинения приняты! – всполошилась я. – Честное слово, у меня к милорду никаких претензий!

– Зато у него к тебе... – Нед выразительно закатил глаза, а я скорбно вздохнула.

Черт, это же надо с самого начала так все испортить! Получается, что в моих интересах теперь пореже попадаться на глаза обокраденному графу. Но как тогда вести поиски?

К счастью, в этот момент вошла Агата с новым подносом, на котором толкались три чашки с горячим шоколадом. Один запах этого напитка внушал оптимизм и надежду, что все как-нибудь образуется. Может, Фонтерой еще успокоится. А уж я приложу все силы, чтобы вернуть пропажу!

Глава 3

Проживание в доме графа обернулось для меня еще одним недоразумением. Затребовав назад свою одежду, я получила вместо нее глухое темное платье с белым кружевным воротничком. Почти такое же, как у горничной.

– Что это? – с ужасом спросила я. – Это мне?!

– Распоряжение его светлости, – развела руками Агата. – Он сказал, что в своем доме не потерпит никаких девиц в мужской одежде.

Вместо утраченного плаща я получила добротную темную накидку, невзрачную коричневую шляпу и крепкие башмаки. Все это вместе составляло приличный наряд девушки из небогатой семьи, то есть было практичным, скромным и невероятно унылым.

– Его светлость, видимо, плохо представляет себе специфику нашей работы, – ворчала я, разглаживая складки ладонью.

Хороша бы я была в платье, когда мы брали Прыткого Джека! Разве у меня получился бы такой шикарный удар пяткой? Да я бы рухнула, запутавшись в юбках, сорвала операцию, насмешила ребят и разозлила Старика, вот и все. А в другой день, когда за мной гнался Барон с ножом в лапе? Помню, я тогда шестифутовый забор перемахнула не глядя, даром что сама росточком не вышла. Жить захочешь – еще не так взлетишь.

Но графу я этого объяснить не смогу, а пока мы не найдем амулет, его лучше не злить. Так что я безропотно облачилась в неудобное платье и спустилась вниз, в библиотеку, где уже ждал Нед. Он расхаживал туда-сюда и горел от нетерпения посвятить меня в подробности дела.

– Итак, наш таинственный вор практически не оставил следов в доме, – рассказывал Уолтер. – Снаружи мы следов тоже не нашли, тем более что в ту ночь сыпал снег.

– А вы, когда дежурили, никого не заметили?

В ту злосчастную ночь Нед, Фокс и Винс должны были следить за домом с другой улицы, со стороны черного хода.

– Ничего особенного. Незадолго до происшествия в переулке остановился экипаж, но он стоял там недолго. Из него вышел человек и постучал в дом напротив. Его спутник тоже вышел, вероятно, чтобы размять ноги. Я видел, как он прогуливался возле кареты. Никто из них не пытался проникнуть в графский сад, и уж тем более не подходил к дому. Потом они уехали. Еще до того, как тебя утащили в суд.

– А если у вора был сообщник в доме?

– Это я проверил в первую очередь. После того, как на него во второй раз напали на улице, граф рассчитал большинство слуг. Остались только трое. Во-первых, Батлер. Он совмещает обязанности дворецкого и камердинера. Очень предан хозяину, даже сейчас отказался его покинуть, хотя Фонтерой предложил дать ему денег, чтобы тот смог открыть свое дело. Мне кажется, они почти друзья, насколько это возможно между людьми из разных кругов. Во-вторых, миссис Бонс, повариха. Она служит Фонтероям не один десяток лет, хотя многие хозяйки в городе не прочь переманить ее к себе. Прекрасный кулинар, мастер своего дела.

М-м, это точно. Я вспомнила нежнейший пирог с яблоками, который мне довелось попробовать сегодня утром, и мечтательно вздохнула. Ответственно заявляю: человек, который творит на кухне такие чудеса, просто не может быть преступником.

– Наконец, мисс Агата Доусон... – теперь мечтательные нотки прорезались в голосе Уолтера.

– Безусловно, она вне подозрений, – хихикнула я. – Поздравляю, у тебя хороший вкус.

– Мисс Агата Доусон, – терпеливо повторил Уолтер, толкнув меня локтем в бок. – Устроилась сюда два года назад, то есть, еще до того, как началась эта заваруха с

амулетом. Миссис Бонс стоит за нее горой. Говорит, что у нее никогда не было такой ловкой и толковой помощницы.

Я задумалась. Все обитатели графского дома были на редкость порядочными людьми. Значит...

– Значит, остаются те джентльмены из экипажа, – вздохнула я. – Больше у нас нет никаких зацепок.

– Согласен, с жильцами из соседнего дома нужно поговорить. Что это за гости ездят к ним среди ночи? Пойду туда.

– Я с тобой.

Соседний особнячок, стоящий в тихом переулке, имел вид гораздо более скромный, чем графский дворец, но выглядел очень опрятно. Это был двухэтажный краснокирпичный дом с высоко торчащими каминными трубами, окруженный небольшим палисадником. Дворецкий, открывший нам дверь, напоминал уменьшенную и несколько более округлую версию Батлера. Выражение лица у них было абсолютно одинаковым. Вероятно, оно выдается вместе с ливреей при вступлении в должность.

– Чем могу служить, господа? – спросил он, осмотрев нас и почему – то задержав взгляд на мне.

– Чей это дом? – поинтересовался Уолтер.

– Мистера Мэллори, сэр.

– Он сейчас дома? – спросила я.

– Сэра Теренса Мэллори? – одновременно воскликнул Нед. – Того самого Мэллори? Знаменитого путешественника?

– Да, сэр. К сожалению, хозяина сейчас нет, сэр.

– Позапрошлой ночью сюда приходил один джентльмен...

– Да, сэр. Он тоже спрашивал мистера Мэллори.

Отвечая, дворецкий почему-то снова пристально посмотрел на меня. Я вздохнула. По всему выходило, что странный ночной визит не имел отношения к краже...

– Кажется, у того джентльмена было дело и к вам, мисс, – вдруг добавил дворецкий.

– Ко мне?!

– Видите ли, сегодня утром он вернулся. Он сказал, что, вероятно, его будет искать "очаровательная зеленоглазая леди", и оставил вам письмо.

– Как он выглядел?

– Какое письмо? – одновременно спросили мы с Недом.

– Довольно высокий крепкий джентльмен, в темном плаще, с рыжеватыми усами и бородой, – ответил дворецкий и ушел в дом, вероятно, за письмом.

Мы с напарником изумленно переглянулись.

– Знать не знаю никаких рыжих джентльменов! – решительно заявила я.

– Борода могла быть и фальшивой. Потом он ее отклеит, плащ с накладками снимет – и никто его в жизни не узнает! – разволновался Нед.

Тут вернулся дворецкий, держа в руках конверт. На конверте не было ни имени, ни адреса. Я засомневалась:

– Да, но почему вы решили, что письмо адресовано мне?

Дворецкий горячо поклялся, что за семь лет, пока он имел честь здесь служить, я – первая зеленоглазая леди, переступившая порог этого дома. Он так настаивал, что мне пришлось-таки взять письмо. Распрощавшись с вежливым господином (который был явно рад от нас избавиться), и попросив его известить нас, если таинственный визитер объявится снова, мы с Недом медленно пошли обратно. Не утерпев, я распечатала письмо прямо на улице. Мы надеялись, что оно содержит какую-то разгадку, однако нам пришлось жестоко разочароваться.

– Здесь какая-то бессмыслица! – воскликнула я с досадой, прочитав текст два раза. – Больше похоже на дурацкую любовную записку. Вряд ли это нам поможет.

«В тайных садах нежданных встреч

Твой нежный взгляд хочу сберечь

Пытаюсь снова вновь и вновь

Ищу тайный смысл невнятных слов».

Бросив взгляд на напарника, я заметила, что он смотрит на меня как-то странно. С нехорошим таким подозрением.

– Энни, – очень серьезно сказал Нед. – Поклянись мне, что ты действительно не имеешь отношения к краже амулета.

Это предположение возмутило меня до глубины души:

– Дьявольщина! Неужели ты думаешь...

– Я могу предположить, что твои старые знакомые из Доков или из Галереи Искусств были бы счастливы натянуть нос титулованной особе и умыкнуть амулет!

Галерея Искусств – это неприметный узкий тупичок в районе Кречи, за Старой часовней. Любой из обитателей этого гиблого квартала может легко и непринужденно избавить вас от кошелька, всего лишь справившись, который час. Или подделать вексель, так что не отличишь. Многие из этих милых людей действительно когда-то были моими хорошими друзьями.

– Нед! Клянусь тебе, что я здесь ни при чем!

Я чуть не плакала. Да, мое прошлое до встречи с мистером Тревором было безупречно. Но с тех пор, как я работаю в магистрате, я ни разу не позволила себе спереть даже булку у разносчика! Неужели меня всю жизнь будут попрекать за старые грехи!

Уолтеру, кажется, стало меня жаль.

– Ну ладно, будет... – Он неловко обнял меня, погладил по плечу. – Не плачь, Энни, я тебе верю. Наверное, лучше не рассказывать графу об этом письме, – добавил он, понизив голос. – Он и так относится к тебе с подозрением.

Мы оба посмотрели на дверь графского особняка, и я вздрогнула, наткнувшись на угрюмый взгляд лорда Фонтероя. От страха у меня отнялся язык. Как долго он стоит там на крыльце? Что успел услышать?!

– Добрый день, господа, – резко сказал граф, спускаясь нам навстречу. – Надеюсь, я не помешал?

– Нисколько, сэр, – спокойно произнес Нед, выпустив мою руку. – Мы всего лишь расспрашивали жителей соседских домов о событиях той ночи.

– Рад видеть, что мисс Фишер сегодня чувствует себя лучше.

В темных глазах Фонтероя вспыхнули золотистые искры. Он стоял рядом, высокий и стройный, солнечный свет подчеркивал резкие черты его бледного лица и поблескивал в темных волосах. Я почувствовала, что меня словно затягивает в омут, а потом с изумлением услышала собственный голос, бубнящий невнятные слова благодарности.

– Надеюсь, вы оба присоединитесь ко мне за обедом, – сказал Фонтерой. – Я хотел представить вам своего друга.

Кивнув нам на прощание, он удалился. Только когда мы с Недом вошли в холл, отгородившись от графа прочной дубовой дверью, я смогла вынырнуть из омута и перевести дух. Положительно, этот человек-дракон действовал на меня гипнотически!

– Не забудь про обед, – напомнил Нед, бросив на меня озабоченный взгляд.

Мысленно застонав, я направилась на кухню, чтобы отдохнуть душой в обществе миссис Бонс и заодно подкрепиться перед предстоящим мне пугающим мероприятием. Уверена, что в компании лорда Дракона мне кусок в горло не полезет.

Глава 4

Стол в графской трапезной был сервирован роскошно. Белоснежная скатерть искрилась, как свежавывающий снег. Посреди стола в узорчатой вазе стоял пышный букет чайных роз. Суп в фарфоровой супнице источал бархатистую смесь ароматов, еще более обостривших наш с Недом аппетит, разгулявшийся после прогулки. Поблескивало столовое серебро. Хозяин дома был одет под стать окружающему его великолепию: щегольской сюртук из превосходного синего сукна, брюки безупречного покроя, полосатый жилет и тщательно повязанный галстук. Темные непослушные волосы были аккуратно стянуты в пучок тонкой лентой, из украшений на графе был только массивный золотой перстень с печаткой. Мы с Недом уселись за стол как деревянные, не решаясь лишний раз взглянуть друг на друга. Мне еще ни разу не приходилось обедать в такой помпезной обстановке.

К счастью, появившийся вскоре гость лорда Фонтероя рассеял всеобщую неловкость. Это был необыкновенный человек! Начать с того, что он опоздал на десять минут. Агата уже успела разлить суп по тарелкам, когда в столовую порывисто влетел щуплый пожилой джентльмен. Его пышные седые волосы топорщились, как пух одуванчика.

– Амброзиус, – представился он, тепло улыбнувшись мне и пожав руку Неду.

Глаза у него были удивительно яркие, чистого голубого оттенка.

Мистер Амброзиус – поэт, мистик и ученый, – отрекомендовал его граф.

– Скажи прямо: волшебник, – подмигнул странный гость, разворачивая салфетку и без церемоний принимаясь за суп. – Я узнал о твоей проблеме, мой мальчик, и прибыл в Уолбрук с первым же снегом.

– Эшентаун, – поправил Фонтерой. – Этот город уже давно называется Эшентаун.

– Вот как? – гость растерянно моргнул. – Значит, Большой пожар уже был?

– Да, всего лишь сотню лет назад, – заметила я, с интересом разглядывая старика. Он казался таким хрупким, будто в самом деле родился из снежной метели. У него было худощавое умное лицо, на котором легко вспыхивала улыбка, изящные кисти рук, и он носил старомодный сюртук такого узкого покроя, что втиснуться в него действительно можно было лишь с помощью волшебства. Или с помощью парочки крепких лакеев.

– У мистера Амброзиуса весьма своеобразные отношения со временем, – сказал мне Фонтерой.

– Да, для меня перейти из завтрашнего дня во вчерашний так же просто, как вам, мадемуазель, пройти из одной комнаты в другую. Я-то уже привык, хотя иногда это создает определенные неудобства. Как справедливо заметил один из мудрецов, время ничем не отличается от любого из трех пространственных измерений, кроме того, что наше сознание движется вдоль него, – с этими словами Амброзиус беззаботно улыбнулся и с аппетитом принялся за еду.

Он показался мне слегка сумасшедшим, но это было безобидное, обаятельное сумасшествие. Отдавая должное прекрасно приготовленным блюдам, он в то же время ухитрялся поддерживать беседу со всеми одновременно. Ему даже удалось разговорить застенчивого Неда, заставив его припомнить несколько случаев из сыщицкой практики. Обстановка в комнате теплела с каждой минутой. Даже наш грозный хозяин в присутствии мистера Амброзиуса внезапно превратился в почти приятного человека.

Конечно же, я опять все испортила неловким вопросом:

– Господин Амброзиус, ваше появление – это невероятная удача для нас! Если вы на короткой ноге со временем, может быть, вы согласитесь вернуться на сутки назад и взглянуть, кто похитил амулет позапрошлой ночью?

Взгляд Фонтероя сразу потух, и он угрюмо отвернулся.

– К сожалению, это невозможно, дитя мое, – мягко ответил волшебник. – Как ни

парадоксально, но гораздо безопаснее перенестись на сто-двести лет вперед или назад, чем вернуться во вчерашний день!

– Но почему?

– Представь, что ты бросаешь в воду камень. От него пойдут круги, верно? Человеческая жизнь – это такой же камень, который оставляет след во времени. Лет через сто твои "круги" сгладятся, и ты сможешь навестить ту эпоху, никому не навредив и не вызвав опасных нарушений в хрупкой структуре бытия. Однако если ты переместишься в недавнее прошлое или будущее, последствия могут быть непредсказуемыми!

Я мрачно подумала, что некоторые недотепы вроде меня оставляют в кильватере такие буруны, которые не изглажаются и за сотни лет. Если, к примеру, разбуженный мной дракон разрушит половину Эшентауна.

– Но вы хотя бы сможете сделать новый амулет? – спросила я уже менее уверенно.

– Сделаю, что смогу, – заверил Амброзиус. – Это не так – то легко! Прежде всего, где мне раздобыть еще один драконий клык?

Мы все как по команде посмотрели на графа.

– Даже не надейтесь, – сквозь зубы процедил Фонтерой.

– Увы, человеческое сознание отступает перед мощью дракона, – вздохнул Амброзиус. – Так что попросить Кеннета, когда он превратится, пожертвовать один из зубов на благое дело вряд ли выйдет. Обернувшись драконом, человек теряет разум и приобретает повадки хищного зверя. В летописях сохранилась история последнего дракона Альфреда, шестого графа Хатфорда, который, утратив самоконтроль, разрушил одну из башен своего замка Лусси и спалил полдеревни, прежде чем крестьяне отогнали его отравленными копьями. Таким образом он попался в ловушку проклятья, которое гласило, что если граф убьет человека, находясь в драконьем обличье, то навсегда останется драконом. Когда настало просветление, несчастный рыцарь ужаснулся тому, что натворил, и в отчаянии бросился с обрыва в реку.

– Вот дьявольщина! – невольно вырвалось у меня.

Фонтерой неодобрительно вздернул бровь:

– Я совершенно согласен с характеристикой, которую вы, мисс Фишер, дали моему несчастному прародителю, – холодно сказал он, – но был бы признателен, если бы вы потрудились выразиться более изящно. Вульгарные ругательства вам не к лицу.

Что?! От его замечания я вообще лишилась дара речи. Ругаться, значит, вульгарно! А спалить десяток невинных людей – это ничего, в порядке вещей?!

– Именно из зуба того дракона мой предшественник Мерлинус сделал амулет, – поспешно добавил волшебник, очевидно, желая уладить конфликт.

«Почему же он заодно не сделал запасной? – подумала я с возмущением. – Ведь зубов у того дракона наверняка хватило бы на целое семейство! Все-таки волшебники – удивительно непрактичные существа».

В этот момент в столовую вошла Агата с блюдом жареных куропаток, и манящий аромат нового кушанья заставил меня позабыть о других чудесах. Девушка ловко разложила по тарелкам жаркое с кукурузными оладьями, собрала ненужную посуду и бесшумно исчезла. Все это заняло у нее не больше двух минут. Я начала понимать, почему миссис Бонс так ценит свою помощницу.

– Что ты собираешься делать, Кеннет? – спросил Амброзиус, поливая оладьи соусом. – Уедешь в Горючий Камень?

– Нет, – резко ответил граф. – Сейчас идут важные переговоры с Сацилией. Я не могу уехать.

– Ах да, Сацилия... – Амброзиус помрачнел, однако воздержался от комментариев.

Кажется, обсуждать политику за семейным столом здесь тоже считалось дурным тоном.

Мне было бы спокойнее, если бы потенциальный дракон убрался в свое родовое гнездо. От одной мысли, что над Эшентауном, покой которого я поклялась защищать, будет кружить огнедышащее чудовище, становилось не по себе. Я представила мощный старинный замок, словно выросший в скалу, с грудой камней на месте разрушенной башни после буйства, учиненного драконом Альфредом. Хотя ее наверняка уже отстроили заново. Мистер Амброзиус тем временем с сожалением оглядел стены гостиной, обитые бледно-желтым штофом, и бросил прощальный взгляд на бежевый ковер с гроздьями пышных цветов.

– Мне нравится твой вкус в отделке комнат, – вздохнул он. – Но, боюсь, пятна копоти на стенах и дыры в коврах не украсят эту изящную гостиную. Этот дом слишком хрупок для дракона.

Тут еще Нед подбросил дровишек в костер, озвучив наше с ним общее опасение:

– Мистер Амброзиус, – спросил он, нахмурившись, – а что если злоумышленник из ненависти к графу уничтожит амулет?

– О, сломать такую вещь еще сложнее, чем сделать, – отмахнулся волшебник.

– К тому же, я бы это почувствовал, – саркастически заметил Фонтерой. – Если кто-нибудь попытается распилить амулет или бросить его в огонь, меня ждет целый букет невероятных ощущений! Никакие пытки в Холодном доме не сравнятся с этим!

Да уж, не позавидуешь. Я поспешно уткнула нос в тарелку, прячась от опасного блеска золотистых драконьих глаз и пытаюсь справиться с новым приступом вины. Остаток обеда прошел в тягостном молчании.

После того как лорд Фонтерой и мистер Амброзиус разошлись по своим комнатам, мы с Недом отправились на Коул-стрит, где мистер Тревор сегодня собирал "ищеек" на очередной совет. Оказавшись в знакомом кабинете, я с облегчением забралась на свое законное место – в оконную нишу, освещенную пламенем камина. Наконец-то можно было расслабиться! Я ужасно устала следить за каждым своим словом и жестом. Здесь, в логове "серых капюшонов", мы чувствовали себя как дома, не то что в чопорном графском особняке.

Нед присоединился к остальным сыщикам, которые постепенно рассаживались за дряхлым скрипучим столом. Тучная фигура мистера Тревора тонула в глубоком кресле, в вечерней полутьме кабинета иногда вспыхивал огонек его трубки. Хаммонд, выглядевший сегодня почти стариком, устроился в углу рядом со шкафом, набитым растрепанными, замусоленными книгами. Хаммонд был, что называется, сыщиком "старой школы". Казалось, вся его энергия была направлена на то, чтобы не дай бог не сделать чего-нибудь лишнего, не перетрудиться. А потом, совершенно убедив всех в своей никчемности, он вдруг изрекал из своего угла нечто такое, что заставляло взглянуть на проблему под новым углом. В этом человеке таилась бездна проницательности.

Рядом с Хаммондом, придвинув ногой деревянный табурет, уселся Фокс. Эти двое составляли изумительно контрастную пару. На Хаммонде любой, даже новый сюртук спустя полчаса приобретал мятый и тусклый вид. Фокс, изящный и подтянутый, сделал бы честь любому клубу на улице Святого Дживса, где обычно проводили время городские щеголи. Мое появление отчего-то очень его обрадовало:

– С днем рождения, Коза! – весело воскликнул он.

– До моего рождения еще целых три месяца, – буркнула я, хотя сама не знала точную дату. В приюте мне сказали только, что это было зимой. Редко кто из детей-сирот мог похвастаться интересными фактами из своей биографии. Например, мне дали фамилию Фишер, так как от корзины, которая служила мне временным пристанищем, нестерпимо воняло рыбой.

– Вчера ты, считай, второй раз родилась, – добавил Фокс более серьезным тоном. – Ты забыла главную ищейскую заповедь: не совать нос, куда не следует, а это правило не из

тех, что можно нарушить дважды. Тебе крупно повезло.

Вспомнив про ноющую шишку на голове, я мысленно согласилась. Действительно повезло, спасибо густой шевелюре. К счастью, мистер Тревор не стал развивать эту тему. Он молчал, дымя трубкой, и по комнате расплывался уютный запах табака. На специальной подставке позвякивал крышкой тяжелый закопченный чайник. Долговязый Винс, пристроив на краешке стола свежую газету, резал крупными кусками принесенные пироги с бараниной.

– Отстань от девчонки, ей и так крепко досталось, – одернул он Фокса. – Лучше давай сюда кружки. А ты, Коза, не смущайся, садись поближе.

Фокс одним плавным движением стянул с полки несколько кружек и расставил их на столе. Его длинные изящные пальцы так и мелькали. Я подумала, что эти руки оченьгодились бы шулеру. Или фокуснику. Пламя в камине вдруг вспыхнуло ярче, осветив его худое бледное лицо и хмурые глаза, в которых на мгновение показалась застарелая усталость. Иногда мне казалось, что в прошлом Фокса скрывалось еще больше темных пятен, чем в моем.

Мистер Тревор, не торопясь, вынул изо рта трубку, прочистил ее и убрал.

– Что сделано, то сделано, – сказал он. – Амулет пропал, значит, будем искать вора.

Винс разлил по кружкам горячий чай. Тревор, подумав, достал из стола специальную бутылку, появление которой ищейки встретили радостным трепетом. В каждую кружку наш шеф плеснул по глотку рома. Значит, совещание будет долгим.

– Странно, что на графа Хатфорда ополчились только сейчас, – заметил Нед. – Вот если бы десять лет назад!

Все согласно загомонили. Десять лет назад похождения юного Фонтероя давали обильную пищу для светского злословия и газетных сплетен. Светский хлыщ, равно удачливый и в любви, и в картах. Наследник приличного состояния. Непревзойденный дуэлянт, умеющий попасть в очко карты со ста шагов даже после грандиозной попойки. Дамский угодник, которому не могла отказать ни одна женщина. Справедливости ради, следует заметить, что от невинных девиц Фонтерой старался держаться подальше, а их целеустремленных мамаш и вовсе избегал так ловко, что твой кот. Он предпочитал иметь дело с женщинами другого склада, понимающими правила игры.

Таким образом юный лорд развлекался несколько лет, однако затем, после смерти отца и старшего брата, внезапно остепенился. Перестал отстреливать приятелей на дуэлях, занял положенное ему кресло в парламенте и, кажется, даже собирался жениться. В общем, к нынешнему времени, достигнув почтенного возраста тридцати лет, лорд Кеннет Фонтерой считался вполне респектабельным членом общества.

Тревор поднял руку, и все тут же умолкли.

– Мне дали понять, – веско сказал он, – что здесь, возможно, замешана политика.

Фокс приглушенно выругался, остальные тоже заворчали. Только я сидела тихо, какмышь. Моя лепта на совещаниях состояла в том, чтобы помалкивать и снимать нагар со свечей. Но я не хуже других понимала, что политические дела – самая головная боль для сыщика. Это как болото, где под безобидной с виду травкой скрывается гниль и грязь.

– Там, – шеф многозначительно возвел глаза к небу, – обстановка сейчас не из лучших. Треклятые лягушатники после Второй Столетней войны совсем обнаглели. Недавно в Эшентаун приехал сацилийский посол, чтобы провести переговоры. И я предполагаю, что внезапное появление дракона на заседании парламента отнюдь не улучшило бы ситуацию. Скорее привело бы к политическому кризису.

– Еще бы! – хохотнул Фокс, вероятно, представив себе перекошенные физиономии парламентариев.

Признаться, я в политике разбиралась слабо. Из подслушанных разговоров можно было сделать вывод, что наше правительство в отношениях с ближайшими соседями придерживалось позиции виртуозного лавирования, поддерживая то одного, то другого

конкурента, в зависимости от своей выгоды. В последнее время, когда Сацилия, отделенная от нас лишь узким проливом, набирала мощь на континенте, эта тактика перестала себя оправдывать. Мы теряли союзников одного за другим. Три года назад мы преподали сацилийцам серьезный урок у мыса Тарфаль, фактически размазав их флот по Джебельтарскому проливу. Теперь они готовились взять реванш.

– Это похоже на правду, – согласился Хаммонд. – Как сказал его светлость, амулет представляет ценность только для Фонтероев. Никто другой не смог бы его использовать. Конечно, драконий зуб – вещь дорогая сама по себе, но владельцы антикварных лавок клялись и божились, что никто им такого товара не приносил. И к графу с предложением выкупа никто не обращался. Значит, либо Фонтероя хотят известить политические противники, либо – кто-то другой из личной мести. Но тогда ненависть должна быть действительно впечатляющей. Интересно, кому он мог так насолить? Может, женщина? Отвергнутая любовница, брошенная невеста?

– Да какая же женщина станет ждать десять лет, чтобы отомстить? – недоверчиво спросил Тревор. – А сейчас Фонтероя не до волокитства. Я слышал, что он собирался объявить о помолвке с леди Клариссой Эмберли, но, возможно, теперь это дело придется отложить.

Тут Хаммонд снова нас удивил, высказав неожиданную мысль:

– Послушайте, но ведь в любом проклятье всегда оговаривается условие, как от него избавиться. В этом и заключается принцип проклятья. Разве я не прав?

– О да, – невесело усмехнулся Тревор. – Все как в легендах: проклятье будет снято, если найдется невинная девушка, которая полюбит злосчастного графа, несмотря на его дурной нрав и привычку плевать огнем, в буквальном смысле.

– Тогда, может, ему наоборот стоит ускорить помолвку?

– Леди Эмберли ничем не поможет его светлости. Она, понимаете ли, вдова. И вряд ли лорд Фонтерой согласится заменить невесту на одну из дебютанток этого сезона. Он все-таки не изверг.

«Да уж, – подумала я, – нам в особняке на Гросвен-стрит только обморочных девиц сейчас не хватает! И так проблем выше крыши!»

Фокс, некоторое время хитро посматривавший на меня, вдруг засмеялся:

– Слушайте, а если Энни?... Это ведь из-за нее уплыл амулет, вот пусть и отдувается! Слышь, Коза, не хочешь стать графской возлюбленной?

– Давайте-ка без шуток, – поморщился Тревор, а мне почему-то кровь бросилась в лицо.

– Нет! – припечатала я. Вышло неожиданно звонко. – И вообще, знали бы вы, что мне приходится терпеть в его доме!

Ребята притихли, Нед удивленно поднял брови, а мистер Тревор насторожился:

– В каком смысле? Неужели его светлость позволял себе... вольности?

– Что?! – я вспыхнула. – Нет, чума его побери, наоборот! Наш клиент, оказывается, респектабелен, как священник. Чертыхаться при нем нельзя, штаны носить нельзя, даже упоминать о них – и то неприлично!

– Ах, вот оно что, – успокоился шеф, отмахнувшись от меня, как от мошки. – Ничего, тебе будет полезно немного улучшить свои манеры.

Остальные при этом тихо хихикали, так что мне оставалось лишь мысленно кипеть от злости.

– Пока что наша единственная зацепка – те таинственные ночные гости, которые приезжали к мистеру Мэллори незадолго до ограбления, – сказал Нед, несомненно, желая вернуть беседу в более конструктивное русло.

– Карета у них была непростая, – поддержал его посерьезневший Фокс. – Не наемный кэб. Это был здоровенный фаэтон с высоким сиденьем и огромными задними колесами. Такой экипаж не каждый день увидишь. И тот человек, который беседовал с дворецким, был явно иностранец. Говорил-то он по-нашему, но звучало чудно.

– Можно подумать, ты у нас такой полиглот, что иностранца поговору отличишь! – усмехнулась я, все еще расстроенная насмешками шефа. Кроме того, я терпеть не могла, когда Фокс начинал умничать.

– Не, «полиглот» у нас – это Винс. – Фокс с нарочитым ужасом покосился на Винса, который приканчивал уже третий кусок пирога и тянулся за четвертым. – А я просто опытный. Если долго отираться в порту, то поневоле нахватаешься разных акцентов: ведь мисниец говорит не так, как сацилиец, а норвейцев и вовсе отличить не проблема, те говорят – словно кашу жуют.

– Что ж, попробуем отыскать эту карету, – подытожил Тревор. – Хаммонд, вы с Винсом завтра прогуляетесь по улице Святого Дживса и пойдете в Серпен-парк, где любят раскатывать всякие модники. А Нед с Фоксом подежурят возле банка и в деловых кварталах.

Я, конечно, заметила, что меня Тревор обошел своим вниманием. А все из-за моего промаха! Да и то злосчастное письмо, которое, по мнению дворецкого Мэллори, было адресовано мне, тоже послужило поводом для недоверия, будь оно неладно! Я уже почти открыла рот, чтобы возразить или объяснить, как вдруг мою ушибленную голову посетила светлая мысль.

По всему выходило, что недоброжелатель Фонтероя – человек из общества, и пари держу, что сам он не полез бы в чужую спальню. Значит, нашел исполнителя. В Доках или в Кречи – бедняцком районе в юго-восточной части города – это несложно. Там всегда можно сыскать ловкача, который за достойную плату притащит вам хоть дьявола из преисподней. А уж если такого человека смог найти лордик из приличного общества, то угадайте, за какое время найду его я, прожившая в Кречи шестнадцать лет?

Пока другие ищейки обговаривали детали, я сидела очень тихо, стараясь ничем не выдать своего вспыхнувшего энтузиазма. Интересно, что они запоют, когда на следующем совещании я выложу им имя заказчика? Пусть Нед с ребятами ищут свою карету. А мне пора освежить в памяти несколько старых знакомств.

Глава 5

На следующее утро, после завтрака, мне не составило труда сослаться на больную голову и вернуться в нашу с Агатой чердачную каморку. Выждав, когда Нед скроется с горизонта и освободит путь, я рывком соскочила с постели. За окном, увы, моросило. Снег, выпавший три дня назад, давно превратился в грязную коричневую кашу.

С платьем для прогулки сразу возникли затруднения. Не могла же я появиться в родном притоне в образе благообразной сиротки! Мало того, что мои старые приятели надорвут животы от смеха – это еще полбеды! Хуже будет, если я в таком виде попадусь какому-нибудь пьяному матросу. Тогда уж точно проблем не оберешься.

Насколько я помню, в узком платяном шкафу, стоящем в углу комнаты, мне попадалась какая-то старая рухлядь. Воспользовавшись отсутствием Агаты, я прокралась к шкафу и по локоть запустила руки в его темное нутро, пахнувшее лавандой. Мне повезло. Под стопкой накрахмаленных нижних юбок действительно обнаружился сверток с мужским платьем: узкие панталоны и сюртук. Все лучше, чем ничего!

Я как раз приложила к себе панталоны, когда дверь внезапно распахнулась, и на пороге появилась Агата. Увидев меня, она замерла. На ее щеках вспыхнули алые пятна, а в глазах на миг блеснула настоящая ярость.

– Это вещи моего покойного брата, – произнесла она сдавленным голосом. – Отдай! Да как ты посмела!

– Я... я ни за что не взяла бы их без спроса! – даже заикаться начала от испуга. Вот уж не ожидала, что милая, веселая Агата умеет превращаться в такую фурию! – Я как раз хотела попросить у тебя, нельзя ли одолжить эти вещички на часик...

– Зачем? – грозно спросила девушка.

Волнуясь и путаясь, я принялась рассказывать: о своей оплошности позавчерашней ночью, о горячем желании найти похитителя. Слово за слово, пришлось рассказать и о письме. Агату оно заинтересовало. Достав из-под подушки тощую картонную папку, я вытащила конверт.

– Ты умеешь читать? – спросила я с интересом, глядя, как долго она вертит письмо в руках.

– Не слишком, но достаточно, чтобы понять, что ты не врешь.

– Пожалуйста-пожалуйста, – я умоляюще сложила руки, изобразив на лице крайнее раскаяние, – мне ужасно жаль, что из-за меня его светлость оказался в таком сложном положении! Я хочу все исправить. Быстренько сбегаю кое-куда, все разузнаю и вернусь. Никто даже не заметит!

– Хм, ладно. – Агата, улыбнувшись, сменила гнев на милость. – Ради такого дела разрешаю.

– Спасибо! – от души поблагодарила я ее. – Только, чур, Неду ни слова!

Пока она не передумала, я быстро скинула платье и натянула сюртук. Потом кое-как зачихала волосы под изношенную кепку, кубарем скатилась с лестницы и... угодила прямо в объятия лорда Фонтероя.

– Далеко собрались, мисс Фишер? – поинтересовался он с какой-то вкрадчивой интонацией.

– Только на минуточку, – промямлила я, проклиная себя за лишнюю спешку. – Хочу... э-э... навестить кое-кого в городе.

– Судя по вашему изысканному туалету, этот «кто-то» проживает в закопченных трущобах за Товерским мостом? Или возле причалов?

Я попыталась бочком проскользнуть к двери, но меня остановила железная рука. Дверь в глубине холла теперь казалась недосягаемой.

– Признайтесь, мисс Фишер, – щекотно прошептал граф мне в ухо, – что именно вы в ту ночь украли амулет, а теперь хотите встретиться с сообщником!

– Нет у меня амулета, хоть общите! – гневно вскинулась я.

Фонтерой смотрел словно сквозь меня, и опасный блеск в его глазах разгорался все ярче. От подступившей паники по спине пробежали мурашки. Что если он действительно вздумает меня обыскать?!

– В этом нет необходимости, – наконец ответил он. – Я пойду с вами.

– Да ни за что!

Пять минут спустя я смирно сидела в кресле, пила чай, принесенный Агатой, грызла орехи и терпеливо ждала, пока камердинер подберет графу костюм, подходящий для визита в трущобы. Невозмутимость мистера Батлера была поистине бесподобна. Он отбирал вещи столь же тщательно, как если бы готовил своего хозяина к посещению званого ужина.

Я восхищалась камердинером и одновременно удивлялась своей покладистости. Понятия не имею, как Фонтерою удалось меня переубедить. Это все драконий гипноз.

Вскоре граф предстал передо мной преобразившимся. Я постаралась скрыть скептическую усмешку. Даже в засаленном сюртуке, с растрепанными волосами и в бриджах, заляпанных опилками (молодчага Батлер не упустил ни одной детали), Фонтерой все равно выглядел как самый расфранченный ферт. Осанка, жесты, взгляд – его выдавало все. Эх, придется постоянно быть начеку, не то нас обоих пустят поплавать по Тессе без лодки!

Накинув на плечи старое коричневое пальто омерзительного вида, Фонтерой неодобрительно покосился на мой тощий сюртучок.

– В этом вы простудитесь насмерть. Батлер!

– Ох, да будет вам! Не сахарная, не растаю! – пробурчала я, досадуя не столько на очередную задержку, сколько на то, что мой продуманный план летел ко всем чертям.

На мое счастье, волшебник Батлер извлек откуда-то толстенный матросский свитер, пропахший дешевым табаком. Зато это одеяние было теплым и, подозреваю, в критической ситуации могло заменить легкую кольчугу. Таким образом, сборы были окончены, и мы с графом, двое оборванцев, покинули элегантный особняк, окунувшись в промозглый туман эшентаунских улиц.

Чтобы добраться до Товерского моста, мы наняли кэб. Дальше придется идти пешком. В грязные кварталы Кречи ни один кэбмен не сунулся бы ни за какие коврижки, да и не всякая улица там способна вместить в себя экипаж. Темные кривые улочки этого района больше походили на норы, прорытые в куче мусора безумным пьяным кротом. Их словно нарочно создали для того, чтобы без помех обстрепывать грязные делишки и уходить от погони. "Ищейки" Тревора навещали Кречи только в исключительных случаях, предоставляя местным жителям возможность самостоятельно справиться с мелкими кражами и разбоем. Драки множились там, как плесень. Поножовщина была обычным делом. В общем, то еще местечко.

Кэб, покачиваясь, гулко отстукивал ритм по просторной набережной Тессы. Над рекой висел густой мокрый туман, в сером мареве которого тонули дома и деревья. Эшентаунский туман был поистине вездесущ. В северо-западной части города он заботливо укутывал богатые белокаменные особняки, придавая таинственность небольшим уютным площадям; в порту он с удовольствием клубился между мачтами и прибрежными отбросами. Туман окрашивал улицы в разные оттенки серого и коричневого. Даже свежевывавшему снегу в Эшентауне удавалось сохранить свой белый цвет не больше часа. А то меньше, если работали кирпичные заводы.

На мосту туманные клочья слегка разгонял ветер. Река, величественно темневшая внизу, сегодня походила на призрачную преисподнюю. Ее широкая лента неумолимо отделяла благопристойные районы и деловые улицы от бедных кварталов, не слишком благоприятных для вашего здоровья. Неподалеку на Собачьем острове виднелись

мрачные приземистые здания складов. Пахло сыростью и чем-то гнилым.

– Чувствую себя сейчас как в лодке у Харона, – пошутил Фонтерой, облокотившись на перила.

Я понятия не имела, кто такой Харон, но, судя по тону моего спутника, знакомство с ним не предвещало ничего хорошего.

– А я как в гондоле воздушного шара, висящего среди туч. Мне всегда было интересно, каково это – поплавать наперегонки с облаками!

Один раз мне довелось видеть запуск воздушного шара, и это зрелище останется в моей памяти навечно. Огромный цветной купол занимал полнеба, висевшая под ним гондола с суесящимися человечками казалась совсем крошечной. Вот где настоящее волшебство! Куда уж там мистеру Амброзиусу!

Фонтерой взглянул на меня с искоркой интереса:

– Если хотите, могу устроить для вас такую прогулку.

Это было слишком прекрасно, чтобы быть правдой, так что я пропустила его обещание мимо ушей. Нет ничего опаснее, чем позволять пустым мечтам сбить тебя с пути. Для начала было бы неплохо сегодня вернуться целыми и невредимыми. Я сочла нужным предупредить своего спутника:

– Мне нужно навестить в Кречи одного человека. Он наверняка знает, не получал ли кто из местных заказ на кражу необычного амулета. Только, пожалуйста, будьте осторожны! Это вам не прогулка по Бонд-стрит!

– Не беспокойтесь, – усмехнулся граф. – Держитесь ближе ко мне, и все будет в порядке.

Что? Вообще-то это я должна была сказать! Я присмотрелась к Фонтерою, насколько позволял туман. Поразительно, но стоило ему пересечь мост, как он неуловимо изменился – словно острый кинжал вынули из бархатных ножен. Изящный холеный аристократ остался в особняке. Рядом со мной шел совсем другой человек, от которого ощутимо веяло опасностью. В мою бытность Стрекозой я обходила таких типов по широкой дуге.

Сразу от моста начинался Кривой переулок. Это была узкая и порядком загаженная улица с неровной булыжной мостовой. Редкие прохожие старались незаметно прошмыгнуть мимо опасного места. Тень тюрьмы угрожающе нависала над этим районом. У нас говорили так: «от Кречи до Табрена недалече». И, действительно, карьера многих здешних обитателей закончилась на табренской виселице. Я была редким исключением.

Везение не раз меня выручало. В шесть лет я самовольно покинула приют, где из воспитанников умирал каждый пятый, счастливо избежала холеры и прочих напастей, например, торговцев детьми. Потом меня подобрал Ушлый Гарри и обучил всяким штукам. Наконец, моей последней удачей было, когда мистер Тревор, поймав меня на горячем, почему-то не отправил в рабочий дом, а оставил при себе. Не сразу, конечно. Пришлось приложить для этого массу усилий.

Именно Ушлого Гарри – вернее, мистера Гарри Бобарта – я и собиралась навестить. Он жил недалеко от продуктового рынка. Его дом знали все. Деловые люди со всего квартала тащили ему всякую рухлядь, нажитую несправедливым трудом, и всегда могли рассчитывать на справедливую цену. У мистера Бобарта все шло в дело. Украшения переплавлялись и сбывались знакомым ювелирам, с одежды спарывались метки и отчищались подозрительные пятна, а затем преобразованные вещи тихо покидали обитель Бобарта через черный ход. Я хорошо помнила запасную дверь в кухне. Низенькая, вся залепленная грязью и запертая на висячий замок, она выглядела так, будто ее сроду не открывали. Однако на самом деле петли были всегда тщательно смазаны, а с заднего двора ловкий человек мог двумя узкими переулками выйти прямо к реке и в пять минут добраться до причалов.

В общем, дом Ушлого Гарри был своего рода шлюзом для вещей, которым давалась вторая жизнь, а иногда и для людей, которым требовалось срочно скрыться. Эти господа

не скупилась на ответные услуги, причем платили Гарри не только деньгами. Информация – тоже товар, особенно если знать, кому и когда ее предложить.

За два дома от жилища Бобарта находился трактир «Синий якорь», привносящий в затхлую атмосферу нашего квартала нотку разухабистого веселья. Я с ностальгией узнала знакомую вывеску. Час был еще ранний, так что пока здесь царило затишье. Перед входом на старых ящиках и свернутых канатах расположилась стайка парней и девчонок. На пузатой бочке перед ними стояло несколько кружек. Как обычно, ребята убивали время в ожидании темноты и начала той самой работы.

– Лопни мои глаза, это ж Стрекоза Энни! – вдруг послышался вопль.

Я вздрогнула. В разбитной девице, вскочившей на ноги, мне почудилось что-то знакомое. Неужели это Плакса Глэдис? Но как она переменялась! Я помнила ее совсем другой. Когда-то Глэдис была моей близкой подругой. Пепельные локоны, наивные голубые глаза – ни дать ни взять ангелочек, стукнутый по голове чем-то тяжелым. Сейчас наивности в ее выражении лица поубавилось, начесанные волосы сбились в колтун, и, когда она подошла ближе, меня чуть не сбило с ног густым ароматом дешевых духов. Черт, таким запахом можно валить деревья!

И все равно я была рада видеть ее живой. Я обняла подругу со смешанным чувством радости и неловкости.

– Смотрю, ты процветаешь! – улыбнулась Глэдис щербатым ртом. – А то про тебя разные слухи ходили! Болтали, что ты сиганула с Ясеневого моста или что тебя сцапали «серые»...

– Энни не так-то легко убить, – вклинился Фонтерой.

– Можешь ему поверить, он уже пробовал, – хмуро подтвердила я. Мне не понравилось, что Глэдис тут же принялась строить глазки моему спутнику. Ох, знала бы она, с кем имеет дело!

– Меня звать Крафт. Кеннет Крафт, – представился граф, немало меня удивив. Но его следующие действия поразили еще больше: улыбнувшись, он приобнял Глэдис за плечи и что-то шепнул ей на ухо. В воздухе мелькнула блестящая монета – и тут же исчезла у Глэдис за корсажем. Не требовалось большого ума, чтобы сообразить, о чем они договаривались. Среди парней, толпившихся у трактира, раздались понимающие смешки.

Я вдруг ощутила, что мне не хватает воздуха. И это называется джентльмен! Джентльмен, который вот-вот собирается жениться на леди! Правду мне когда-то говорила Рут: все они одинаковы!

Чуть не ослепнув от ярости, я резко дернула Фонтероя за руку:

– Нам пора!

Тут, правда, возникло неожиданное препятствие. Местные трактирные забияки не собирались так легко нас отпустить. Четверо парней словно ненароком встали так, что загородили почти весь проход, и вид у них был довольно угрожающий. Фонтерой снова обезоруживающе улыбнулся:

– Почему бы нам всем не выпить портера за счастливое возвращение Энни? Я угощаю, – сказал он, припечатав к донышку бочки новенький шиллинг.

Это их отвлекло. Блестящая монета упала перед ними, как шмат мяса посреди псарни. Пока они переглядывались, я поспешила увлечь Фонтероя в слякотную темноту переулка.

– Ты очень забавная, когда сердишься, – шепнул Кеннет спустя некоторое время, когда трактир остался позади и нас окружало только уличное зловоние.

На языке вертелась сотня колючек, которые мне не терпелось вонзить в его драконью шкуру, но мы уже очутились перед знакомым крыльцом, так что времени на ссоры не оставалось. Я ограничилась тем, что бросила на попутчика испепеляющий (как я

надеялась) взгляд. Затем постучала в дверь условленным образом.

Чей-то глаз внимательно осмотрел нас сквозь крошечное отверстие. Послышался скрежет отпираемого замка, и на пороге возник мистер Бобарт собственной персоной.

– Энни, дорогая! Какими судьбами?

Он широким жестом пригласил нас войти, не забыв, однако, тщательно запереть дверь. Я чуть не со слезами оглядела знакомую до последней мелочи кухню. За два года здесь ничего не изменилось. Так же уютно светились угли в очаге. В углу торчала старая плита, которая при необходимости легко превращалась в горн для переплавки золотишка. На стенах висели пожелтевшие вырезки из журналов, а в клетке попискивал Сверчок – любимая канарейка Рут.

Голос мистера Бобарта звучал уже из глубины комнаты:

– Рут! Ты глянь, кто к нам пожаловал!

Послышались торопливые шаги, и в комнату, откинув занавеску, вошла моя приемная мать. Признаться, после встречи с Глэдис я ждала ее появления с некоторым трепетом, но миссис Бобарт оказалась точно такой, как я ее помнила: веселой, крепкой и неунывающей. Ее темные волосы задорно кудрявились, выбиваясь из-под чепца, а руки были все так же красны от бесконечных стирок.

– Боже мой, Энни! Жива и здорова! Чудо господне!

Она засмеялась и обняла меня, в то же время оглядывая проворными карими глазами, словно прикидывая, какую выгоду из меня можно извлечь. Рут Бобарт привыкла извлекать пользу из всего, что попадало к ним в дом через парадную дверь. Я не сомневаюсь, что они с Гарри оба меня любили – по-своему, как умели. Просто в Кречи все человеческие чувства искажались, словно в кривом зеркале, превращаясь в свои уродливые подобию.

Я коротко познакомила их с Кеннетом, который снова представился Крафтом, и мы усадились пить чай перед камином, болтая о пустяках. Мистер Бобарт поначалу косился на Кеннета с подозрением и осторожничал, как старый лосось. К счастью, люди не зря избрали сотни безопасных тем для разговора. Мы последовательно обсудили необычайно теплую зиму, планируемый снос трущоб за Старой Часовней, работу благотворительных обществ и рост цен на сахар. Только после этого я отважилась спросить о том, что нас действительно интересовало.

– Не заходил ли к вам кто-нибудь из Галереи Искусств? Я бы охотно повидалась с Хамфри или Чарли Обрубком, если он еще жив.

Ушлый Гарри снова нервно бросил взгляд на Кеннета.

– Крафта можешь не опасаться, он свой, – сказала я уверенным голосом. – Ходят слухи, что в Галерее запахло серьезными деньгами, если ты понимаешь, о чем я. Ради такого я бы, пожалуй, даже вернулась.

Рут в это время собирала на поднос посуду. Позвякивание чашек выдавало ее нервозность.

– Может, Фил из "Шипучего кота" что-то знает, – сдался наконец мистер Бобарт. – Ко мне никто из них не приходил. Я вообще давно никого не видел из Галереи.

Знакомая присказка: "ничего не видел, ничего не знаю, меня там вообще не было". Прямо ностальгией повеяло. Вместе с тем я понимала: даже если Ушлый Гарри что-то слышал, больше мы из него ничего не вытянем.

– Не ходи к Филу сегодня! – взволнованно сказала Рут. – Темнеет уже, а район там опасный.

"Не опаснее, чем здесь", – подумала я. Хромой Фил держал трактир за две улицы отсюда, недалеко от скотобоен. Коты у него действительно не переводились, так как со скотобойни постоянно набегали крысы. Мистер Бобарт не раз предлагал ему завести

терьера, но Фил оставался верен мурчащему полосатому племени.

- Не волнуйтесь за Энни, - широко улыбнулся Кеннет. - Она же со мной.

Я бросила на него предостерегающий взгляд. Ох, чувствую, его позерство еще выйдет боком!

Вопреки опасениям, до искомого трактира мы добрались без приключений. В переулках сгустилась темнота, кое-где зажглись редкие фонари. Один такой фонарь освещал вход в трактир, играя роль путеводной звезды для пьяниц. Это заведение было почище, чем "Синий якорь", но без модных наворотов в виде начищенных медных деталей и висящих над стойкой окороков. В стены прочно въелся запах жареной рыбы. Полутемная коричневая зала была разгорожена на отделения, напоминавшие конюшенные стойла. В недрах трактира громоздились тяжеленные бочки с выжженными клеймами. На краю стойки дремал полосатый котяра, изредка оглядывая подшефное помещение одним желтым глазом. Прищур у него был не хуже драконьего. Проходя мимо, я погладила кота, и тот в ответ заурчал, как гравийная дробилка.

Посетителей было мало. Из-за одной перегородки доносилась болтовня рыбаков да за дальним столиком дремала какая-то куча тряпья. Возле стойки царила безмятежная пустота. Фил, как обычно, занимался тем, что полировал грязный стакан таким же замаранным лоскутом.

- Давненько тебя не видел, - осклабился он мне.

- Пива и рюмку миндального ликера для леди, - провозгласил Кеннет, бросив на стойку несколько пенсов. Фил хмыкнул, кот приоткрыл один глаз, а я наступила Фонтерою на ногу, тем самым намекнув, чтобы он не выходил из образа. Миндальный ликер, о господи! Вряд ли когда-нибудь дорогой ликер переступал порог этой харчевни, не говоря уже о "леди"!

Все-таки Фил отыскал два стакана почище и разлил по ним жидкость, о происхождении которой лучше было не задумываться.

- Интересные люди забредают иногда в наш тихий уголок, - подмигнул он.

- Я как раз ищу кое-кого, - доверительно шепнула я, пользуясь тем, что Фила пока не одолевали посетители. - Человека с необычными запросами. У нас есть к нему... предложение.

Трактирщик повел плечом, настороженно зыркнув по сторонам.

- У меня многие перебивали, всех не упомнишь...

К горке мелочи на стойке словно по волшебству добавились два серебряных кружочка. На лбу Фила выступил пот.

- Ладно, был один тип, - признался он. - Давно, еще осенью. Месяца три назад. Настоящий джент, сразу видать, солидный, рыжебородый. Он искал ловкого парня, который не забоялся бы поработать в чистых кварталах за рекой. Я сразу подумал о тебе, Стрекоза, - тут Кеннет за моей спиной издал короткий смешок, - но ты же вроде отошла от дел?

- Похоже, в этом деле я погрязла по самые уши, - пробурчала я. - Слушай, если этот рыжий «джент» вернется, будь добр, шепни словечко Ушлому Гарри.

Фил серьезно кивнул:

- Не беспокойся. Только будь осторожна. Сама понимаешь, парни вроде него не любят, когда о них принимаются расспрашивать.

Между тем трактир продолжал жить своей беспечной жизнью. Я заметила, что ветхая куча тряпья, сидевшая в дальнем углу, куда-то исчезла.

Туман на улице сгустился так, что идти приходилось наощупь. Тонувшие в грязи булыжники скользили под ногами. Мне не терпелось выбраться обратно к мосту.

Постепенно крепло нехорошее предчувствие, и в каждой подворотне мерещилось чье-то скользкое присутствие. Видно, правда, ничего не было, но жизнь чувствовалась. Каждый шорох наводил на зловещие мысли.

– Три месяца назад! – негромко заметил Фонтерой, вспоминая слова трактирщика. – Как раз в это время меня в первый раз попытались ограбить на улице!

– Дай бог не в последний, – пошутила я. – Мы слишком задержались. Даже «ищейки» не суются сюда после темноты!

Очертания домов совершенно растворились в плотных, удушливых сумерках. Откуда-то из речной дали донеслась унылая песня лодочника. Мы ускорили шаг. Оступившись в очередной раз, Кеннет приглушенно выругался и остановился:

– Подождите! Я зажгу огонь.

– Лучше не надо, – поспешила возразить я, но было поздно. Темнота вокруг нас сгустилась и обрела очертания. Из удушливого мрака выступил еще один мой старый знакомец – Дэннис Хантер. За его спиной маячили двое. И, судя по шорохам, еще трое подбирались к нам с тыла.

Когда-то (боже, как давно это было!) я полагала, что влюблена в Дэнни. Теперь, оглядываясь назад, я понимала, что была тогда не в своем уме. Дэннис обладал броской внешностью и в карман за словом не лез, этого у него не отнимешь. Его проблема заключалась в том, что он постоянно был чем-то вроде тлеющей головни, готовой вспыхнуть от лишней кружки эля. Сейчас, судя по нездоровому блеску глаз, он находился в одном из худших своих состояний.

– Отойди-ка в сторонку, Стрекоза, пока мы потолкуем с твоим кавалером, – осклабилась бывшая любовь моей жизни. – Поговорим как мужчина с женщиной.

Его ухмылка мне совсем не понравилась.

– Я тоже рада тебя видеть. Не валяй дурака и дай нам пройти, – ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Иногда это срабатывало. Бывало, что Дэннис насмешливо пожимал плечами и демонстративно уступал, якобы не желая ссориться с вздорной девчонкой. «Но не сейчас и не в присутствии его дружков», – поняла я со страхом.

В следующую секунду в переулке вдруг стало еще темнее, словно на город внезапно упала ночь. Один из парней придушенно вскрикнул, у другого чуть глаза не вылезли из орбит. Даже на физиономии Дэнниса, искаженной от пьяного гнева, мелькнул проблеск здравомыслия. Сзади послышался шорох осыпающихся камешков и drobный топот, как если бы кто-то улепетывал со всех ног. Я отступила назад и неожиданно уперлась спиной в упругую колючую стену.

Мне не хватило храбрости, чтобы обернуться. Стена колыхнулась. И вдруг – столб огня по глазам, как солнце, ничего не видно, больно. Лицо и руки опалило жаром. Я зажмурилась, а когда снова открыла глаза, переулок был пуст. Каменная кладка медленно остывала, отсвечивая багровым. Тихо догорали обломки какого-то хлама, сваленного внизу. В одном месте кирпичи спеклись в глянцевую массу, от которой исходил сильный жар.

Я обернулась. Фонтерой стоял как ни в чем не бывало, скрестив руки на груди, только его глаза светились опасным золотистым огнем.

– Они смылись, – пожал он плечами с этакой ленивой небрежностью. – Однако нам лучше поспешить, пока эти бездельники не развели панику по всей округе.

Я шумно перевела дыхание.

– Да-да, ты прав.

С трудом подавив липкую тошноту, я заковыляла прочь из переулка, едва передвигая онемевшие ноги. Фонтерой вежливо предложил мне руку – пришлось сделать вид, что я

ее не заметила. Ни за какие коврижки я не решилась бы сейчас к нему прикоснуться! всю дорогу, сидя в кэбе, я старательно избегала его взгляда, а вернувшись в особняк, сразу зайцем метнулась наверх. Испуг перед пьяной компанией, подкараулившей нас в переулке, ни в какое сравнение не шел со страхом, который теперь внушал мне граф Хатфорд.

Глава 6

Не помню, как я добралась до своей комнатки на чердаке. Пережитый ужас вылился в истерику, и я рыдала до икоты, вцепившись обеими руками в подушку. Перепуганная Агата натерла мне виски «венгерской водой», напоила травяным отваром и полночи просидела рядом, держа за руку.

Только под утро мне удалось забыться беспокойным сном, но облегчения это не принесло, так как во сне опять привиделся тот замок с белым вепрем на стене. Наверное, он решил взять меня измором. Я снова пыталась спастись от дракона, рыскающего в сумрачном холле, и меня снова подстерегала на галерее таинственная ледяная чернота. Не понимаю, чего они ко мне прицепились?! Но хуже всего было то, что о наших с Фонтероем подвигах в Кречи прослышал Нед. На следующий вечер мистер Тревор созвал внеочередное собрание «ищеек», на котором меня заставили подробно рассказать о случившемся.

Ребята выслушали меня в мрачном молчании. Когда я дошла до описания огненной вспышки в переулке, Фокс даже присвистнул, а Хаммонд из своего угла сокрушенно покачал головой. Между бровей Тревор залегла такая складка, что туда двухпенсовик можно было засунуть, и он бы не выпал.

Я оправдывалась как могла:

– Все сошло бы нормально, если бы нам не попался этот чертов Дэннис! Наверное, он был пьян.

– Даже если он был трезв, как стекло, готов поспорить, что сейчас его не оторвать от бутылки! – мрачно пошутил Нед. – После такого-то потрясения! И о чем ты только думала? Разве ты забыла, что рассказывал Амброзиус?! Если бы Фонтерой убил кого-то из этих прохвостов, он остался бы драконом навсегда!

Можно подумать, я силком затащила нашего графа в самые глухие трущобы! Он ведь сам захотел! Теперь я еще виновата в том, что дракон думает животом, а не головой!

Тревор перегнулся через стол, пригвоздив меня к спинке стула жестким взглядом:

– Надеюсь, ты понимаешь, что мне следовало бы вышвырнуть тебя отсюда, чтобы ноги твоей не было на Коул-стрит. С твоим легкомыслием и куриным пониманием сущности ищейской работы! Знаешь, почему я этого не сделаю? Потому что у меня есть одно поручение, с которым можешь справиться только ты. Но если провалишь и это дело...

Старик ледяным взглядом молча дал мне понять, какая кара ждет меня в случае неудачи.

– И как ты могла подумать, что мы упустим из виду возможных сообщников нашего светского воришки? – вклинился Фокс. – Да мы проверили рабочие кварталы еще в тот день, когда ты лечила свой насморк в особняке на Гросвен-стрит! И выяснили, что рыжебородый тип, про которого упоминал Фонтерой, в последнее время в Кречи больше не появлялся.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Это что же получается, мои вчерашние старания, весь ужас, который мне пришлось пережить, – все было зря?!

– Задание тебе будет такое, – сказал мистер Тревор, одним движением бровей отметя Фокса в сторону. – Нам удалось найти экипаж, очень похожий на тот, что торчал возле дома графа в ночь кражи. Он принадлежит сацилийскому послу. Послезавтра господин посол дает прием, и ты на нем появишься.

– Что? Я?! – вырвался у меня сдавленный писк.

– ...Послушаешь, кто с кем сплетничает и о чем. Проследишь, кто улыбается Фонтерой, и, что еще интереснее, с каким выражением смотрит ему в спину. Граф Хатфорд, разумеется, тоже почтит прием своим присутствием...

"Час от часу не легче!" – подумала я с возрастающей паникой. Почему-то вероятность

опозориться в глазах Фонтероя пугала меня гораздо сильнее, чем насмешки его высокородных друзей.

Тревор же невозмутимо продолжал:

– ...Но он человек заметный, ему за другими приглядывать несподручно. Ты же – другое дело. По легенде ты – Энни Фишер, его нищая кузина, которую граф Хатфорд взял под опеку и временно приютил у себя. Изобразишь бессловесную застенчивую дуручку, впервые попавшую в блестящее столичное общество. Полагаю, на это у тебя ума хватит. Ну же, Энни, что за испуганный вид? Я ведь знаю, что твой бывший приемный родитель научил тебя, как отличить лопаточку для рыбы от десертной ложки. Больших умений от тебя не потребуются.

Ушлый Гарри обучал меня, чтобы потом использовать как наживку для джентльменов, искавших необременительных интрижек. Я же не дура, понимаю, для чего были эти уроки этикета и танцев. Меня готовили к роли легкомысленной мешаночки, достаточно вышколенной, чтобы джентльмен не постыдился прогуляться с ней в Серпент-парке, и достаточно незначительной, чтобы он мог позволить себе кое-какие игривые мыслишки, не опасаясь серьезных последствий. Вдруг я вспомнила ожесточившееся лицо Плаксы Глэдис, ее застывший циничный прищур, и содрогнулась. Улицы Эшентауна были безжалостны к молоденьким девушкам. Какая участь ожидала бы меня, если бы не вмешательство мистера Тревора? Его поручение по сравнению с грязными намерениями Ушлого Гарри было такой мелочью...

– Хорошо, я согласна. А лорд Фонтерой знает об этом сногсшибательном плане? – поинтересовалась я не без ехидства. Как-тоотреагирует лорд Дракон, когда узнает, что ему навязали такую замечательную "родственницу"?

Улыбка Тревора не предвещала ничего хорошего:

– Более того. Он сам его предложил.

Всю обратную дорогу до Гросвен-стрит Уолтер пытался убедить меня, что изобразить леди разок-другой – плевое дело. Почему-то он был свято уверен в моих актерских способностях. Меня же слегка потряхивало, даже есть захотелось от страха. Жаль, не успела у Тревора урвать кусок пирога, пока Винс до них не добрался. Теперь-то придется изучить более изысканное меню: всякие там анчоусы (знать бы еще, что это такое), кремы и желе, – чтобы не попасть впросак на великосветском приеме. Ужин у посла, боже мой! Там ведь будут все сливки общества! Самые высокородные леди и джентльмены, образованные, блистающие изысканными манерами и остроумием... И тут из кустов появляюсь я, что называется, «из грязи в князи». Да меня же вмиг раскусят! Опозорюсь сама, опозорю лорда Фонтероя, подведу мистера Тревора... После этого останется только утопиться в Тессе. Может быть, я смогу отговорить графа от этой безумной затеи?

Однако стоило нам с Недом войти в холл, как я сразу поняла, что паниковать уже поздно. Лорд Фонтерой в наше отсутствие развил бурную деятельность:

– Я распорядился перенести ваши вещи в свободную спальню на втором этаже. Моя кухня, даже фальшивая, не может жить на чердаке вместе с горничной. До приема еще целый день, так что Амброзиус успеет дать вам пару уроков, чтобы вы не опозорились. В остальном – помалкивайте и положитесь на меня.

Я вздохнула. Ну конечно, наш лорд Дракон в своем репертуаре.

– Какие-то проблемы? – Фонтерой, явно куда-то спешивший, задержал на мне долгий взгляд.

– Нет-нет, что вы, сэр, я вам очень благодарна.

«Драконий гипноз» действовал безотказно.

Стылая зимняя ночь бродила за окнами, вымораживая их своим дыханием. В гостиной графского особняка на Гросвен-стрит сидели двое мужчин. Кеннет Фонтерой листал книгу, вольготно откинувшись в кресле и положив ноги на подставку для дров. Нед Уолтер любовался рубиновым блеском вина в бокале. Слуг уже отпустили, так что

уютную тишину нарушал только треск поленьев в камине. Амброзиус на ночь глядя куда-то исчез. Через приоткрытую дверь Нед слышал, как тот в холле прощался с хозяином. Вероятно, отвечая на какой-то вопрос, он сказал: «Я думаю, пророчество следует толковать шире. Если в сердце есть любовь, ты останешься человеком, даже находясь в облике дракона...» Хлопнула входная дверь, по ногам потянуло сквозняком – и волшебник растворился в снежной метели.

Сейчас Нед испытывал неловкость, словно нарочно подслушал личную беседу. Чтобы избавиться от этого неприятного чувства, он подлил себе еще вина. Попытался представить, каково это – внезапно превратиться в шипастую тушу размером с дом с тлеющим сгустком огня в желудке. Бррр! А человеку, сидящему напротив, совсем недавно пришлось пережить это на собственной шкуре! Мысленно вздрогнув, Уолтер снова потянулся за графином. Его весь вечер мучила одна мысль, и спустя полчаса и пару бокалов он наконец решился облечь ее в звук:

– Я не стал говорить этого при Энни, она и без того напугана, но вы уверены, милорд, что она справится? Нет ли у вас настоящей кухни, которой мы могли бы поручить это дело?

Лорд Фонтерой со вздохом отложил книгу:

– Из всех моих немногочисленных родственников я не знаю никого, кто в такой ситуации смог бы удержать язык за зубами. Недели не пройдет, как о моей проблеме будет судачить весь город.

– И все же я с трудом представляю себе Козу... то есть Энни в светской гостиной! Это все равно что слона запустить в фарфоровую лавку!

– Позволю себе заметить, Уолтер, вы настолько привыкли к своей напарнице, что не замечаете очевидных вещей. Взгляните на ее маленькие руки, на тонкие черты лица. Даже ее манеры, – тут граф невольно улыбнулся, – иногда поражают изяществом, когда она следит за ними. Как это ни удивительно, но мисс Фишер, безусловно, благородного происхождения. Где вы ее откопали... то есть, откуда она?

Уолтер нахмурился:

– Боюсь, она родилась в одном из тех убогих мест, где благотворительность дает скромное убежище нищете. Проще говоря, Энни выросла в приюте. Она сирота, и до встречи с мистером Тревором ее воспитание было, хм, довольно своеобразным.

– Я пытался разузнать о ней у ее старинной подруги, – признался Фонтерой. – Кажется, ее зовут Глэдис или что-то в этом роде. Однако она знает не больше вашего. Это странно. Хоть какие-то слухи должны быть!

– Да, Старик... мистер Тревор в свое время тоже пытался что-то выяснить, но безуспешно.

В глазах Кеннета Фонтероя загорелся опасный огонек:

– Если мистер Тревор проявил такое участие к бедной девушке, неужели ему не пришло в голову отправить ее в школу вместо того, чтобы заставлять гоняться за преступниками?

– Как это не пришло! – возмутился Нед. – Старик подыскал ей отличный пансион. Я сам лично дважды ее туда отвозил! Но она возвращалась! После третьего побега Тревор смирился и решил, что пусть лучше Энни останется при нас, чем опять начнет путаться со всякими проходимцами!

Взяв книгу, Фонтерой снова откинулся в кресле:

– Вы можете больше не беспокоиться об этом. Я сам о ней позабочусь.

По мнению Уолтера, хорошо знакомого с характером своей напарницы, в этом заявлении звучал неумеренный оптимизм. Энни была, мягко говоря, далека от того, чтобы искать в жизни поддержки. Интересно, зачем она понадобилась графу? Неужели Фонтерой настолько мелочен, что желает свести с ней счеты за то, что она нечаянно лишила его амулета? А если нет, тогда что? Уолтер пригубил вино, пытаясь скрыть беспокойство, но

про себя решил посоветоваться с Фоксом. Они вдвоем присмотрят за Козой. Он, Уолтер, не позволит использовать ее в чужих интригах, а потом выбросить, как ненужную тряпку.

Глава 7

На следующее утро, едва разлепив глаза в пышной постели, я долго таращилась на "цветочный" полог над головой, недоумевая, что за диковинный сон мне снится. Когда память прояснилась, я вспомнила, что накануне вечером меня, как мешок с углем, забросили в эту чистенькую девичью спальню.

Убранство этого гнездышка разительно отличалось от других комнат особняка, выдержанных в строгом, холодноватом стиле. Ситцевые чехлы на креслах, обои и бархатные портьеры были украшены цветочным узором. Подушки на кровати были такие мягкие, что я тонула в них, как в теплом сугробе. От камина тоже струилось тепло. Собственный камин в комнате – неслыханная роскошь! У стены стояли высокий комод и туалетный столик на изящно выгнутых ножках, над которым висело большое зеркало.

В общем, меня окружала такая красота, что даже ругаться не хотелось. Да и нельзя теперь. Это Коза с Коул-стрит могла болтать все, что ей вздумается, а мисс Фишер, кузина высокородного лорда, должна держаться, как подобает скромной благовоспитанной девушке. Иначе как ляпну что-нибудь в самый неудачный момент – и прощай, легенда.

В дверь осторожно постучали. Распахнув ее, я с изумлением увидела на пороге Агату. Мда, вот еще одно свидетельство моего нового положения... Я всего лишь переехала на этаж ниже, а мой социальный статус изменился настолько, что бывшая подруга-горничная должна теперь стучать, прежде чем войти. Я почувствовала себя неловко. Хорошо еще, что это ненадолго!

Ловко пристроив поднос с кофейником на невесомый столик, Агата сказала:

– Милорд распорядился подать завтрак сюда, так как скоро прибудет модистка.

– Зачем? – только и могла спросить я.

– О, мадам, вам понадобится куча всего! – Она принялась загибать пальцы, перечисляя: – Платье для бала, два-три утренних платья, туалеты для прогулок, туфельки, полуботинки, веера...

Стоп-стоп-стоп, зачем так много?! Я всего лишь прогуляюсь на бал и, возможно, пару раз проеду в карете! На большее мы не договаривались! Но Агата была настроена так серьезно, словно ей действительно поручили подготовить к выходу в свет юную дебютантку, вооружив ее до зубов всякими дамскими штучками.

– И, пожалуйста, не говори со мной как с леди! – взмолилась я. – Мне и так не по себе!

– Но ведь я теперь тоже важная особа, – подмигнула подруга. – В один день меня из горничной произвели в камеристки! Не волнуйтесь, мадам, я прекрасно умею укладывать волосы, сплетничать и выводить пятна от любых напитков, которые вы на себя непременно опрокинете.

От ее шутливого тона мы обе расхохотались, но мне все равно было страшно. Помилуй бог, во что я ввязалась?!

Модистка появилась точно вовремя. Ее сопровождала помощница, которую я не сразу разглядела за грудой свертков. Мисс Нидли оказалась сухонькой, востроносой особой с весьма решительным нравом и бесцеремонными манерами. Скептически оглядев мое мешанское платье, она проводила меня за ширму и приказала снять «эту серость», а затем, повертев меня в разные стороны жесткими, как вешалки, руками, быстро обмерила лентой с ног до головы. Ее ловкие пальцы так и мелькали.

Я так засмотрелась на работу модистки, что пропустила появление Фонтероя, вдруг отразившегося в зеркале. Эффект был такой, как если бы он плеснул в меня драконьим огнем.

– Не входите сюда! – метнувшись за ширму, я схватила отрез ткани, пытаюсь завернуться в него до ушей. Щеки предательски вспыхнули. Да как он может! Я стою тут в одной рубашке и корсете, а он!

– Я не собираюсь покушаться на вашу добродетель, мисс Энни, не волнуйтесь, – слышался насмешливый голос. Затем Фонтерой как ни в чем не бывало обратился к мисс Нидли:

– Не слушайте, если она начнет бормотать что-то о темно-синем атласе или сереньком шелке! Моя воспитанница должна блистать. Она будет чудесно выглядеть в красном. Или в изумрудно-зеленом.

Последние его слова донеслись уже из коридора.

– В красном! – Вернувшись за ширму, мисс Нидли скептически подняла глаза к потолку. – Джентльмены ничего не понимают в дамских туалетах, даже если оплачивают их. Юной девушке не к лицу яркие цвета. Она должна носить белый, розовый и голубой.

Модистка подмигнула, и я неуверенно улыбнулась в ответ. Внутри забрезжила слабая надежда, что мы с мисс Нидли отлично поладим.

Примерка и обсуждение туалетов заняли больше двух часов. Два часа! Да за это время при должной сноровке можно вынести половину тряпичной лавки!

Мне действительно пришлось заказать массу вещей. Много, очень много всего! Платье для завтраков, для обедов, для прогулок и для танцев, два пеньюара... Если верить мисс Нидли, знатные леди в течение дня только и делали что переодевались. Она была явно шокирована тем, что я не знала таких элементарных подробностей. Чтобы не вызвать подозрений, пришлось во всем с ней соглашаться, но теперь было неловко, что я ввела Фонтероя в такие расходы. Надеюсь, наша затея его не разорит?

Наверное, следовало его поблагодарить. Если, конечно, удастся его найти. В этом огромном особняке было так же легко заблудиться, как в лесу. Я никогда точно не знала, где находятся остальные жильцы, и есть ли кто-нибудь дома вообще.

Граф отыскался в библиотеке. Вместо ответа на мое косноязычное «спасибо» он только рассеянно кивнул и попросил:

– Будьте любезны, Энни, сходите к Амброзиусу. Он хотел что-то вам рассказать.

– Хорошо, – ответила я. Но Фонтерой, уткнувшись в книгу, уже потерял ко мне интерес.

Мистер Амброзиус занимал на втором этаже самую дальнюю комнату, недалеко от черной лестницы. Агата и миссис Бонс, поднимаясь, старались миновать этот пролет как можно быстрее, осеняя себя крестным знаком.

– Против самого мистера Амброзиуса я ничего не скажу, – жаловалась повариха, когда мы с Агатой навещали ее на кухне. – Приятный господин и настоящий жентлун, что и говорить! Но его чародейство у меня уже вот где сидит! – маленькой ладошкой, измазанной в муке, она резко проводила по шее. – Ночами заснуть не могу, все молоко извела, чтобы этих... с Той Стороны отведать! Так и лезут на кухню, балбесы! То приправы мне все перепутают, то тесто сглазят!

Наша повариха родом была из Кэмбри и, как многие северяне, относилась с большим почтением к волшебным созданиям. Смуглая, пышная и невысокая, она ловко кружилась по кухне и сама была похожа на румяную плюшку только что из печи.

– Нет, эти яблоки мне нужны для теста, – сказала она, перехватив у меня миску, в которую я собиралась пересыпать мелко нарезанные дольки. В другой тарелке Агата перебирала изюм. На кухне миссис Бонс распоряжалась нами, как королева – своими верными подданными.

– Я сегодня подам жареную куропатку с грибами и фасолью, печеночный паштет, артишоки в соусе на закуску и мое фирменное печенье: песочное тесто, начиненное изюмом, миндалем и яблоками, да чуток апельсиновой цедры, да капелька коньяку! И пусть только попробует кто-нибудь из этих мелких пакостников подойти к нему хотя бы на шаг!

Мы с Агатой внимали ей, затаив дыхание.

В отличие от слуг, я наоборот подолгу застревала на площадке перед комнатой Амброзиуса. Из таинственной обители волшебника временами раздавались странные звуки: то шипение, то какое-то заунывное пение, то приглушенные ругательства. Так и подмывало заглянуть туда хоть одним глазком! А теперь, с одобрения самого хозяина, у меня появился законный повод удовлетворить любопытство.

Постучав в заветную дверь, я прислушалась и, не дождавшись ответа, решительно ее распахнула. Вдруг послышался резкий хлопок, вспышка света полоснула по глазам. Меня спасла быстрая реакция. Я резко пригнулась – и железная крышка просвистела над головой. А потом вонзилась в стену на целый дюйм.

Переведя дух, я подумала, что, вероятно, Фонтерой послал меня сюда в надежде избавиться от докучливой гостьи раз и навсегда.

– Я понял! Понял, в чем была моя ошибка! – воскликнул сияющий волшебник, высунув голову из-под стола.

– Не бережете вы себя, господин Амброзиус, – укорила я его.

На столе стояло множество пузырьков и склянок с разнообразными декоктами. Я опознала грибную плесень в мисочке, пучок мышинных хвостов и горку навоза (по запаху). В некоторых емкостях что-то подозрительно бурлило, испуская шипение. Старинные флаконы из мутного хрусталя толпились здесь вперемешку с простыми пузырьками темного стекла, снабженными бумажными этикетками. Названия были все незнакомые. Рядом валялись коробки из необычной глянцевой бумаги с загадочными надписями. В общем, стол Амброзиуса представлял своеобразное зрелище и к тому же вонял, как Тесса после разлива.

– Что такое «циталопрам»? – прочитала я на одной из коробок.

– Ничего не трогай! – поспешно сказал волшебник.

– Кажется, я поняла. Вы хотите приготовить зелье, чтобы избавить его светлость от драконьего облика?

– Да! – воскликнул Амброзиус, пригладив взъерошенные седые волосы. – Клянусь пером феникса, я найду лекарство, подавляющее драконью сущность и не вызывающее побочных эффектов вроде галлюцинаций, гипертермии и бредовых расстройств!

– Я бы с радостью вам помогла, – искренне сказала я, так как чувство вины все еще саднило у меня в груди. – Если вам вдруг понадобится кровь девственницы или, к примеру, прядь волос – только скажите!

Мистер Амброзиус взглянул на меня с новым интересом, как шеф-повар на редкую дичь.

– Интересно... И как далеко ты готова зайти?

– Что значит «как далеко»? – настороженно спросила я.

Любой человек знает, что с волшебниками нужно держать ухо востро. Иначе оглянуться не успеешь, как пообещаешь отдать чародею в услужение своего будущего седьмого сына или вручишь ему собственную душу. На всякий случай я поспешила сменить тему:

– Вообще-то я пришла по другому поводу. Его светлость сказал, что вы хотели дать мне несколько уроков. Вроде того, как красиво есть рыбу в гостях и все такое.

– Ах, да! Совсем забыл! – Волшебник хлопнул себя по лбу, нечаянно смахнув на пол несколько пузырьков. Я ловко нырнула под стол, однако, на удивление, в этот раз ничего не взорвалось.

Когда я снова отважилась выползти на свет божий, в центре стола лежала здоровенная книжища в изъеденном коричневом переплете. Рисунок на обложке почти стерся. Амброзиус стоял рядом, очень довольный собой.

– Я нашел для тебя уникальный экземпляр. Это полный список наставлений для юных благородных дам. Им пользовалась сама королева Элеонора!

Передав книгу, он опустил тонкую, почти невесомую руку мне на плечо и дружески его сжал:

– Ступай, дитя мое, грызи кирпич науки.

– Вижу, кто-то уже пытался, – пошутила я, намекая на потрепанность переплета. Не знаю, как насчет светских манер, но зубы у королевы Как-ее-там были отличные.

Книгу я взяла, чтобы не обидеть волшебника. Однако про себя сомневалась в ее полезности. Судя по виду, она была написана лет пятьсот назад. Нет, понимаю, что в светском обществе чтут традиции, но не настолько же! Я надеялась, что уроки Ушлого Гарри послужат мне лучшим путеводителем на пути к gentility, чем все талмуды мистера Амброзиуса.

Глава 8

Итак, спустя сутки, после бесчисленных примерок, утомительных застольных тренировок и нудных заучиваний титулов я действительно ехала на прием в посольский особняк на Кози-плейс.

Агата и мисс Нидли с самого утра взяли меня в оборот, так что сейчас я чувствовала себя как воздушный розовый кекс в меховой накидке. Горничная безжалостно затянула меня в корсет, отчего талия стала умопомрачительно тонкой, и так долго расчесывала мои каштановые волосы, что они заблестели, словно вода в реке. Потом прибыла мисс Нидли с нарядами, упакованными в серебряную бумагу. Она умело накинула на меня платье из розового газа, не потревожив ни единого волоска в прическе, и расправила складки на кринолине. Из-под пышного подола выглядывали белые атласные туфельки с сияющими пряжками. Агата помогла застегнуть ожерелье и браслеты, присланные графом.

– Надеюсь, застежки крепкие? – занервничала я. Не хватало еще потерять такую роскошь, потом всю жизнь не расплатимся!

– Не бойся, не потеряешь, – улыбнулась Агата. – Ах, до чего ж ты хороша! Посмотри сама!

– Да, чудесное платье, спасибо.

Мне вдруг сделалось очень страшно – и жарко от стыда за свой глупый страх. Я даже толком не могла рассмотреть себя в зеркале, отражение расплывалось, голоса Агаты и мисс Нидли гулко отдавались в голове, будто удары колокола. Женщины шумно восхищались своей работой и обращались со мной как с роскошной куклой – из тех, что выставляют в витринах дорогих магазинов. Когда-то мы с Глэдис готовы были душу продать за такую игрушку.

Мне было интересно, как воспримет лорд Фонтерой мое превращение, но он ничего не сказал. Спустившись в холл, его светлость вежливо предложил мне руку, а в карете заботливо помог укрыть ноги меховой полостью. Кучер стегнул лошадей – и мы отправились. Сердце бешено колотилось. С каждой минутой я приближалась к блестящему эшафоту, где десятки людей будут исподтишка смеяться надо мной и показывать пальцем. Если бы не долг перед Тревором и Фонтероем, я бы выскочила из кареты – и поминай, как звали.

Когда я почти совсем извелась от переживаний, мою руку вдруг накрыла теплая ладонь:

– Выше нос, мисс Энни, – сказал граф. – Где же ваша храбрость? Вы не побоялись дать отпор тем головорезам в Кречи, так неужели струсите перед толпой разряженных бездельников?

– Как представляю, что все они будут смотреть на меня... – простонала я.

– Не хотелось бы задеть ваше самолюбие, но не думаю, что на вас обратят особое внимание. Разве что спросят: «Кто эта провинциалочка, которую привел с собой Фонтерой, и с каких пор он заделался покровителем юных дебютанток?» Поверьте, это вовсе не страшно.

Его голос звучал едко и насмешливо, однако рука казалась такой твердой и надежной... Я прерывисто вздохнула. Почти невидимый в глубине кареты, лорд Фонтерой, кажется, усмехнулся:

– Полно, дорогая, это мне полагается нервничать, а не вам! Ведь это я тащу в приличное общество неграмотную авантюристку!

– Неграмотную?! – Оскорбленное чувство собственного достоинства заставило позабыть о страхе. – Милорд, я вообще-то умею писать. Более того, разными почерками. Дайте мне несколько часов, и я так подделаю ваше письмо, что не отличить от оригинала!

– Дитя многих талантов, – сокрушенно пробормотал Кеннет. – Где вы только этому научились?

Вместо уютного полумрака кареты перед моими глазами вдруг предстала крохотная каморка, озаренная засаленным светом старой лампы...

– Несколько лет назад неподалеку от нас жил один ученый человек, мистер Дринкли. Кажется, раньше он был монахом, но слишком любил приволокнуться за... в общем, слишком любил приключения, так что ему пришлось оставить монастырь. В конце концов жизнь привела его в Кречи. Ему нравилось заниматься со мной. Я выучилась чтению, письму и даже сацилийскому языку... немножко. Дринкли хвалил меня за скорость. Говорил, что я далеко пойду.

– О, в этом нет никаких сомнений! – воскликнул Фонтерой. Его глаза весело блеснули.

«Если только тебя не повесят, дитя мое», – добавлял всегда наставник, но об этом я предпочла умолчать. Тем более что мы уже приехали.

Услужливый лакей помог нам выбраться из экипажа. Возле парадного крыльца собралась очередь из карет, и в холле была тьма тьмущая народу, так что во мне снова проснулась паника. Другой лакей принял из рук Фонтероя пальто и мою роскошную меховую накидку, к которой я никак не могла привыкнуть. Надеть такую – все равно что завернуться в теплые деньги.

Я заметила, что другие дамы были одеты так же нарядно. Некоторые поглядывали на нас с интересом. Глаза разбегались от обилия позолоты, огней и зеркал. В одном высоченном зеркале я вдруг увидела лорда Фонтероя под руку с незнакомой дамой. Ее каштановые локоны блестели в свете свечей, на шее и запястьях поблескивали драгоценности, пышные розовые юбки облаком окутывали маленькую стройную фигуру. Честное слово, понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что это – я.

Глядя в зеркало, я поняла одну вещь. Чтобы стать невидимкой, не обязательно прятаться в тени. Блестящее оперение тоже может быть отличной маской. Ни один человек не разглядел бы в этой райской птичке настоящую Энни Фишер. Уверенности у меня сразу прибавилось, и я, рука об руку с графом, легко поднялась по лестнице, покрытой красным ковром. На самом верху нас приветствовали радушные хозяева.

Виконт де Шарбон, посол Сацилии, был облачен в нежно-голубой, ладно скроенный фрак, но, к сожалению, это не могло скрыть тот факт, что спина его была кривой, как у горбуши. Его жена сияла улыбкой и блестящей диадемой в темных курчавых волосах. Она неувовимо напомнила мне Рут Бобарт, отчего я сразу почувствовала себя как дома. То есть как в Кречи: вроде бы вокруг все свои, но лучше не расслабляться.

Скользкий сацилийский посол, видимо, жаброй чуял, что мы явились по его душу: рассыпался в любезностях перед графом и поскорее сплавил его другому собеседнику – лорду Пенвику. Насколько я поняла, этот пожилой господин тоже заседал в Верхней палате и даже занимал какой-то пост в министерстве. Фонтерой обменялся с ним парой слов, а затем потащил меня дальше.

– Хочу познакомить вас с моей невестой, – бросил он на ходу.

Его невеста! От неожиданности у меня чуть ноги не отнялись. Я и забыла, что Кеннет почти женат! Почему-то сейчас это известие больно меня задело. Запнувшись, я на миг потеряла Фонтероя из виду в блестящей толпе, но сейчас же увидела снова: он стремительно направлялся к какой-то тощей белобрысой вобле, одиноко стоявшей возле окна. Ладно, будем беспристрастны – к очаровательной белокурой девушке в голубом платье из люстрина и в туфельках с блестками. Любой нормальный человек, кроме меня, счел бы Клариссу Эмберли красавицей. Она имела стройную фигуру, пышные волосы и тонкие, слегка надменные черты лица. Хотя была, пожалуй, бледновата. Природа, рисуя ее внешность, по какой-то прихоти выбрала акварельные краски, щедро разбавив их водой.

Судя по натянутой улыбке, леди Эмберли тоже была не в восторге от встречи со мной. Я опоздала к началу их разговора, но, кажется, Фонтерой просил невесту позаботиться обо мне и представить почтенному собранию. Я прекрасно обошлась бы без ее услуг! Леди Кларисса мялась в нерешительности, как гусыня перед незнакомой лужей. Ее руки нервно сжимали великолепный веер из слоновой кости.

- Но что скажут люди? – спросила она наконец.

- Прошу тебя, дорогая, только один-единственный вечер! Через два дня придет тетя Элейн, и я препоручу ей заботы об Энни.

- Что? – вскрикнула я. Какая еще тетя?! Не дай бог!

- Ты удивлена? – Фонтерой с улыбкой обернулся ко мне. – Думаешь, у такого монстра, как я, не может быть любимой тетушки?

Я живо представила себе пожилую дракониху, которая будет рычать на меня и таскаться следом по светским гостиным, гремя чешуей. Крыса-Кларисса сразу показалась не таким уж плохим вариантом.

- Вы давно приехали в Эшентаун? – с нарочитой вежливостью спросила меня будущая леди Фонтерой. – Странно, что Кеннет никогда не упоминал о вас!

- О, да он меня почти и не знал! – Я ослепительно улыбнулась. – Мы с сэром Кеннетом познакомились совсем недавно, когда я так некстати заявила в его спальню...

На этом месте Фонтерой ловко сунул мне блюдце с ореховым шербетом и развернул в сторону лакея.

- Ступай-ка выпей лимонаду, милая кузина.

Действительно, не помешало бы охладить голову. Понятия не имею, что на меня нашло, словно бес за язык тянул! Но меня ужасно раздражала эта белобрысая высокомерная дылда, цедившая слова сквозь зубы и сразу предъявившая права на Кеннета.

Если все аристократки такие, я здесь долго не протяну.

Когда я увидела лакея, то негодование вмиг сменилось изумлением. Это был Фокс! Лопнуть мне на месте, Фокс в фиолетовой ливрее, с напояженными волосами, так ловко управлявшийся с подносом, словно всю жизнь этим занимался! На подносе в бокалах пузырилось шампанское. Чудесно, давно мечтала его попробовать. Не желая портить себе вечер, я постаралась заглушить кольнувшее раздражение. Следовало ожидать, что Старик не отпустит меня сюда в одиночку! Это было, пожалуй, обидно, но все равно я была ужасно рада видеть Фокса. Хоть одно родное лицо в этой разряженной, душной толпе! Когда лакей приблизился, я едва смогла сдержать неуместную улыбку. Он галантно поклонился, вложил мне в руку бокал и исчез.

Вздохнув, насколько позволял корсет, я сделала крупный глоток.

В бокале оказался лимонад.

Пока Кеннет любезничал со своей дамой, мое внимание привлек один из гостей. Это был невзрачный человек средних лет со странно выпученными глазами и несколько суевливыми манерами. Он подобострастно раскланялся с какой-то дебилой дамой в ошеломляющем тюрбане, увенчанном павлиньим пером, затем долго беседовал с лордом Пенвиком. Фигура этого господина словно чуть расплывалась в воздухе, и на минуту мне показалось, что я вижу сквозь него мерцающие огоньки свечей. Я поморгала, решив, что зрение меня обманывает. Тем временем странный человек исчез в толпе, но вскоре вдруг появился в противоположном углу залы – на хорах, где собирались музыканты. Он отдавал им какие-то распоряжения. Очень интересно. Что это за тип с повышенной светопроницаемостью?

- Похоже, Тревор в вас не ошибся. Вы действительно наблюдательны, – прозвучало за моей спиной.

Я резко обернулась и остолбенела. Передо мной стоял один из самых привлекательных людей, которых мне доводилось встречать. Его светлые, почти белые волосы волнами обрамляли высокий лоб, на котором выделялись изогнутые черные брови. Холеное красивое лицо тоже поражало своей бледностью, а темно-синие глаза мягко блестели.

- Господин, который привлек ваше внимание, – это мистер Лайбстер, секретарь сацилийского посольства. Виконт де Шарбон привез его с собой. Говорит, что без своего

секретаря он как без рук. Мол, тот работает за троих и умеет бывать в двух местах одновременно. Очень полезное качество, не находите? Я знал трех человек, владеющих схожим искусством. И все они работали на Сацилию.

– И, вероятно, все они плохо кончили?

– Если бы это было так легко, – с искренним сожалением вздохнул Белый лорд. – Эти господа так расторопны, что иногда даже тени не отбрасывают, зато тень от Сацилии расползается все дальше и дальше. Она уже накрыла Лигерчи, Астилию, зацепила Миснийскую империю и подбирается к Биарланду... Вы слышали, что они собираются закрыть для нас порты в Цинтрии? Если это случится, нам придется туго. Поэтому сейчас как никогда нужен Фонтерой! Он непревзойденный дипломат.

– Никогда бы не подумала! – искренне сказала я, наблюдая, как мистер Лайбстер, отделившись от группы гостей, отступил к окну, а затем словно слился с портьерой и... исчез! Вот это фокус!

– Впечатляет, не правда ли? – согласился мой странный собеседник. – И, главное, почти никто из окружающих ничего не замечает. Этот тип умеет отводить людям глаза.

«Как и вы», – подумала я. Интересно, кто этот человек? Он знает Тревора и, похоже, в курсе нашей проблемы. Или это ловушка? Вообще-то ему не мешало бы представиться. Разве это не против приличий, беседовать со мной, хотя мы не знакомы друг с другом? Однако Белый лорд держался так уверенно, словно ему все было позволено.

К счастью, Фонтерой вовремя вспомнил о своих опекунских обязанностях и подошел к нам, держа под руку Клариссу. На его лице вспыхнула радостная улыбка:

– Ингрэм! Вот уж не думал увидеть тебя здесь! Энни, позволь представить тебе лорда Мериваля, моего старинного друга еще со времен колледжа. Ингрэм, это Энни Фишер, моя кузина, которая любезно согласилась приехать в Эшентаун, чтобы уладить одно небольшое семейное дело.

"Лишь бы они не вздумали сейчас углубиться в студенческие воспоминания! – подумала я, улыбаясь Меривалю и в то же время стараясь не потерять из виду тощую фигуру сацилийского секретаря. – У нас тут затеваются дела посерьезнее!"

– Надеюсь, что вы сможете помочь Фонтерою, – слегка поклонился Мериваль.

С этими словами он послал мне долгий многозначительный взгляд. На лице Клариссы появилось кислое выражение. Светское чутье ей подсказывало, что нас троих объединял общий секрет, который ей почему-то не потрудились сообщить.

– Да, мне как раз очень нужно поговорить с вами насчет нашего дела, – заявила я, стараясь незаметно оттеснить Кеннета от вцепившейся в него Клариссы. Ничего не могу с собой поделать, в присутствии этой особы у меня аж язык щиплет от множества колкостей, которые так и просятся наружу. Мериваль едва заметно улыбнулся, словно прочитав мои мысли, и предложил леди Эмберли взглянуть на картины виконта де Шарбона, которые, по его словам, были весьма хороши.

Прежде чем она успела отказаться, нас позвали к столу. Кеннет предложил мне руку, чтобы проводить меня в столовую, а Клариссе пришлось удовольствоваться обществом лорда Мериваля. Я кожей чувствовала, как ее взгляд яростно сверлил мне спину.

– Нельзя ли усадить меня так, чтобы я хорошо видела вас, мистера Лайбстера и виконта – всех троих? – вполголоса спросила я у Фонтероя.

Он мягко улыбнулся:

– Это решительно невозможно, если только вы не хотите заработать косоглазие. Успокойтесь, моя милая сыщица, места за столом были распределены заранее. Почему бы вам не забыть на время об амулете и не постараться просто получить удовольствие от этого вечера?

Мое возмущение не знало границ. Он еще и шутит! Поразительное легкомыслие!

Длинный стол был залит сиянием десятков свечей. Сверкало серебро, искрилось граненое стекло, рубинами посверкивало вино в бокалах. Среди гостей было несколько именитых персон, я узнала четырех представителей дипломатического корпуса и двух кабинетных министров, чьи имена мистер Тревор заставил меня выучить наизусть. Их присутствие придавало значительность сегодняшнему вечеру. Слышалось позвякивание столовых приборов и приглушенный гул светской беседы, в которой я, поглощенная слежкой, принимала очень мало участия. Однако мистер Лайбстер больше не проявлял никаких необычных способностей, да и виконт тоже не давал повода для подозрений. Он вел себя как обычный гостеприимный хозяин: развлекал соседей по столу, сыпал шутками, которые из-за его акцента казались еще более забавными. О политике, разумеется, никто не говорил. В течение всего обеда мне не удалось уловить ни одного двусмысленного намека на волшебство, мистику, амулеты и прочие чудеса.

Увлечшись наблюдением, я едва не опозорилась, ткнув десертной вилкой в кокотницу, но вовремя спохватилась, перехватив ироничный взгляд леди Эмберли. Как удачно, что она сидела неподалеку! Что бы я к ней ни испытывала, но по части манер она была настоящим экспертом.

После ужина Кларисса оказала мне большую услугу, представив некоторым гостям в зале. Я не сразу поняла причину такой любезности, однако вскоре разгадала ее маневр, когда музыканты на хорах заиграли контрданс. Мадам де Шарбон пожелала развлечь гостей танцами, и Кларисса немедленно упорхнула под руку с Кеннетом, оставив меня в компании двух почтенных джентльменов. Учитывая истинную цель моего пребывания здесь, это было даже кстати. Я старалась держаться в толпе, которая расступилась, освободив середину залы для танцующих. Кивая и улыбаясь новым знакомым, я переходила от одной группы к другой, внимательно прислушиваясь к разговорам. Неподалеку снова мелькнул Фокс, но тут же скрылся, заметив мой настойчивый интерес к его подносу. Ах так! Я нахмурилась – и вздрогнула, внезапно услышав над ухом голос Фонтероя:

– Не нужно держать веер так, словно это топор палача, – шепнул он. – Осторожнее! Разве вы не знали, что с его помощью можно подавать сигналы кавалерам? Вы только что намекнули мистеру Лайбстеру, что не прочь потанцевать с ним.

– Вот черт! – Я резко захлопнула веер, вспыхнув от досады.

– Успокойтесь, он не осмелится пригласить вас в моем присутствии. Слышите? Начали играть вальс.

– И что?

Фонтерой тут же напустил на себя преувеличенную суровость:

– Как опекун я обязан строжайшим образом надзирать за вашим поведением. Разве можно дебютантке вальсировать с посторонним мужчиной? Поразительно, как вы можете не знать таких вещей! Дорогая кузина, своими манерами вы просто позорите пансион госпожи Кобот, который, – тут Кеннет наклонился ближе к моему уху, – вы, между прочим, закончили с отличием, не перепутайте.

– Знать не знаю никакой госпожи Хобот, – сердито пробормотала я, расстроенная оплошностью с веером. Интересно, кому еще сегодня я надавала авансов?

Без лишних церемоний граф отобрал злосчастный аксессуар, положил на окно за спиной и подал мне руку.

– Чтобы Лайбстер не вздумал вам докучать, я сам вас приглашу. Мисс Фишер, не окажете честь потанцевать со мной?

– Что?! Но я... я почти не умею, я...

Возражать было поздно. Фонтерой уверенно вел меня в круг. Что он творит?! Мне вдруг страстно захотелось вернуться к стенке, к многообещающей кучке чопорных матрон, которые как раз начали обмениваться весьма интересными сплетнями, когда графу вздумалось утянуть меня оттуда. Особенно усердствовала тучная леди Виверна... пардон, Виверхэм – та самая дама в павлиньем тюрбане, с которой раскланивался Лайбстер. В

ней легко можно было угадать завязтую сплетницу, и, пробудь я рядом еще немного, мне наверняка удалось бы узнать что-нибудь интересное! А вместо этого...

– Я не умею танцевать! – отчаянно прошептала я Кеннету.

Сияющие золотые глаза вдруг оказались совсем близко. От его лукавой улыбки у меня перехватило дыхание.

– И не надо. Положись на меня.

Он обнял меня за талию – и музыка увлекла нас за собой, просторная зала закружилась перед глазами. Лица гостей смешивались в пеструю неразличимую массу, чужие голоса растворялись в потоке волшебной мелодии, от которой в груди что-то дрожало и раскрывалось, словно цветок. Впечатление от музыки было так сильно, что к глазам невольно подступили слезы. Сморгнув, я ахнула – стены вдруг оплели сверкающие лианы, наполнившие комнату золотистым блеском. Люстра над головами выпустила серебряные лучи и заискрилась гроздьями звезд. Мы танцевали как будто посреди неба.

– Тебе нравится? – спросил Фонтерой.

Я посмотрела на него – в первый раз посмотрела на него по-настоящему, то есть увидела что-то еще, кроме холодной маски, вечно нахмуренных бровей и постоянного брюзжания на мой счет. Я впервые попыталась проникнуть взглядом сквозь его защитную броню, и тогда... Не знаю, как это объяснить: я просто смотрела на него, и почему-то это сделало меня невероятно счастливой.

Мы замерли в объятьях друг друга, а звезды хороводом кружились вокруг. Казалось, что время остановилось. Увы, к сожалению, время нам не подвластно.

Когда музыка медленно стихла, волшебная сеть, затянувшая комнату, осыпалась с тихим шелестом. Мне стоило немалых усилий выпустить руку Кеннета. Прошедший танец казался сказочным сном. Однако нам следовало вернуться к гостям, так что я мысленно приказала себе сосредоточиться и спуститься с небес на землю. Нас встретили десятки взглядов: любопытствующих, восхищенных, шокированных. Кажется, опекунам все-таки не полагалось приглашать своих подопечных на вальс, но, странное дело, мнение блестящего общества совсем перестало меня волновать. Кто-то аплодировал, другие наперебой просили графа "представить его очаровательной воспитаннице". Не прошло и пяти минут, как мне пришлось раздать следующие три танца настырным молодым джентльменам. Возникла отчетливая мысль, что отсидеться у стенок уже не удастся. Фонтерой одним экстравагантным жестом разрушил наш план ко всем чертям.

Но надо отдать должное, он сделал это красиво. Как я ни старалась, у меня не получалось на него рассердиться.

Глава 9

Заметив неподалеку нашу леди-в-голубом, то бишь Клариссу, чья мрачная физиономия не предвещала ничего хорошего, я покинула Кеннета, шепнув ему пару слов. Мне нужно было найти Фокса и предупредить, что теперь вся надежда только на его чуткие уши. Кроме того, я пока так и не попробовала шампанское!

Фокс, как челнок, сновал среди воздушных платьев и модных сюртуков. Заметив меня неподалеку, он сделал ловкий пируэт и поднялся на галерею к музыкантам, которые встретили его появление с горячим одобрением. Вскоре он уже спускался обратно, чуть ли не насвистывая и помахивая опустевшим подносом. Я демонстративно отвернулась, пылая от гнева. Ничего, я отомщу!

– Не печальтесь, моя леди, – прогнусавил над ухом мерзкий Фоксов голос, и рука в фиолетовой униформе протянула мне фужер с лимонадом. – Вас ожидает незабываемое впечатление! Кажется, дамы уговорили лорда Мериваля сыграть им на фортепиано. Говорят, он виртуоз, каких мало, но нечасто соглашается демонстрировать свое умение.

– Подожди! – встрепелась я. – Мне нужно тебе сказать...

– Потом, все потом, – и мой вероломный напарник растворился в толпе.

Я проводила взглядом длинную фиолетовую спину, выплеснула содержимое фужера в кадку с фикусом, который казался достаточно крепким, чтобы выдержать этот сладкий душ, и последовала за остальными гостями. Вокруг фортепиано уже расселась стайка дам, напоминавшая душистую разноцветную клумбу. Среди изящных причесок, локонов, капоров и прочих уборов взгляд выхватил заодно торчащее павлинье перо. Я постаралась сесть поближе к леди Виверхэм.

– Он обещал сыграть "Полет нетопыря", – говорила Виверна, наклонившись к соседке. Стул под ней жалобно побряхтывал. – Это, можно сказать, его фамильное произведение, ведь нетопырь изображен на родовом гербе Меривалей! И я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь еще исполнял эту вещь так виртуозно!

Под шелест аплодисментов Ингрэм Мериваль уселся за инструмент. Бережно открыв крышку, взмахнул руками, отбросив назад копну серебряных волос. Мериваль был настолько хорош, что одно его присутствие придавало блеск этому вечеру, а уж когда он заиграл... Его пальцы бегали по клавиатуре так быстро, что и взглядом не уследить. Музыка ворвалась в комнату, словно горный ручей. Мы все затаили дыхание.

Когда умолк последний аккорд, мне показалось, что я оглохла – такая тишина стояла вокруг. Первые неуверенные хлопки вскоре превратились в ливень аплодисментов. Я аплодировала вместе со всеми, пока не заболели ладони. Мериваль, даже не покрасневший от бешеной игры, непринужденно раскланивался, и на какой-то миг почудилось, что он смотрит мне прямо в лицо.

Дама, сидевшая рядом с леди Виверхэм, даже прослезилась от избытка чувств:

– Поразительно! Какой талант! Просто поразительно! Не зря его называют лорд-Серебряные-Руки. Поистине, в игре на рояле у него нет соперников!

– К счастью для них, – хмыкнула виверна в павлиньих перьях. – Мериваль ревнив к своей славе, как мавр. Соперничества он бы не потерпел.

Кеннет в третий раз обвел глазами толпу гостей, высматривая розовое платье. Куда опять запропастилась его «кузина», черт бы ее побрал? С тех пор как она появилась в доме на Гросвен-стрит, у него не было ни минуты покоя. Поначалу несносная девчонка вызывала у него лишь раздражение, к которому примешивалась изрядная доля чувства вины. При одном взгляде на ее тонкое лицо, словно очерченное острым карандашом, у Фонтероя начинали чесаться ладони, дыхание тяжелело, наливаясь драконьим пламенем, а за спиной сам собой вырастал шипастый хвост. Однако с течением времени неприязнь сменяли другие чувства. Удивление – когда в то утро на крыльце она вдруг замерла перед ним, словно увидела перед собой чудовище. Честное слово, он вовсе не хотел ее напугать! Одобрение – когда она засыпала Амброзиуса вопросами, словно ребенок, охочий до новых впечатлений. Наконец, восхищение – когда сегодня Энни

спустилась с лестницы такая неузнаваемо прекрасная, что он, кажется, потерял представление о хороших манерах и вообще лишился дара речи.

Впрочем, сейчас громче остальных чувств подавало голос беспокойство. Фонтерой еще раз огляделся. Внутренний дракон угрожающе поднял голову, а воображаемый хвост, если и не стегал по ногам, то, во всяком случае, нервно подергивался. Усилием воли граф подавил раздражение, заметив, что леди Эмберли снова ищет его общества. Она двигалась грациозно, словно лань. Всегда сдержанная, элегантная – воплощенное совершенство, леди до кончиков пальцев. Фонтерой весело подумал, что Кларисса и Энни отличались друг от друга как полноводная река и неугомонный горный ключ, плывущийся пеной.

– Сегодня утром я получила ваше письмо, – начала Кларисса. Между ее ровных бровей пролегла тоненькая складочка – единственное, в чем проявлялось ее недовольство. – Вы просили меня приехать, сказав, что мое присутствие необходимо вам как воздух. Но я никак не предполагала, что вы собираетесь использовать меня в качестве дуэньи!

– Только сегодня, – успокаивающе произнес Фонтерой. – Скоро должна приехать моя тетка, леди Элейн, она будет возить Энни в театры и на ассамблеи, а мы сможем заняться своими делами.

– Да уж, я надеюсь! Мы с вами еще не так стары, чтобы наблюдать, как развлекается молодежь! Ах, я, наверное, слишком сентиментальна. Я так надеялась, что вы вспомните...

Ее взгляд затуманился, вызывая в памяти события прошлых лет.

– Я помню, – ровным голосом сказал граф. – В этот день, десять лет назад, вы тоже встретили меня в голубом платье. Я был младшим сыном – без титула и почти без денег. С моей стороны было наглостью претендовать на вашу руку. И все же... Одного намека, что я вам, возможно, небезразличен, мне хватило, чтобы примчаться верхом из колледжа прямо к вам. Если бы вы тогда согласились, я готов был целовать следы ваших ног. Вы очень сдержанно обещали подумать. А через два месяца вышли замуж за этого... лорда Эмберли.

– О, Кеннет! Я...

– Да, разумеется, он был завидным женихом! Пусть в три раза старше вас и со скверным характером, который еще ухудшился из-за подагры, но его титул и солидный годовой доход искупали любые недостатки!

– Вы не понимаете! – со слезами в голосе воскликнула Кларисса. – Такому человеку невозможно отказать! Отец угрожал отлучить меня от семьи, мать слегла с нервным расстройством, я была вынуждена согласиться...

– Поверьте, Кларисса, я никогда ни в чем вас не упрекал.

Фонтерой отвернулся к окну, не замечая, с какой жадностью леди Эмберли вглядывалась в его лицо. Оно показалось ей тусклым и безразличным. Кларисса почувствовала замешательство. Ее план, тщательно продуманный, рушился на глазах. Когда-то при одном взгляде на нее глаза Фонтероя загорались страстью, но, похоже, все давно перегорело, отболело и умерло. Однако она не привыкла сдаваться так легко:

– Кеннет, мы с вами так давно знаем друг друга... Мы оба потеряли близких. Вы лишились отца и брата, я потеряла мужа. Для меня невыносимо потерять еще и вас лишь из-за того, что нам обоим не достало смелости! – Она смущенно потупилась, а затем, словно решившись, вскинула блестящие глаза: – Прошу вас, скажите откровенно...

– Да, – просто ответил Фонтерой. – Да, я готов был снова рискнуть своим сердцем и сделать вам предложение, но... внезапно возникли новые обстоятельства.

Хруп! Веер в руках леди Эмберли сломался с сухим треском. Это прозвучало как выстрел.

– Что ж, понимаю, – сухо сказала она. – Я видела эти «обстоятельства». Она очаровательна.

– Ничего вы не понимаете! – сердито бросил Фонтерой и уже тише добавил: – Мне действительно нужно найти Энни. Я волнуюсь не только за нее. Если она в одном из своих взбалмошных состояний, этот дом может не выстоять.

Да пропади оно все пропадом! Я была ужасно зла. Фокс исчез, Кеннет, протанцевав со мной один вальс, снова застрял возле своей ненаглядной Клариссы, бросив меня на растерзание другим кавалерам. Конечно, ему весело! И плевать, что он завалил все дело!

Последние два танца пришлось отдать настойчивому господину Лайбстеру, и теперь у меня болели оттоптанные ноги, а уши ныли от слащавых комплиментов. Кроме того, у него была дурацкая привычка прищуривать один глаз, так что окончания музыки я ждала с большим нетерпением. Под конец сацилиец немного реабилитировался в моих глазах, предложив бокал шампанского, но едва я поднесла его к губам, как кто-то толкнул меня под руку, и напиток выплеснулся на юбку.

– Ах, простите, я так неловок! – засуетился лакей. Разумеется, это был Фокс – Может быть, лимонаду? – спросил он, забирая мокрую салфетку.

Я молча постаралась испепелить его взглядом в ответ. А в другое ухо что-то продолжал бубнить мистер Лайбстер. Честное слово, от такого собеседника даже манекен убежал бы в форточку! Мне жизненно необходима была передышка, и как только удалось незаметно ускользнуть, я гордо удалилась в одну из пустых гостиных, где, первым делом захлопнув за собой дверь, с облегчением сбросила туфли.

– Дьявольщина!

Туфля, пущенная со всей силы, звучно врезалась в стену. Что-то жалобно звякнуло, тренькнуло, и статуэтка, стоявшая на краю каминной полки, упала, разбившись вдребезги. Зато мне полегчало.

– П-простите, мадам, – послышалось вдруг из дальнего угла. Тени, сгустившиеся в углу, зашевелились, и из кресла поднялся какой-то человек.

Я замерла, ахнув от неожиданности. Полутемная комната была освещена лишь одним канделябром, поэтому я сначала никого не заметила. Оказалось, что я была не первой, облюбовавшей это укромное место.

Подойдя ближе, мужчина застенчиво улыбнулся. Это был коренастый молодой человек, облаченный в опрятный сюртук сдержанных темных тонов, с приятным, располагающим лицом. Его русые волосы, не испорченные помадой, трогательно взъерошились на макушке.

– Боюсь, я немного задремал, – сказал он с обезоруживающей улыбкой. – А тут вы.

– Простите меня! Я так устала от этого вечера!

– О, понимаю! Сам к такому не привык. Я приехал в столицу ненадолго, скоро мне придется вернуться в полк. Извините, я должен представиться: Оливер Уайтвуд, лейтенант Десятого пехотного полка.

Я протянула ему руку:

– Меня зовут Энни Фишер, я здесь со своим опекуном.

– А меня пригласил лорд Пенвик. Сказал, что мне будет полезно развеяться после госпиталя. Я был ранен в сражении при Вимейре, знаете ли. Ну и натерпелись мы тогда!

Мне следовало сразу догадаться, что он из военных. Вид у него был такой, словно он боролся с сюртуком, прежде чем надеть его, а его рука то и дело тянулась к бедру, чтобы придержать несуществующую саблю. Очевидно, штатское платье было ему непривычно. Значит, мистер Уайтвуд сражался в Цинтрии и был одним из тех героев, которым удалось вытеснить оттуда сацилийцев – правда, ненадолго. Даже я что-то слышала об этой истории, хотя у меня не было братьев и кузенов, участвовавших в войне на Полуострове. Да, было бы обидно уцелеть там лишь для того, чтобы по возвращении домой тебя прибили дамской туфлей! Я улыбнулась:

- Вы обязательно должны рассказать мне о Цинтрии!

- Не хотелось бы уподобляться завзятым путешественникам, которые в разговоре только и делают, что болтают о своих подвигах, пока не доведут всех присутствующих до мигрени. Но, сказать по правде, это чудесная страна, если на минутку забыть о сацилийцах. Вы не хотите присесть? Может быть, вам что-нибудь принести?

Мистер Уайтвуд с каждой минутой нравился мне все больше. Будь что будет, а шампанское я сегодня все-таки попробую! Однако сначала следовало обуться.

- Принесите мне, пожалуйста, вон ту туфлю.

- Разумеется. Как удачно, что она не попала в камин! Готов поспорить, что вы меткий стрелок, - сказал он, возвращаясь с туфлей.

- Да, я мастерски умею швыряться камнями. Но, кажется, я что-то разбила?

- Всего лишь одну статуэтку. Вы тоже можете попасть в глаз со ста шагов, как ваш опекун?

Я пожала плечами. На мой взгляд, совершенно бессмысленное умение. Как говорил Дэннис, зачем целиться в глаз, когда можно попасть по затылку - и глаза выскочат сами?

- Мне очень жаль, что я нанесла ущерб господину послу! Я не хотела! Эта статуэтка...

- Забудьте о ней. Это подарок лорда Пенвика, так что де Шарбон терпеть ее не может. Всегда ставит на самый краешек, надеясь, что кто-нибудь из слуг рано или поздно ее разобьет.

- Вот черт! - расстроилась я. - Так и знала, что обязательно что-нибудь натворю! Знаете что, давайте поскорее смоемся отсюда. Я вовсе не хочу, чтобы моя туфля спровоцировала международный скандал!

Мистер Уайтвуд от души рассмеялся:

- С вами не соскучишься! Позвольте, я помогу.

Он с почтением опустил передо мной на колено, хотя его глаза все еще смеялись. Я оперлась на его плечо, и в этот момент за спиной прозвучал медовый голос:

- Следует ли понимать, мисс Фишер, что вам сделали предложение?

Я в панике оглянулась. В дверях стояли двое: мой так называемый опекун и леди Эмберли. Лорд Фонтерой молча смотрел на меня с непередаваемым выражением иронии, веселья и грусти. Леди Кларисса сладко улыбалась, но в ее глазах сверкало злорадное торжество.

Глава 10

– Он вовсе не собирался делать мне предложение! Просто помог надеть туфли!

Агата смеялась, отмахиваясь от меня. Я обиженно надулась. Мы вдвоем сидели в спальне, где подруга-горничная помогала мне освободиться из блестящей светской сбруи. В одиночку я бы с этим точно не справилась! На столике по-уютному теплилась свеча, розовые юбки пышным облаком оседали на стуле. Я была очень благодарна Агате за то, что она меня дождалась.

С приема мы вернулись далеко за полночь. Всю обратную дорогу я пыталась объяснить Фонтерю, как получилось, что он застал нас с мистером Уайтвудом в таком неловком положении, но его светлость весь путь до дома молчал как убитый, только позддравил меня с «ошеломительным успехом», а затем, проводив в особняк на Гросвен-сквер, немедленно удалился. Нед этой ночью тоже отсутствовал. Зато Агата засыпала меня вопросами:

– Ну что? Как все прошло?

– Ужасно! То есть прекрасно, – поправила я, вспомнив волшебную музыку вальса и теплые золотые глаза Кеннета. Все-таки были на этом проклятом рауте и приятные моменты!

– В общем, было хорошо, пока я опять все не испортила! Кажется, это уже становится традицией.

Агата с горящими от любопытства глазами присела напротив:

– Расскажи-расскажи-расскажи! А как тебе леди Эмберли? Ты ее видела? Правда же, она хорошенькая, но немного похожа на рыбу?

Судя по последнему замечанию, Агата не принадлежала к числу поклонниц Клариссы. Какое счастье! Мы обе с удовольствием предались уютному злословию.

– Она, наверное, всю жизнь сидит на диете из картофеля, вымоченного в уксусе! Тощая, как сельдь, и такая же унылая!

– Миссис Бонс ее тоже недолюбливает. Говорит, что с такой хозяйкой каши не сваришь. Когда она приезжает с визитами, то распоряжается здесь как у себя дома!

Я вздохнула. Да, похоже, леди Эмберли твердо намеревалась в ближайшем будущем обосноваться на Гросвен-стрит. От одной мысли об этом у меня начинало саднить под сердцем и появлялась горечь во рту. Как мог Кеннет, с его прямоотой и горячим нравом, выбрать Клариссу? Ведь она ему совершенно не подходит! Вероятно, граф решил жениться на ней в момент помрачения рассудка, вообразив себя покорителем полярных льдов.

– Но подать себя она умеет, этого не отнимешь, – болтала Агата. – У нее самые элегантные туалеты и самые изящные манеры из всех леди, что мне доводилось видеть!

Не прекращая разговаривать, она ловко избавила меня от платья, ужасного корсета и нижних юбок. Наконец-то можно было вздохнуть полной грудью! Набросив на рубашку мягкий пеньюар, я упала в кресло перед зеркалом и почувствовала себя почти в раю. Агата принялась разбирать и расчесывать мои сбившиеся локоны, вытаскивая из них шпильки, как косточки из рыбы, и складывая их на столик. Рядом лежали веер и перчатки.

– Это правда, по сравнению с ней я все равно что сальная свечка рядом с луной, – признала я, горько вздохнув. – Ты не представляешь, что я отчудила сегодня!

Я бросила укоризненный взгляд на злосчастный веер, который едва не забыла на окне в посольстве. Когда мы с Фонтерем уже садились в карету, к нам подбежал один из лакеев и вложил веер мне в руку. Машинально раскрыв его сейчас, я вдруг заметила среди складок маленькую бумажку, свернутую в трубочку.

- Что это? – спросила Агата, подняв ее с пола. – Ах ты, проказница! Тебе уже пишут любовные письма?

При виде ровно написанных строчек мое сердце заколотилось. Это письмо было очень похоже на то, которое мы с Уолтером недавно получили от дворецкого мистера Мэллори.

Скандалячки и светские сплетни тут же были забыты. Смахнув со стола перчатки, перья, букетик искусственных цветов и еще какую-то мишуру, я зажгла побольше свечей и выложила на стол обе записки.

- Смотри! Тот же почерк!

В нас обоих проснулся хороший зубастенький азарт. Агата воодушевленно склонилась над письмами рядом со мной. Внезапно ее профиль показался смутно знакомым. Этот вздернутый носик, рыжеватая челка, слегка раскосый прищур... Отогнав непрошеное видение, я постаралась сосредоточиться на письме.

- И бумага похожа – обычная, кремовая.

- Ага. И написана опять какая-то чушь, – проворчала я. – Что за скотина пишет мне эти записки?

На сей раз таинственная скотина хотя бы обошлась без стихов, но смысла тексту это не добавило:

«Моя Стрекоза, моя ветреная мечта! Тот дракон опасен, не верь ему. О, певчая птица в золотой клетке! Где ты прячешь мое сердце, верни его...»

И еще несколько строк такой же чепухи. Я поразмыслила, кто из моих знакомых настолько безумен, и вдруг меня осенило:

- Ну, Фокс, паршивец! Я его убью.

- Фокс? – Карие глаза Агаты искрились от любопытства.

- Один из людей мистера Тревора. Шутник, чума его поberi!

Конечно, это он, больше некому! Подбросить записку мог лишь тот, кто присутствовал на балу, а Фокс там был. И только он знал о моем старом уличном прозвище! Решил, значит, подшутить надо мной. Ну, я ему завтра устрою!

С другой стороны, Фокс никак не мог быть автором первого письма. И тот рыжий бородатый господин, который приходил в Кречи и беседовал с дворецким мистера Мэллори, действительно где-то существовал. А у виконта де Шарбона имелся крайне подозрительный секретарь, похоже, умеющий проникать сквозь стены...

«Завтра! – решила я. – Завтра я расспрошу Амброзиуса насчет магических заморочек мистера Лобстера... то есть Лайбстера, и припру к стенке Фокса. Все завтра!»

Сегодня сил у меня хватило лишь на то, чтобы доползти до кровати. Оказывается, несколько часов активной светской жизни могут довести человека до изнеможения. Неудивительно, что некоторые знатные леди выглядят так, словно постоянно находятся на грани полного упадка сил! Здоровье тут нужно железное.

Агата подоткнула мне одеяло и пожелала спокойной ночи. Кажется, я провалилась в сон еще до того, как она задернула полог.

На следующий день после завтрака мне удалось побеседовать с Амброзиусом, а затем я сразу бросилась на Клоу-стрит, чтобы сообщить новости нашим ребятам. Сведения, полученные от волшебника, стоили того, чтобы поспешить. Я надела самое скромное платье, с которым могла управиться без помощи горничной, так как у Агаты вдруг разнылись зубы, и она засобиралась к доктору.

- Зачем? – удивилась я. – Пусть мистер Амброзиус тебя посмотрит!

На лице девушки отразился сильнейший испуг:

- Нет-нет, не нужно его затруднять! Я знаю отличного доктора, который живет в Патвейле, недалеко от Ясеневого моста, и берет недорого.

Понятно. Ее страх перед колдовством был настолько силен, что Агата скорее согласилась бы вырвать себе зуб с помощью нитки, чем довериться волшебнику. Я все поняла и не стала настаивать.

- Хорошо. Только постарайся вернуться к шести. Мне понадобится твоя помощь, чтобы переодеться к обеду, - сказала я строгим тоном, изображая придирчивую хозяйку.

- Да, мадам. - Присев в шутливом реверансе, Агата показала язык и исчезла за дверью.

Сегодня мистера Тревора на месте не оказалось, что существенно сказалось на работоспособности остальной команды. Дисциплина сразу упала на несколько пунктов. В кабинете царила атмосфера запредельного благодушия: Винс что-то жевал, Фокс вдохновенно страдал от похмелья, а Хаммонд, кажется, пытался излечить его с помощью бренди. Только Нед сидел за столом, собранный и серьезный, как всегда.

- Вот она, звезда вчерашней вечеринки, - приветствовал меня Фокс. Выглядел он сегодня не блестяще. Бледный, глаза красные, воротник смялся, галстук слегка сбил в сторону, что для нашего щеголеватого друга обычно было предметом катастрофы.

- Мне жаль, что я вчера привлекла так много внимания, - развела я руками. - Это все лорд Дракон постарался. Теперь окончательно ясно, что он мне не доверяет и поэтому постарался изящно вывести меня из игры. Но кое-что нам все-таки удалось узнать.

Фокс потер ладонями лицо и нахмурился:

- Да. Очевидно, что как бы ни хотелось сацилийцам отстранить Фонтероя от переговоров, виконт де Шарбон никак не может быть тем загадочным рыжебородым господином, который приходил к Мэллори и наводил справки в Кречи. Де Шарбон невысок, и его кривую спину не спрячешь ни под каким плащом. Зато его секретарь - тот тощий тип с глазами надетого на кол филина - крайне подозрительная личность!

- Я кое-что узнала о нем сегодня от Амброзиуса, - подхватила я.

Когда я заглянула утром в аскетичную обитель нашего волшебника, он как раз помешивал какое-то зелье на спиртовке. Амброзиус был всецело поглощен этим занятием и только сделал мне знак, чтобы не мешала. Я тихонько присела к столу. Сегодняшнее зелье пахло неожиданно приятно: яблоками и медом.

- Вчера на приеме я встретила одного человека, и кое-что в нем показалось странным, - начала я рассказывать. Волшебник молча кивнул. В отличие от прошлого раза, сегодня он принял меры предосторожности, защитив глаза полупрозрачным щитком из необычного материала. Амброзиус выглядел страшно занятым, и я, как могла, в двух словах рассказала о странных привычках мистера Лайбстера время от времени пропускать сквозь себя свет и сливаться с портьерами. Тем временем волшебник закончил колдовать над зельем и, прихватив медный сосуд полотенцем, отнес его на окно - остудиться.

- Понимаю, что тебя удивило, - сказал он, вернувшись. - Довольно неожиданно встретить их здесь. Знаешь ли ты что-нибудь о сидах?

- То есть... о волшебном народце? - удивилась я.

- Да, о феях, Feadh-Ree, о созданиях, живущих на Той Стороне. Известно ли тебе о "третьей дороге"?

Разумеется, я знала кое-какие сказки. В прошлой жизни мистер Дринкли кое-что рассказывал, а миссис Бонс и вовсе упоминала о феях так часто, словно они были ее надоедливими родственниками. Но из уст Амброзиуса это прозвучало по-другому. Здесь, в этой комнате, набитой потрепанными старинными книгами, а также таинственными предметами вроде бронзовых маятников, сложных измерительных линеек, пахучих зелий и скрюченного скелета, торчавшего в углу, волшебное имя Feadh-Ree прозвучало так естественно, что я бы не удивилась, если бы сейчас распахнулась дверь, и вошел один из них.

– Когда я была маленькой, я слышала историю о трех дорогах от мистера Дринкли. Но там речь шла о праведниках, так что эта сказочка быстро выветрилась у нас из головы.

Мы с Глэдис с детства уяснили, что путь праведников – это не для нас.

Амброзиус мягко засмеялся:

– Наверное, ваш мистер Дринкли немного напутал. Как говорил Томас из Эрсилдуна, есть три дороги: первая из них, узкая и крутая, заросшая колючками, – это путь праведников, и редко кто осмеливается идти им. Вторая, широкая и прямая, где пляшут солнечные зайчики и растут цветы, – это путь порока, он для простых смертных. Третья же, та, что вьется сквозь заросли папоротника, ведет в волшебную страну...

Он погасил спиртовку, накрыв пламя фитиля колпачком, и задумчиво добавил:

– Вот только никто из слушавших его так и не смог запомнить, как отыскать ту чудесную поляну, заросшую папоротником...

Дымок от погасшей спиртовки смешался с ароматом зелья, оставив на языке сладковато-горький привкус. У меня слегка закружилась голова. Утро выдалось пасмурным, больше похожим на вечер. Стол был освещен двумя свечами в высоких подсвечниках, и тень Амброзиуса двигалась вдоль стен и между шкафами, словно третий молчаливый участник беседы. В руке у него вдруг сам собой возник серебряный шиллинг, ловко вертящийся между пальцами. Голос волшебника доносился словно издалека.

...Есть два мира, как две стороны одной монеты.

Они находятся так близко, что между ними нельзя просунуть лист бумаги...

...И вместе с тем так далеко, что тебе пришлось бы стоптать не одну пару башмаков, прежде чем ты достигнешь волшебной страны.

...Только одни существа могут легко перемещаться из одного мира в другой – фоморы. Они приходят по кромке прибоя, по краю тени, по гребню крутого холма...

Фоморы. Это тяжелое слово упало будто камень. Вздвогнув, я порылась в памяти, пытаюсь припомнить все, что знала о сказках:

– Фоморы – это вроде бы такие уродливые великаны, одноногие и одноглазые?

– Это просто аллегория, – рассмеялся волшебник. – Такими их изображают легенды, желая подчеркнуть, что фоморы одной ногой стоят в нашем мире, а другой – на Той Стороне. Говорят, что правым глазом они могут видеть наш мир, а левым – мир волшебный.

Конечно, я ожидала чего-то подобного, но все равно была ошарашена. Ну и дельце нам досталось! Конечно, фомору, с его-то способностями, ничего не стоит просочиться в чужой дом, даже не утруждая себя поиском двери. И учуять волшебный артефакт для него – плевое дело. Но как прикажете ловить такого преступника, если он в любой момент может ушмыгнуть в некий загадочный Дивный мир? Таких подозреваемых у нас еще не бывало!

Вероятно, растерянность отразилась у меня на лице, потому что Амброзиус вдруг улыбнулся, отчего от его глаз разбежались добрые морщинки, и успокаивающе похлопал меня по руке.

– Не бойся, дитя, сиды хитры, но, к счастью, в нашем мире довольно беспомощны. Магия – это тонкий духовный огонь, который согревает и пронизывает грубую глину нашего бытия. Слишком тонкий, чтобы гореть в местном воздухе. Чтобы творить волшебство в этом мире, приходится прикладывать массу усилий. Так что, пока ты здесь, «мистер Лайбстер» мало чем сможет тебе навредить. Но берегись, чтобы он не заманил тебя на Ту Сторону! Там он будет гораздо сильнее! Не бери его за левую руку, не принимай от него ни еды, ни питья, и на прогулке с ним внимательно следи за дорогой. Если он трижды обведет тебя по кругу против солнца, ты можешь внезапно оказаться так далеко, что ни «ищейки» мистера Тревожа, ни даже я не сможем тебя отыскать!

Все это я вкратце поведала ребятам, заодно вспомнив про бокал шампанского, который Лайбстер настойчиво предлагал на приеме. Нахмурившись, я обернулась к Фоксу:

– Я вчера здорово разозлилась на тебя, но, похоже, ты спас меня от незапланированного визита к фоморам, так что спасибо.

– Не за что, – болезненно поморщился Фокс. – Далось тебе это шампанское! Гадость редкостная, до сих пор не могу перебить вкус этой кислятины! – Он снова оглянулся в сторону Хаммонда. – Эй, дружище! Плесни-ка мне еще бренди! Да не в рюмку, что ты его в наперстках таскаешь, как приворотное зелье! В кружку давай!

– Если Сацилия вербует сторонников на Той Стороне, это важное известие, которое нужно срочно сообщить Тревору, – заволновался Нед.

– От короля Рауля еще не такого можно ожидать, – заметил Хаммонд. – Это как раз в его стиле. Он всегда интересовался мистическими учениями.

– Подождите, это не все, – спохватилась я. – Вчера я получила еще одно письмо. И у меня закралось подозрение, что его отправитель сейчас находится среди нас!

Глядя Фоксу прямо в глаза, я сунула злосчастную записку ему под нос. Остальные «ищейки» сгруппировались позади. Фокс начал читать, и его брови медленно поползли вверх:

– Я такое не напишу даже спьяну! – возмутился он под шуточки и хохот товарищей. Понадобилось довольно много времени, прежде чем ребята переварили этот мадригал и немного пришли в себя.

– Знаете, мне все больше кажется, что эти записки – просто дело рук досужего поклонника, – задумчиво сказал Хаммонд, вертя в пальцах злополучное письмо. – Тебе, Энни, следует быть осторожной и не выходить в город одной. Если этот рифмоплет вздумает докучать, Уолтер живо свернет ему шею, так что он сможет смотреть вдоль своего позвоночника!

– Да, лично меня гораздо больше интересует Лайбстер, – вклинился Фокс. – Я, правда, не заметил за ним особых странностей. Просто урод с нервным тиком. Но мне он определенно не нравится. Надо будет за ним проследить.

– Не так-то просто подобраться к секретарю чужого посольства! – сказал Винс. Он редко подавал голос на совещаниях: обычно его рот был занят едой.

– О, у нас есть отличная приманка для этого фомора, или как там его! – осклабился Фокс. – Вчера он весь вечер тенью ходил за Энни, только что не ворковал, как токующий козодой! Ставлю шиллинг против дохлой мыши, что он будет искать способ свидеться еще раз!

– Слишком рискованно, – посерьезнел Нед, а я задумалась.

– Мы все время будем поблизости, – сказал Хаммонд, взглянув на меня внимательными умными глазами. – Конечно, Энни вправе отказаться...

– Да ладно, поняла уже, что одним светским раутом не отделаюсь, – пробурчала я. – Хорошо, попробуем вывести господина секретаря на чистую воду. – И, бросив сердитый взгляд на Фокса, предупредила: – Но замуж за него пойдешь сам в случае чего!

Глава 11

После утреннего разговора с Амброзиусом город виделся мне совсем по-другому. Когда мы с Недом возвращались на Гросвен-стрит, день уже перевалил за середину, и на улицах было довольнолюдно. Улица была та же, исхоженная мною вдоль и поперек, укутанная привычным сереньким туманом, похожим на старую свалывшуюся шаль. Изменилась я, а не она. Теперь я лучше понимала Амброзиуса, который говорил, что линейное время – это лишь фикция, порожденная человеческим воображением.

Эшентаун был очень старым городом, люди селились здесь веками, поколение за поколением, и я словно бы видела все его слои одновременно. Говорят, что каждый камень, попавший в Эшентаун, больше не покидает его, воплощаясь в новых и новых постройках. Вот этот угол дома когда-то был частью старой крепостной стены; вместо церкви Сент-Мари-де-Грейт, сотрясающей воздух колокольным звоном, на этом кургане, окаймленном рекой с юга, когда-то шумела священная роща, и по праздникам в ней зажигали огонь в честь совсем других богов. Мостовая, по которой мы шли, повторяла древний тракт, похороненный под толщей земли.

А еще раньше на этом месте среди зарослей ивняка возвышались богатые дворцы сидов. Сказки говорили, что сиды ушли из наших мест, растворились в бескрайнем Западном море, перебрались по мостам, сотканным из лунного света, на волшебный Стекланный остров, который не под силу отыскать ни одному мореплавателю. Но сейчас мелькнувший под аркой разносчик в куцей обдергайке и красном колпаке вдруг показался мне похожим на лепрекона. Девушка, идущая навстречу, проводила нас взглядом таким пронзительным, как у baobhan-sith, так что я невольно посмотрела вниз: не мелькнули ли под юбкой олени копытца? А золоченый грифон, растопыривший крылья на каменном мосту, подмигнул мне так лукаво, словно под его опорой действительно был зарыт горшок с золотом.

Сказки ошибались. Сиды были здесь, их мир пронизывал наш, как солнечный свет проходит сквозь плотные тучи. Надо только уметь их видеть.

Когда мы с Недом подошли к дому, от ворот отъехала почтовая карета, до осей забрызганная грязью. В холле я споткнулась о гору чемоданов, рядом с которой лежала стопка картонок, увенчанная огромной собольей муфтой. В первую минуту я подумала, что это происки мисс Нидли, притащившей на примерку очередную кучу барахла из своей модной лавки, но, услышав оживленный разговор в гостиной, поняла, что к нам нагрянули гости. Причем гости основательные, либо решившие поселиться здесь насовсем, либо привыкшие ради удобства возить за собой половину дома.

– Думаю, приехала тетка Фонтероя, – шепнул Нед, и сердце у меня упало. Я-то надеялась спокойно пожить еще денька два или три. И вообще, зачем мне нужна какая-то патронесса?

Подозрение Уолтера тут же подтвердилось. На лестнице показалась Агата, как всегда энергичная, разругавшаяся от спешки, с теплой шалью в руках:

– Леди Элейн приехала! – крикнула она на бегу и умчалась в сторону кухни.

– Ну, теперь я за тебя спокоен! – развеселился Нед, которого даже мимолетная встреча с Агатой могла привести в хорошее настроение. – Если она хотя бы вполовину так грозна, как лорд Фонтерой, никакой сочинитель записок к вам даже близко подойти не посмеет! Как там у поэта: «Я встретил Вас – и стал заикой...»

– Тебе смешно, – прошипела я вполголоса. К нам уже направлялся мистер Батлер, предложивший проводить нас в гостиную. Дворецкий выглядел совершенно как обычно. Его профессиональную невозмутимость не поколебало бы нашествие целого выводка драконов. Хочешь не хочешь, а пришлось идти знакомиться.

Когда я переступила порог комнаты, мое сердце замерло на миг, а потом зачастило с удвоенной силой, стоило мне увидеть возле окна высокую фигуру Кеннета. После вчерашнего вальса я не могла относиться к нему как раньше. Весь прежний страх куда-то улетучился. Когда мы ехали на прием, я не решалась даже взглянуть в его сторону: перед глазами снова вставала оплавленная стена в грязном переулке, а горло невольно

сжималось от удушливого горелого смрада. Сейчас все было по-другому... До сих пор в ушах звучали волшебная музыка вальса и тихий голос, без тени обычной самоуверенности, спрашивающий: «тебе нравится?»

Так что при виде Фонтероя я совершенно потерялась, а он не спешил помочь мне справиться с неловкостью. Он выглядел так, будто его внезапно одолела застенчивость, если предположить, что он в принципе способен на такое чувство. В результате я заметила леди Элейн, только когда она сама поднялась мне навстречу:

– Дорогая Энни, я так рада, – произнесла она глубоким, теплым голосом.

И подошла ближе, обняв меня. Это ласковое участие – ко мне, совершенно незнакомой девушке, от которой не было причин ждать чего-то хорошего – ошеломило меня почти до слез. Конечно, я не заплакала (уже давно никто не видел, чтобы я плакала, кроме Агаты), но прошло довольно много времени, прежде чем я смогла присоединиться к разговору.

К счастью, в этом не было особой необходимости. Лорд Фонтерой представил тетке Уолтера, рекомендовав его как талантливого служащего магистрата, личного помощника мистера Тревожа. Присутствие Уолтера в своем доме граф объяснил очень просто: несколько дней назад сюда пытался забраться вор, поймать которого, к сожалению, не удалось, поэтому Кеннет попросил друга погостить у него некоторое время.

Из его слов я сделала вывод, что он не спешил посвящать тетку в свои проблемы.

Теперь, немного справившись с эмоциями, я могла получше ее рассмотреть. На вид леди Элейн можно было дать лет сорок. Конечно, в глаза сразу бросалось их с Кеннетом фамильное сходство: прямой решительный нос, выразительные темные брови. Но Фонтерой, высокий и весь будто состоящий из острых углов, казался колючим даже будучи в человеческом облике, а леди Элейн была маленькой и округлой, начиная от темных кудрей и заканчивая миниатюрными, почти детскими руками. Несмотря на полноту, двигалась она с необычайным изяществом. Она ходила так, как другие танцуют. И, кажется, таким же легким был ее характер.

Всего час назад я с тоской думала о приезде «драконихи», мечтая оттянуть момент знакомства как можно дальше, а теперь была почти в нее влюблена.

К обеду нас почтила своим присутствием леди Эмберли, отчего в столовой стало как-то прохладнее. По сравнению с душевной теплотой Элейн холодность Клариссы особенно бросалась в глаза. Можно было простудиться, даже просто побеседовав с ней пять минут. А на вид она казалась сущим ангелом! Этот безмятежный взгляд, сиреневое платье из шелковистого крепа, скромная нитка жемчуга у горла... За столом леди Эмберли сидела безукоризненно ровно на краешке стула и держала вилку и ножичек под абсолютно правильным углом. Я никогда еще не видела, чтобы обед на Гросвен-стрит проходил так тихо. Фонтерой молчал как рыба. Уолтер под жалящими взглядами Клариссы смутился до слез, потом уронил вилку, окончательно смешался и полез за ней под стол. Судя по выражению лица, он мечтал остаться там до конца обеда. Даже Амброзиус как-то притих, изредка бросая заинтересованные взгляды на леди Элейн и тут же снова смущенно утыкаясь в тарелку.

Наконец, Элейн, решила нарушить тяжелое молчание:

– Я слышала, что вчерашний обед у виконта де Шарбона очень удался, – заметила она.

Кларисса тут же оживилась:

– О, сацилийцы умеют устраивать приемы, этого у них не отнимешь! У них всегда прекрасно вышколенная прислуга, изысканные блюда и великолепно подобранный оркестр. Хотя, – она бросила косой взгляд в мою сторону, – поведение некоторых дам вчера показалось мне несколько фривольным. Впрочем, я полагаю, можно многое простить девушкам, которые не извели материнской любви.

Это был увесистый камень в мой огород, однако возразить было нечего. Я сделала вид, что оглохла на одно ухо, и молча занялась палтусом на моей тарелке.

– Мне также рассказали, что вам удалось уговорить лорда Мериваля немного поиграть? – поспешно спросила Элейн. – Как досадно, что я опоздала всего на день! Мериваль капризен, как примадонна, теперь мы не скоро его услышим!

– Уверена, что вам он не откажет, – сладко улыбнулась леди Эмберли. – Все знают, как мало в Эшентауне людей, которые так ценят и понимают музыку, как мы с вами! Музыка для меня превыше всего. Лорд Мериваль вчера показал мне несколько новых импровизаций – ах, это божественно, вы просто обязаны их услышать! Кстати, а вы, мисс Энни, что предпочитаете играть? – вдруг обернулась она ко мне.

Она прекрасно знала, что я не владею никаким инструментом, поскольку уже спрашивала об этом на вчерашнем приеме. Ей просто хотелось унижить меня перед Фонтером и его теткой.

– Я вообще не играю. У меня совершенно деревянные пальцы, – безмятежно ответила я.

Длинная пауза и поднятые брови леди Эмберли наглядно продемонстрировали ее изумление моей необразованностью. Хотя лично меня образование, полученное в «уличном колледже» Кречи, вполне устраивало. Думаю, оно учит жизни не хуже, а то и лучше, чем строгие гувернантки и закрытые школы. По крайней мере, двоечников среди нас не было. Они попросту покидали этот бренный мир по ходу обучения.

– Но вы хотя бы поете? – не отставала Кларисса.

Подняв голову, я посмотрела ей прямо в лицо:

– Только когда хочу оскорбить чей-то слух.

Вообще-то мистер Бобарт пытался нанять мне учителя, ведь воспитанным девушкам полагается мило чирикать под музыку, словно птичкам. Природа наградила меня неплохим слухом, а в придачу к нему – таким пронзительным голосом, что дребезжала посуда на полке. С уроками у нас не вышло. Сначала старый Хью, владелец «Синего якоря», начал жаловаться, что я распугиваю клиентов, потом по округе поползли слухи, что в нашем углу то ли завелась банши, то ли бродит чей-то неупокоенный дух. Наконец, после визита священника, которого соседи пригласили освятить все дома в переулке, мы решили покончить с музыкой.

– Уверена, что ты скромничаешь, дорогая, – ободряюще улыбнулась мне леди Элейн. – Кроме того, девушке необязательно и даже нежелательно преуспевать во всех искусствах. Женщина неумеренных достоинств способна вызвать аплодисменты, но никак не пылкие чувства.

Кларисса польщенно улыбнулась, хотя мне показалось, что Элейн изящно щелкнула ее по носу. Но это было сделано так тонко, что не подкопаешься. О, у этой женщины многому можно было поучиться! Мое восхищение росло с каждой минутой.

– Вы приехали с юго-восточного побережья, леди Фонтерой. Слышно ли там что-нибудь о сацилийцах? – спросил Уолтер, тоже наверняка желая отвлечь внимание от обсуждения моих недостатков. Правда, его попытка сменить тему вышла довольно неуклюжей.

– О, конечно! – воскликнула леди Элейн, с тревогой оглянувшись на Фонтероя. – Все только и говорят, что о готовящемся вторжении сацилийцев. Люди уезжают из Дуверна целыми семьями!

Леди Элейн владела поместьем Апнор-холл в графстве Канхи недалеко от порта Дуверн. Сацилия находилась меньше чем в сотне миль от этого города, через пролив.

– Чепуха, – резко ответил Фонтерой. – О каком вторжении может идти речь после того, как мы наголову разбили их под Тарфалем? На чем они собираются пересекать пролив, хотел бы я знать?

– Говорят, что король Ральф собирается использовать флотилию воздушных шаров для высадки десанта. Наши солдаты спешно укрепляют стены. Башни мартело растут по всему побережью, как грибы, – рассказывала Элейн.

– Может быть, Ральф и построит воздушные суда, но кто наколдует им попутный ветер? –

саркастически спросил Фонтерой. – Учитывая типичную местную погоду, их шары отнесет в Биарланд или еще дальше на север. Вот уж белые медведи обрадуются неожиданной закуске, свалившейся прямо с неба!

– Ну, если сацилийцы смогут найти воздушные суда, способные перемещаться независимо от ветра... – начал рассуждать Уолтер.

«Дракон! – вдруг осенило меня. – Дракон – вот идеальный летучий корабль, к тому же оснащенный огнеметом!»

Я даже поперхнулась пирожным, окончательно уронив себя в глазах Клариссы. Нед поспешно предложил мне стакан воды. Отдышавшись, я немного пришла в себя и поспешила выбросить из головы пугающую картину. Бредовая идея! Никогда такого не было, чтобы дракон выполнял человеческие приказы!

И все-таки мысль о дрессированном боевом драконе так меня захватила, что я продолжала что-то жевать, не чувствуя вкуса еды и не принимая участия в дальнейшем разговоре. Одно хорошо: все остальные колкости леди Эмберли прошли мимо моих ушей.

После обеда, когда Кларисса, наконец, отбыла восвояси, я не сразу поднялась к себе, а задержалась в гостиной. Мне хотелось поговорить с Уолтером наедине и подробнее обсудить стратегию охоты на мистера Лайбстера. К сожалению, Нэд застрял на кухне, наслаждаясь общением со своим предметом страсти, то есть с Агатой. Миссис Бонс не мешала им, занятая приготовлением теста для очередного кулинарного шедевра. Мне тоже не хотелось путаться у них под ногами, поэтому я ушла наверх.

Сидеть в гостиной было скучно. Я заметила, что леди Элейн всегда могла занять руки вышивкой или книгой, но такая игрушечная деятельность нагоняла на меня тоску. Я уже подумывала подождать Неда в саду, как вдруг услышала в холле голоса. Это были Элейн и Фонтерой. Вскочив с кресла, я бесшумно проскользнула к двери и наострила уши. Вообще-то подслушивание в этом доме не поощрялось, поэтому я постаралась спрятаться получше. Самым страшным опасением было, как бы в гостиную не вошел мистер Батлер. Он имел скверную привычку внезапно возникать словно из ниоткуда. Однако никакой страх, никакая сила не могли сейчас сдвинуть меня с места – ведь Элейн с Кеннетом говорили о Клариссе! Меня точило едкое любопытство.

– ...да, но ее поведение за столом мне совсем не понравилось! – возмущалась леди Элейн. – У нее нет никакого права читать нотации нашей Энни!

Спокойный голос Фонтероя примирительно ответил:

– Кларисса очень щепетильно относится к вопросам, касающимся репутации. Она действовала из лучших побуждений. Энни совершенно неопытна, и ее непосредственность кто-то может принять за распушенность.

– Как это мило с твоей стороны, так думать! – саркастически заметила леди Элейн, пока я пыталась переварить этот нелестный комментарий. – И все-таки зря ты вчера попросил Клариссу о помощи! Некоторые люди в своем стремлении причинить добро не могут вовремя остановиться. Лучше бы ты дождался меня!

– Но тебя вчера не было, а благодаря Клариссе Энни смогла прекрасно провести время. Кажется, она произвела сильное впечатление на наших спесивых болванов. Сегодня утром дверной молоток просто не умолкал, и на подносе в холле я заметил кучу карточек от джентльменов, которые вчера были поражены ее красотой.

Судя по легким шагам, прозвучавшим в холле, леди Элейн отправилась инспектировать поднос.

– О, действительно! – радостно воскликнула она. – К нам заходил даже лорд Кервуд! Чувствую, что нынешний сезон будет интересным. Нам обязательно нужно дать прием в честь Энни. Тихий скромный вечер – без танцев, только музыка и карты, – то, что нужно для первого появления в обществе!

– Это так необходимо? – в голосе Фонтероя слышалось уныние.

– Если ты против, тогда я устрою прием в честь моего приезда! Знаешь, дорогой Кеннет,

когда ты хмуришься, то становишься похож на мрачного палтуса!

Некоторое время из холла доносилось неразборчивое бормотание. Потом снова раздался звучный голос Элейн:

– Хорошо, мы можем обсудить это завтра. Пойдем в библиотеку, покажешь мне свои последние приобретения. Ты писал, что заказал несколько книг на сацилийском? И я с радостью посмотрела бы на офорты того астильского художника, Лусьентеса. О нем ходит масса любопытных слухов!

Выждав, пока голоса затихнут, я осторожно спустилась. На столе, на серебряном подносе действительно лежала россыпь карточек. Некоторые фамилии показались мне вовсе незнакомыми, другие слабо ассоциировались с лицами их обладателей, так что я не знала, поздравить себя или посочувствовать. Вдруг взгляд упал на фамилию Уайтвуда, и сердце наполнилось теплом. Оливер мне понравился. Приятно, когда к тебе проявляет внимание такой открытый, светлый и обаятельный человек! Пусть он лишен таинственной притягательности лорда Фонтероя, возможно, это только к лучшему!

Карточки мистера Лайбстера на подносе не было.

Глава 12

Не успели мы пережить приезд «драконихи», как на следующий день особняк на Гросвен-стрит подвергся нашествию виверн. Проще говоря, нас навестила леди Виверхэм с двумя дочерьми.

Произошло это ранним утром, когда мы с Недом сидели за завтраком. Фонтерой еще не спустился, а леди Элейн предпочитала завтракать у себя. Миссис Бонс только что отнесла ей наверх кофе с бисквитами.

Стоя возле буфета, на котором исходили паром тяжелые блюда под серебряными крышками, я пыталась сделать сложный выбор между омлетом и гренками с печеночным паштетом. Тут-то меня и настиг Уолтер, с ходу накинувшись с претензиями по поводу «моей новой подруги» Клариссы. Моей подруги?! Ошеломленная этой новостью, я хлопала глазами и не знала, что ответить.

– Может, она и будущая хозяйка этого дома, но все равно ей не следовало упрекать Агату в недобросовестности! Она и так работает за троих! Она же не виновата, что Фонтерой пришлось распустить почти всю прислугу!

Слово за слово мне удалось вытянуть из него, что Кларисса вчера ласково попеняла Агате за пыльную мебель в гостиной: «Станный обычай для прислуги – брать лишний выходной, когда дом зарастает грязью». Горничная, всегда добросовестно относившаяся к своим обязанностям, очень расстроилась.

Мне тоже показалось, что вчера вечером Агата была слишком тихой, но я приписала это банальной усталости. Нам всем пришлось изрядно поволноваться.

– Поверь, мои отношения с леди Эмберли очень далеки от дружеских! – попыталась я успокоить разбушевавшегося Неда.

– Зачем она вообще лезет не в свое дело!

– Лорд Фонтерой сказал бы, что она хочет только добра, – съязвила я.

– Да ничего она не хочет! Ей нравится показывать свою власть над людьми, вот и все!

В этот драматический момент в комнату вошел Батлер, объявив о приезде леди Виверхэм. Выглянув в холл, я сразу же узнала ее тучную фигуру. Сегодня она была без тюрбана, но ее утренний сине-зеленый туалет, отделанный пышным кружевом, производил не менее сильное впечатление. Во внешности этой леди было что-то экзотическое. Ее сопровождали две хорошенькие девушки с круглыми карими глазами и пушистыми локонами цвета имбиря, одетые в одинаковые муслиновые платья.

Стоило мне их увидеть, как тут же захотелось прокрасться наверх и запереться в комнате, сославшись на головную боль, внезапную простуду, тиф, холеру – да что угодно сойдет! Что мне с ними делать? О чем говорить? Любая тема казалась слишком неловкой. Вряд ли им будет интересно узнать, например, о нелепой гибели пивовара, утонувшего в чане с горячим сусликом, или о поимке одного головореза-эринца на Флит-Бридж-стрит, в драке с которым Уолтер проявил небывалый героизм. Эта история пользовалась большим успехом в «Золотом лососе», нашем любимом пабе, но для светской гостиной явно не годилась.

– Фанни, дорогая! – вдруг послышалось с лестницы. Там стояла Элейн в пеньюаре и кружевном чепце.

– Элейн!

Встретившись на середине лестницы, пожилые дамы радостно обнялись. Надо же! Леди Элейн и «виверна» оказались старинными подругами!

Спустя полчаса они сидели рядышком на софе в голубой гостиной, с удовольствием обмениваясь свежими сплетнями, а мы с Селиной и Селией уютно устроились в уголке, где стояло старинное фортепиано. Принимать визит оказалось вовсе не страшно. Одно мне непонятно – зачем называть дочерей похожими именами, если их и без того сложно

различить?! Сестры были похожи, как две горошины в стручке. За исключением маленькой неловкости, вызванной этим обстоятельством, все шло отлично. Усевшись за пианино, девушки болтали за троих, а моих познаний в музыке как раз хватало на то, чтобы вовремя переворачивать ноты. Я кивала, улыбалась и краем уха старалась прислушиваться к разговору старших дам.

– ...Брекнелл женится на мисс Филдинг, это уже решено. На мистера Рэттуэя я бы тоже не рассчитывала, он страдает от хронического истощения кошелька и уже третий год пребывает в поисках богатой наследницы, – рассказывала «виверна». – Что поделаешь, дорогая Элейн, хорошие мужья не растут, как грибы, под каждым кустом!

Очевидно, дебют своих дочерей здешние дамы планировали так же тщательно, как мистер Тревор – операцию по поимке преступника. Удивительно, как в Эшентауне еще уцелели холостые мужчины!

Моя персона тоже удостоилась обсуждения:

– Милая девочка, очень милая девочка, – говорила леди Виверхэм, бросив на меня быстрый взгляд. – Не знаю, почему оказываете ей покровительство, но если она из Фонтероев, то явно родилась в рубашке, и вам будет совсем нетрудно выдать ее за приличного джентльмена!

Разумеется, своей родственнице Фонтерой не мог предъявить внезапно объявившуюся новую кузину. Как я слышала, он наплел леди Элейн, будто я – дочь его покойного близкого друга, о которой он якобы обещал позаботиться, когда она достигнет совершеннолетия. Мне было очень неловко лгать такой достойной женщине, как Элейн, но я утешала себя, что это делается ради благого дела. Кроме того, мой маскарад не должен был продлиться долго.

От приступа самоедства меня отвлекло веселое восклицание Селины. Или, возможно, Селии:

– На днях мы собираемся погулять в Текучих садах. Надеюсь, вы с леди Элейн сможете к нам присоединиться!

Эта новость заставила меня позабыть обо всем на свете. Текучие сады! Одно из трех чудес Эшентауна, по легенде, доставшееся нам от сидов! Другими чудесами были театр «Дримхилл» на Клинвэлл-плейс и кладбище возле Торнийского аббатства, где изредка можно было встретить Туманного человека или Джека-на-пружинах – таинственных, пугающих созданий, явно не принадлежащих к нашему миру.

Текучие сады (или «Фэйри-гарденз», как их еще называли) представляли собой гигантскую оранжерею под открытым небом площадью в несколько акров, где даже в стылую зиму царила вечная весна. Теплая атмосфера поддерживалась магическими накопителями: серые каменные монолиты были установлены по всему периметру парка. Между ними колебалась мутная магическая завеса, удерживающая тепло и не позволяющая взгляду проникнуть внутрь. Если коснуться столба ладонью, можно было почувствовать глубокий монотонный звук, причем каждый монолит звучал по-своему. В детстве я могла часами так развлекаться. Когда выпадал удобный случай, наша стайка сорванцов подолгу торчала возле «Фэйри-гарденз», надеясь, что в завесе откроется хоть крошечная прореха. В конце концов, нас прогонял сторож – косматый черный мужик, похожий на медведя, вставшего на задние лапы. Наше присутствие почему-то выводило его из себя. Стоило ему увидеть хоть одного «оборвыша», как он тут же разражался проклятиями, потрясая устрашающей метлой. А теперь он мне не страшен!

Улыбнувшись Селине (или Селии, кто их разберет), я искренне ответила:

– Разумеется, мы будем очень рады.

С приездом леди Элейн дом на Гросвен-стрит словно проснулся от спячки: встряхнулся, распахнул чисто вымытые глаза-окна, принялся насвистывать сквозняками в прежде наглухо запертых комнатах. С мебели и картин снимались белые марлевые чехлы, по коридорам сновали уборщицы, нанятые в помощь Батлеру и Агате, несмотря на возражения мистера Тревожа. Многоярусную люстру в самой большой гостиной освободили от холщового чехла, спустили вниз и почистили, так что ее подвески

засверкали, словно россыпь бриллиантов. Миссис Бонс ежечасно советовалась с Элейн по поводу праздничного меню, постоянно пробовала новые рецепты и каждый вечер потчевала гостей таким количеством блюд, что Нед Уолтер закатывал глаза и грозился привести сюда Винса. Леди Элейн была полна решимости устроить небывало роскошный прием, о котором еще долго говорили бы в городе. От ее зоркого хозяйского взгляда не ускользала ни одна, самая незначительная деталь.

Спасаясь от неумейной энергии своей тетки, Фонтерой попытался укрыться в библиотеке. Однако стоило ему устроиться в кресле с томиком ин-кварти в руках и плеснуть в стакан золотистого виски на два пальца, как в комнату заявила Элейн, бормоча что-то о столах для виста.

– Я так и думала, что сюда прекрасно поместятся два стола, – удовлетворенно сказала она, озирая помещение. – Хорошо, что я сохранила свои связи. Я знаю двух-трех старых ворчунов, готовых приехать куда угодно, чтобы сыграть в вист. Они еще те зануды, но их присутствие придаст вес вечеринке. – Элейн воодушевленно прошлась по комнате. – Нужно будет еще нанять небольшой оркестр, чтобы он услаждал наш слух спокойной, тихой музыкой. Или нет! Пусть лучше сыграют пару контрдансов. А может быть, даже вальс? Как ты думаешь, Кеннет, это не слишком шокирует наших почтенных матрон?

– Я не нахожу в вальсе ничего шокирующего, – пожал плечами Фонтерой. – Его танцуют даже на Ассамблеях Уорда.

«Однако он может шокировать, если ты вальсируешь с девушкой, похожей на живое пламя». Взволнованное лицо Энни снова встало у него перед глазами, и Кеннет поспешно отхлебнул виски, прячась за стаканом от слишком пронизательного взгляда своей тетки.

– Да, вальс любую, самую занудную вечеринку сделает неожиданно модной! – воскликнула Элейн, захлопав в ладоши. – Решено! Кстати, я еще хотела уточнить насчет напитков. Мне заказать их у Мартина?

– Конечно, нет! Мой погреб в вашем распоряжении. Как и весь остальной особняк. Я бы только хотел оставить за собой эту комнату, если вы не возражаете.

– Пойду поищу Батлера. Он обещал что-нибудь придумать насчет навеса над парадным входом, – сказала Элейн, полностью проигнорировав просьбу Кеннета насчет библиотеки.

– Почему бы вам не взять себе в помощь Энни? В ней таится масса энергии, которую было бы полезно направить в мирное русло, – предложил Фонтерой.

«И, возможно, это хотя бы на время отвлечет ее от других авантур».

– Энни сейчас пишет карточки для приглашений. Она мне нравится. Ты правильно сделал, что взял ее к нам! Ручаюсь, до ее приезда этот дом был похож на унылую гробницу!

– О, да. На тихую, уютную гробницу с отлично подобранной библиотекой, – саркастически заметил граф.

– Но Кеннет, этот пансион, в котором она воспитывалась...

– Что с ним не так?

– Бедное дитя, да она, должно быть, росла в монастыре! Кстати, мне не нравится твой кашель, – нахмурилась Элейн. – Знаешь, дорогой, воздух Эшентауна для тебя явно вреден!

– Ничего страшного, – прохрипел Фонтерой, пытавшийся за кашлем скрыть приступ смеха. – Ты говоришь, в монастыре?!

– Вчера мы выезжали в Серпент-парк, и я была поражена, как она радуется развлечениям, которые девушки ее возраста считают самыми обыкновенными! А потом мы прогулялись по Форланд-стрит, и мне пришлось приложить массу усилий, чтобы уговорить ее купить себе перчатки! У Энни какой-то пунктик насчет того, что ей не

следует тратить твои деньги.

Фонтерой скептически вздернул бровь:

– Я желаю ей как можно скорее избавиться от этого предрассудка. Значит, вы побывали на Форланд-стрит? Могу себе представить, как лавочницы и модистки обрадовались твоему возвращению! Я помню, что мадам Пэлхем передавала тебе горячие приветы еще три года спустя после того, как ты уехала в Аппор!

– О, спасибо, что упомянул о ней! Я хотела заказать у нее новые скатерти. Старые уже никуда не годятся!

Кеннет с грустью подумал, что ему придется подыскать себе другое убежище на ближайшую неделю. Кажется, в особняке осталась лишь одна комната, свободная от притязаний леди Элейн – кабинет Амброзиуса.

– Вы были не вполне правы, – сказал он, входя к волшебнику с двумя книгами подмышкой. – Этот дом был хорош для одного дракона, но слишком тесен для двоих!

Граф заметил, что стол, за которым обычно работал Амброзиус, сегодня был необычно пуст, а сам волшебник – странно задумчив. В середине стола на расчищенном месте одиноко стоял круглый хрустальный флакон. В воздухе расплывался терпкий медовый аромат и звучали отголоски магии, что-то вроде призрачного шепота по ту сторону слуха и разума. Фонтерой так и замер на пороге.

– Неужели у вас получилось?!

– О нет, – Амброзиус встрепнулся и снова поник. – Это зелье не для вас. Это, скажем так, альтернативный вариант решения проблемы.

– Интересно. И какой же?

– Вы никогда не думали, что вместо того чтобы подавлять в себе дракона, можно избавиться от проклятья раз и навсегда? В пророчестве не зря говорится о девушке...

Фонтерой отмахнулся, пожав плечами:

– Не в моих обстоятельствах сейчас ухаживать за девицами, да и нет у меня времени на это... Постойте, так это что – любовное зелье? Вы серьезно? Собираетесь попотчевать какую-нибудь глупышку настойкой из «драконьей крови», чтобы уберечь меня от превращения в дракона? Какая ирония!

Рассмеявшись, он положил книги, подошел к камину и принялся разбивать тяжелыми щипцами крупные угли в очаге. Амброзиус, насупившись, молча сидел у стола.

– Я давно уже бросил попытки отделить доброе от злого, чтобы не лгать самому себе, – произнес волшебник усталым, надтреснутым голосом. – Я видел, как добрые намерения приводят к страшным последствиям, видел и обратное...

– Так вы не шутите? – Фонтерой, вздернув бровь, обернулся. – И кому же предназначается этот флакон?

Оба, вероятно, одновременно подумали об одном и том же человеке, и Амброзиус даже отпрянул под взглядом побелевших от ярости драконьих глаз на человеческом лице. Он поспешно отгородился столом, вдруг с пронзительной ясностью сообразив, что находится в дальней глухой комнате наедине с почти-что-драконом. Даже воздух в комнате звенел от гнева. Но Фонтерой, тяжело вздохнув, все же справился с собой. Он отошел от камина, аккуратно прислонив искореженные щипцы к стене.

– Вы что же, полагаете, что у меня нет чести? – спросил он тихим голосом, который был страшнее любого крика. – Вы думаете, что я способен нарушить слово, данное Клариссе, и соблазнить невинную девушку, чтобы спасти свою шкуру?!

– Не только свою, – сердито буркнул волшебник. – Вы забыли про Сацилию? Слишком многое поставлено на карту! Кроме того, Энни молода. Она это легко переживет. В семнадцать лет даже полезно попробовать разбить себе сердце, хотя бы ради того, чтобы

убедиться, что дело того не стоило.

Фонтерой криво улыбнулся:

– Вижу, что в женщинах я разбираюсь получше вас, мой ученый друг. Вероятно, сказывается богатый опыт. Взять хотя бы Энни. Вы хоть раз пробовали бросить взгляд за панцирь из шуточек и показной бравады, под которым она обычно прячется? Хоть раз видели ее – настоящую?

– А вы? – тихо спросил волшебник, снова усаживаясь обратно. Фонтерой тяжело опустил на стул рядом с ним, положив на стол сцепленные руки.

– Знаете, что меня в ней восхищает? Ее смелость жить настоящим, всей душой проживать текущий момент. Мало кто решается на это. Мы мастерски научились избегать жизни, застревая в прошлом или откладывая ее на будущее. А вот Энни не боится, несмотря на то, что прежняя жизнь в Кречи наделила ее немалым цинизмом, отравила тоской и страхом одиночества. И вы хотите, чтобы я так с ней обошелся? Даже не думайте.

Ему вдруг захотелось уйти. Проклятый флакон, маячивший перед глазами, казалось, источал удушливый приторный аромат гнилых плодов. Вся эта комната, пропитанная любовными чарами, кружила голову и давила на виски.

– Где же вы предпочитаете прятаться от жизни: в прошлом или в будущем? – спросил Амброзиус, рассматривая свои пальцы так, словно видел их впервые.

Фонтерой, уже направлявшийся к двери, оглянулся:

– Ну, мое будущее будет очень коротким, если вы не приготовите, как обещали, чудодейственное средство, способное любого человека превратить в бесчувственное бревно. Я очень надеюсь на вас, господин Амброзиус. Только Энни, пожалуйста, оставьте в покое.

Когда за графом закрылась дверь, волшебник горестно покачал головой. Этот молодой упрямец, Кеннет, скорее умрет, чем пожалуется на что-то, но Амброзиус не зря обладал зорким взглядом лекаря, и вид подопечного сказал ему о многом. Скованные движения, влажные от пота виски, тени под глазами и закушенная губа, когда он выпрямился, разбудив огонь в камине, – все это говорило о том, что неведомый злопыхатель начал эксперименты с амулетом. Возможно, он хотел чего-то добиться от Фонтероя. Или просто издевался – бывают же такие извращенные натуры, которым нравится чувство власти над другим человеком.

Взяв флакон, Амброзиус открутил крышечку и наклонил его над камином. Несколько капель, зашипев, упали в серую золу. В воздухе сильнее запахло розами и сандалом, закурился розоватый дым, свернувшись на миг в лукавое большеглазое лицо с остреньким подбородком. Лицо это было волшебнику хорошо знакомо. Нимуэ, его бывшая коварная возлюбленная... Один миг – и все исчезло, остался только аромат, тяжелый и сладкий, как ее духи.

– Это даже не было бы Запрещенным Вмешательством! – сердито сказал волшебник в глухое черное нутро камина. – Просто чуть-чуть подтолкнуть события! А теперь придется идти длинным путем, и я понятия не имею, сколько у нас осталось времени!

Передумав, он закрыл флакон и сердито сунул его на каминную полку. Вернулся к столу. Достал свертки с лечебными травами, вынул из блистеров несколько разноцветных таблеток, ссыпал их в ступку. Взял в руку тонкий мелок и вздохнул, пытаясь сосредоточиться. Для предстоящей работы следовало отринуть гнев и жалость, привести свой дух в состояние внутреннего равновесия. Несколько точными штрихами Амброзиус нарисовал на столе правильный шестиугольник и разложил в его углах разные травы, сообразно их предназначению. Потом закрыл глаза и замер, собирая вокруг себя тишину магии.

Глава 13

Когда я увидела, какое устрашающее количество булочек, сладких лепешек, сэндвичей и пирогов приготовила миссис Бонс к завтраку, то поняла, что вскоре придется снова приглашать мисс Нидли, снимать новые мерки и расставлять платья. Сверхъестественным усилием воли отказавшись от ореховых колечек и кремовых пирожных, я взяла себе кофе с сэндвичем и уселась за стол.

Миссис Бонс иногда ворчала, что едоки из нас были так себе. Уолтер был слишком занят мыслями о расследовании, так что забрасывал еду в организм чисто механически, не особо обращая внимания, что лежит у него на тарелке. Я сегодня мучилась головной болью после ночного сидения над записками. Предположение Хаммонда о том, что записки – лишь знак внимания некоего поклонника, меня не очень убедило. Отчего-то казалось, что под легким фривольным содержанием эти письма таят в себе скрытый зловещий смысл. Агата была со мной солидарна, убеждая меня не выбрасывать записки, а бережно хранить их, ибо чем больше их будет, тем легче мы сможем найти какую-нибудь закономерность. Однако пока единственное, за что удалось зацепиться – это тот факт, число символов в обеих записках ровно делилось на восемь. Ночью я расписала буквы по строкам, потом по столбцам, попробовала применить частотный анализ – бесполезно. Когда от свечи остался только оплывший огарок, а в глазах уже рябило от букв, я сдалась.

Фонтерой сегодня тоже выглядел довольно бледно и почти не ел. Наверное, начал сознать, какой ураган в лице леди Элейн он вызвал на свою голову. Его тетя никому в доме не давала спуска, отказать ей в чем-нибудь было решительно невозможно. Моя рука почти онемела от бесконечных пригласительных карточек. Даже Батлер, прежде чем войти в комнату, сначала старался осторожно выяснить, какова вероятность, что он встретит там неугомонную леди Фонтерой.

Однако сегодня нас вместо хозяйственных хлопот ожидала долгожданная прогулка в Текучих садах. Мое радостное предвкушение немного омрачал тот факт, что к нам собиралась присоединиться Кларисса, однако с другой стороны это было даже кстати. Это могло уберечь Агату от ее очередного карательного десанта, а Фонтероя – от лишней порции сладкого яда, который леди Эмберли лила ему в уши под видом ласковой заботы. Украдкой взглянув на осунувшееся лицо Кеннета, я подумала, что отдых ему просто необходим.

Еще одной причиной, по которой я так рвалась в «Фейри-гарденз» было то, что я надеялась встретить там мистера Лайбстера. Увидеться с ним оказалось не так-то просто. Мистер Лайбстер, очевидно, был идейным противником визитов. За прошедшие четыре дня он ни разу нас не навестил, а прибегнув к осторожным расспросам, я выяснила, что другие дома он тоже не баловал вниманием. Можно было подумать, что он слег от простуды или умер, однако Фокс с Хаммондом, неусыпно следившие за сацилийским посольством, сообщили нас, что там-то он появляется регулярно. Может быть, я смогу встретить его хотя бы на прогулке? Зимой многие знатные эшентаунцы любили гулять в Текучих садах. Каждому хотелось вырваться хоть ненадолго из опостылевшей ледяной слякоти.

В парк мы отправились в модной четырехместной коляске, запряженной парой гнедых лошадей. Леди Элейн, глядя на них, всегда вздыхала. В Канхи она состояла в охотничьем клубе, прекрасно ездил верхом и сама управляла маленьким ландо. Однако лошади Фонтероя были слишком норовисты, и он категорически настаивал, чтобы мы всюду ездили в сопровождении грума, хотя Элейн так и рвалась взять вожжи в свои руки. Я же править вообще не умела, поэтому просто наслаждалась поездкой.

Должна сказать, что из роскошного экипажа Эшентаун выглядит совсем по-другому, гораздо привлекательнее! Наша коляска проезжала мимо нарядных вывесок, обгоняла важных лакеев, спешивших по поручениям своих хозяев, и «бегунов-горлодеров», выкрикивавших последние новости. Меня позабавил фонарщик, который, засмотревшись на нас, запнулся о свою же лестницу и едва не упал.

– Хлебные бунты! Арест бунтовщиков на Кларкенэлл-плейс!

Навстречу коляске с пронзительными воплями промчался шустрый мальчишка с пачкой

газет.

Элейн опечаленно вздохнула:

– Столько бед из-за этой континентальной блокады... Проклятые сацилийцы! Цены на хлеб подскочили почти на треть! Я слышала, что в некоторые районы города пришлось отправить конные патрули.

Как правило, конные стражники патрулировали дороги за городом. Придорожные кусты в тех местах изобиловали разбойными засадами, которые каждую богатую карету рассматривали как свою законную добычу. В последние годы в окрестностях Эшентауна развелось много таких бродяг.

– Помяни мое слово, добром это не кончится! – продолжала Элейн. – Кеннет говорил, что, возможно, ему придется уехать в Астилию.

– Зачем? – удивилась я.

– Астилийцам от этой блокады приходится хуже всех. Вся их экономика держится на поставках шерсти, которую теперь некуда отправлять. Вряд ли они станут с этим мириться! Стоит чуть-чуть подлить масла в огонь – и сацилийский король на собственной шкуре узнает, что такое астильская герилья!

Значит, Фонтероя собирались отправить за море, чтобы он разжег огонь партизанской войны в Астилии. Вот когда я пожалела, что мало интересуюсь политикой! От слов Элейн у меня в груди будто вырос тяжелый ледяной ком. Страх за Кеннета мешался с досадой. Почему он мне ничего не рассказывал? «А кто ты такая, чтобы он делился с тобой своими планами?» – подсказал здравый смысл. И все равно мне было обидно.

Я не успела расспросить Элейн поподробнее, так как возле массивной каменной арки, за которой начинались Текучие сады, случилась небольшая заминка. Откуда ни возьмись, огромный, как теленок, черный пес метнулся из-под колес экипажа, напугав лошадей. Наш грум оказался на высоте. Он удержал коляску одной рукой, вытянул пса хлыстом – и мы с разгону влетели под арку. Мир вокруг разительно изменился. Вместо промозглой сырой улицы нас обступил океан плещущей зелени, согретой мягким алхимическим огнем. В лицо дохнуло теплом и ароматами весенних цветов. Я завертела головой, не веря своим глазам. Над нами было все то же низкое серенькое небо, однако вокруг царил весна. Вдоль главной аллеи, вымощенной розоватым камнем, росли каштаны, чьи цветы в темных кронах сияли так мягко, словно белые свечи. Отчаянно цвели тюльпаны – желтые, сиреневые, пурпурные и даже черные. Я слышала, сумасшедшие коллекционеры съезжались сюда со всех уголков Грейвиллии, чтобы полюбоваться редкими видами и, может быть, купить пару луковиц за бешеные деньги. Откуда-то издали доносился ровный, умиротворяющий шум падающей воды.

Оставив меховые накидки в коляске, мы поспешили к ожидающей нас леди Виверхэм. Ее дочери и Кларисса тоже были здесь.

– О, и Меллинг с ними! – сказала Элейн слегка упавшим голосом.

Этого молодого господина я частенько видела в компании Селии и Селины. Он всегда выглядел, как настоящий денди: тщательно уложенные волосы, модный шейный платок, очки, кармашек для часов и все такое. Селина говорила, что он недавно приехал в Эшентаун из университета. Похоже, что в науках мистер Меллинг себя не проявил, зато обладал другим счастливым талантом: в любом обществе он чувствовал себя легко и непринужденно, как блоха на собаке. Его истинной страстью была поэзия. Как все начинающие поэты, он чрезвычайно любил делиться плодами своего таланта, а также испытывал сильную склонность к засадам, внезапно выпрыгивая на вас из кустов с очередной «удачной строфой». В общем, прогулка в его обществе могла стать серьезным испытанием для нервов.

– Будем надеяться, что сегодня Муза ему изменит, – шепнула я своей патронессе.

– В таком-то романтическом месте? Нет, боюсь, новой поэмы нам не избежать.

Обменявшись традиционными приветствиями с другими дамами, мы задумались, куда бы направиться. «Фэйри-гарденз» предлагали массу увеселений. Главная аллея и боковые

дорожки пестрели яркими шляпками и зонтиками. Неподалеку собралась кучка зевак: там какой-то щуплый старичок демонстрировал зайца, танцующего на тамбурине. В киосках, увитых зеленью, продавали вино, пунш, сэндвичи с ветчиной и четвертинки кур, а в глубине сада имелись лужайка для игры в шары и мишени для стрельбы в цель.

– Пойдемте поиграем в шары! – уговаривала нас Селия. – Ну, пожалуйста!

Я уже научилась различать сестер – по характеру. Старшая, Селина, была мягкой, слегка меланхоличной и более других сочувствовала мистеру Меллингу. Кажется, этих двоих сблизила любовь к книгам. Зато младшая, Селия, была настоящим чертенком в юбке. За каких-то два часа, проведенных в нашем доме, она успела подружиться с Агатой, очаровать миссис Бонс, а напоследок получила в подарок корзинку печенья (от нашей кухарки) и новую шляпку (от леди Элейн).

Клариссе явно не хотелось растрепать свои локоны и испортить цвет лица, катая тяжелые «вудсы», так что идея Селии не нашла у нее одобрения. «Вы должны помнить, моя дорогая, что некоторые из нас вообще видят сад впервые и хотели бы для начала все осмотреть», – произнесла Кларисса в своей обычной манере. Мне пришлось, скрепя сердце, поблагодарить ее за заботу. В конце концов, наша компания отправилась гулять по узким тропинкам, поросшим первоцветами.

Здесь было темнее и не так многолюдно. Лучи света, проникавшие сквозь пышную листву, приобрели прозрачно-зеленый оттенок. Тонкие, узловатые стволы образовали по обеим сторонам тропы живой узор. Понизу пестрели сиреневые и белые цветы, кроны деревьев тонули в сероватой дымке. Снег, идущий за пределами сада, превращался здесь в легкий туман, отчего казалось, что мы попали в призрачное царство фей. Мистер Меллинг впал в нехорошую задумчивость. Я лихорадочно думала, чем бы его отвлечь, как вдруг за деревьями заметила нескладную фигуру мистера Лайбстера. Неужели это он? Наконец-то!

На мое счастье, он тоже нас заметил и подошел первым, вежливо приподняв шляпу.

– Прекрасный день сегодня, – заметил он, щуря левый глаз по своей привычке. – Впрочем, этот сад хорош в любое время года.

– Должно быть, это правда, – горячо подтвердила я. – Никогда не видела ничего красивее!

– Энни здесь вообще в первый раз! – воскликнула болтушка Селия.

– О, вот как? Значит, вы еще не видели Плачущее озеро? – спросил Лайбстер, пронзив меня бесцветным взглядом.

– Буду признательна, если вы поможете мне исправить это упущение, – сказала я пересохшими губами.

Сердце у меня колотилось. Все складывалось на удивление удачно: Меллинг очень вовремя разразился стихом, отвлекая на себя внимание обеих сестер. Элейн, Кларисса и леди Виверхэм были увлечены разговором. Никто не заметил, как мы с Лайбстером свернули с тропы и спустились вниз по каменным плитам.

Плачущее озеро было частью каскадной системы озер, образованной плотинами из травертина. Маленькое и круглое, оно располагалось под обрывом, густо заросшим боярышником. Вода в озере была так прозрачна, что я отчетливо видела дно, покрытое водорослями и мелкими камушками. Пахло прелью, водой, мокрыми листьями. Ветви боярышника поникли под тяжестью глянцево-красных ягод. Сюда не доносились голоса гуляющих и пение птиц. Обстановка не то что располагала, а прямо-таки настаивала на откровенности. Как во сне, я двинулась по деревянным мосткам, желая обойти озеро вокруг.

– Его вид меняется, смотря с какой стороны вы на него глядите, – сказал молчавший до сих пор Лайбстер.

– Вид многих вещей изменяется в зависимости от нашей точки зрения, – усмехнулась я.

С другого берега на озеро падала тень от оврага, отчего оно казалось непроницаемо-

черным, словно матовый глаз огромной птицы. Со всех сторон доносилось монотонное бормотание водяных струй.

– Как и многих наших поступков, – парировал Лайбстер. – Призвать в Эшентаун дракона – это злодеяние или благо?

Я резко обернулась:

– Вам известно, кто взял амулет!

– Мне – нет. Но ему известно, – сказал он, кивнув на водную гладь. – Это озеро ответит на любой вопрос, если знаешь, как спрашивать. Подойди сюда.

Стоя на мостках, Лайбстер протягивал мне руку. Невысокий худой человек в немодном коричневом сюртуке, с умным нервным лицом и пепельными растрепанными волосами. «В крайнем случае, я просто столкну его в озеро, если он вздумает мне навредить!»

Я колебалась, опасаясь ловушки, но любопытство пересиливало.

– Некоторые говорят, что вода – отъявленный лжец, – пошутила я, подходя ближе.

Его ладонь оказалась сухой и твердой, а хватка – неожиданно крепкой.

– Может быть. Но только не для меня.

Посмотрев на озеро, я невольно вскрикнула. Вместо россыпей камней и шевелящихся водорослей в черно-синей глубине смутно отражалась внутренность комнаты. Бархатные складки тяжелого балдахина на кровати, темная громада бюро в углу, поблескивающий инкрустацией изящный секретер... Обстановка была знакомой, когда-то я ее видела. Той ночью, в спальне Фонтероя.

– С этой стороны плохо видно. Пойдем туда, где вода прозрачнее.

Словно замороженная, я двинулась за ним следом. Тишина стояла такая, что в ушах звенело. Среди бликов воды показались размытые очертания человеческой фигуры. Казалось, стоит сделать шаг, еще один – и я узнаю, кто там движется на дне! Небо потемнело, словно перед грозой. На грани слышимости до меня долетел замирающий полупшепот: «сейчас, если она не очнется... сейчас...»

Вдруг где-то в другой вселенной, за пределами сада настойчиво загомонил колокол. Сюда донеслось лишь приглушенное эхо, но оно ударило меня, как шторм. Внезапно я очнулась. За нашим занятием я не заметила, что мы обошли озеро уже дважды. Темный омут превратился в зияющую воронку, неудержимо притягивавшую взгляд. Водопад стал стеклянной завесой, за которой сквозь дрожание радуг виднелся неведомый мерцающий мир в серебристом слиянии воды и камня. «Мы еще не прошли третий круг! – с облегчением сказала я себе. – Еще не поздно вернуться назад. Разве не интересно, как далеко я смогу зайти по Третьей дороге?»

– Все ответы – в тебе самой, – веско произнес Лайбстер. Это был новый, незнакомый мне мистер Лайбстер, таким я его еще не видела. Черты его лица заострились, глаза из тускло-серых превратились в серебряные. Вместо невзрачного, ничем не примечательного джентльмена передо мной стояло древнее существо, чьи кости были налиты тьмой, а кровь холодна от древней мудрости и тайн. Его взгляд пронизывал насквозь, прямо как у Фонтероя... Вспомнив лорда-дракона, я вздрогнула. Кеннет! Боже, что я творю!

Резко выдернув руку, я попятилась. Кусты боярышника вновь обрели четкость, а странные видения рассеялись, словно зыбкий туман.

– В этом мире ты не имеешь надо мной власти, – прошептала я, как заклинание.

Мой внезапный приступ своеволия явно рассердил «мистера Лайбстера»:

– Тебе не убежать от самой себя! – прошипело это существо. Глаза его засверкали гневом, лицо оскалилось, показав мелкие острые зубы: – Идем со мной!

- Ох, вот вы где! - вдруг раздался возглас, за которым последовал треск ломаемых веток.

Клянусь жизнью, никогда еще я так не радовалась появлению Меллинга! Наш поэт, неуклюже оскальзываясь на каменных ступенях, бочком-бочком спускался к озеру и под конец обрушился в боярышник, барахтаясь среди ветвей, как кролик в ловушке. Я поспешила ему на помощь:

- Мистер Меллинг!

- Нет-нет, мисс Фишер, стойте где стоите! - поднял руку поэт. - Вы изумительно смотрите среди прозрачных струй водопада! О, нимфа, окруженная нездешним светом, Белей луны, сияющей на небе... или лучше сравнить вас с «лилией»? Но как тогда срифмовать...

Не обращая внимания на его бормотание, я помогла ему выпутаться из куста.

- Леди Эмберли встревожилась из-за вашего отсутствия и послала меня на поиски, - сказал Меллинг уже нормальным голосом, без поэтических подвываний. - Мне показалось, или с вами был Лайбстер?

Я оглянулась - Лайбстер исчез. Так сказать, ушел по-фейски, не прощаясь. Куст боярышника, под которым мы с ним стояли, весь искрился, осыпанный инеем, а его листья почернели и съежились от нездешнего холода. словно ледяная рука провела меня по спине и безжалостно стиснула сердце.

- Пойдемте скорее отсюда! - прошептала я, изо всех сил потянув Меллинга наверх, к людям.

Каким счастьем было снова услышать звонкий голосок Селии и теплый, как мед, голос Элейн! Даже «тактичные» замечания Клариссы о том, какой вред репутации debutантки может нанести приватная беседа с таким ловеласом, каким, без сомнения, является мистер Лайбстер, не могли меня расстроить. С трудом удерживая на лице покаянное выражение, я пообещала, что до самого вечера не отойду от нее ни на шаг. Кажется, Клариссу это не слишком обрадовало.

Остаток прогулки мы с Селией, ее сестрой и мистером Меллингом посвятили игре в шары и стрельбе по мишеням. Меллинг оказался неплохим игроком, если бы ему не мешали внезапные приступы вдохновения. Иногда он замирал и, подняв глаза к небу, начинал что-то бормотать, напрочь забывая про очки. Селию это ужасно бесило. О мистере Лайбстере больше никто не сказал ни слова.

Глава 14

– Не знаю как, но у него почти получилось! – взволнованно говорила я три часа спустя.

Мы с Недом сидели в кабинете Амброзиуса, который превратился во временный штаб. Уолтер только что отругал меня в хвост и в гриву за то, что я отправилась в Текучие сады без прикрытия. Я как-то упустила из виду, что в «Фэйри-гарденз» пускали только избранное общество по специальным приглашениям, так что Нед с Фоксом остались за бортом. Но кто мог подумать, что Лайбстер попытается умыкнуть меня среди бела дня в двух шагах от наших знакомых!

На выговор Неда я не сердилась. Понимала, что таким образом он выражал свое беспокойство. Я и сама здорово струсилась. При воспоминании о матовом омуте, похожем на глаз зловещей птицы, меня просто в дрожь бросало. А вот Амброзиус, который знал Дивный мир как собственный карман, мог бы рассказать о фоморах и побольше!

– Вы же говорили, что он не сможет меня околдовать! – обвиняюще выпалила я.

– Он и не применял чары...

Сидя на обычном месте, волшебник размеренными движениями что-то толк в ступке. Он выглядел задумчивым и притихшим. – ...Лишь слегка подстегнул твое любопытство и пригасил чувство опасности. Так они обычно и действуют. Скрытно, исподволь. Тебе кажется, что ты поступаешь по своей воле, а потом вдруг осознаешь, что все это время был марионеткой в ловких руках сиды.

– Он показал мне Дивную страну! Клянусь, я ее видела собственными глазами!

Мне не сиделось на месте. Вскочив, я подошла к камину, протягивая к огню озябшие руки. Та ледяная темнота, что подстерегала меня во сне и жила в сердце озера, казалось, притаилась в дальних углах и теперь наблюдала за мной. От страха снова пробрал озноб. Темнота пугала... и одновременно притягивала.

– Не каждый может ее увидеть, – кивнул Амброзиус, – даже в волшебных Текучих садах. Но магия Лайбстера здесь не при чем. Слишком много Ограничений ему пришлось бы преодолеть.

В его голосе отчетливо слышалась заглавная буква.

– Что за Ограничения? – живо спросила я. – Как они могут остановить фомора? Я должна знать!

– Не только фомор, любой волшебник подчиняется им. Это основы магии. На каждую силу в мире найдется другая сила, и чем сильнее ты ударишь заклинанием, тем мощнее будет отдача. Поэтому уважение к Правилам и Ограничениям внушается с самого начала. Каждый волшебник при посвящении получает три гейса – три своеобразных запрета, как противовес при вручении магического дара. Иногда они могут показаться забавными и нелепыми, но эта традиция появилась как раз для того, чтобы внушить уважение к Ограничениям.

– И у вас они есть? – спросил Нед.

– Разумеется. Не засыпать в пещере, не заводить домашних животных и не оглядываться, когда зовут не тебя, – перечислил Амброзиус.

– Действительно, странные запреты, – улыбнулась я. – Но они кажутся несложными, особенно последнее.

– На первый взгляд так оно и есть, однако я знал случаи, когда из-за гейса чародей оказывался в безвыходной ситуации. Магическая стезя таит в себе массу опасностей! Поэтому сиды обычно не спешат пользоваться волшебством. В этом мире у них есть более острое оружие: чуткость и поистине дьявольская прозорливость насчет человеческих тайных желаний.

Помолчав, Амброзиус задумчиво добавил:

- Это заставляет меня сомневаться, что Лайбстер и есть тот вор, которого вы ищете. Все, что ему нужно, он мог бы получить от Фонтероя более тонкими средствами, как это принято у сидов.

- На данный момент это наш единственный подозреваемый, - угрюмо отозвался Нед. - Кто еще ночью мог забраться в особняк, если не он?

Волшебник развел руками:

- Вспомните юридические максимы: quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando?

«Хороший совет, - подумала я. - Главное - конкретный».

- Но пока что мы продолжаем подозревать мистера Лайбстера, и это значит, что мне придется встретиться с ним еще раз, - мрачно сказала я.

Уолтер с волшебником обменялись быстрыми взглядами, заронив во мне нехорошее подозрение. Что еще они задумали?

- Мы тут посоветовались и решили, что тебе нужна верховая лошадь, - нерешительно начал Нед.

- Особая лошадь, - подчеркнул Амброзиус, - которая при случае сможет унести тебя даже от фомора.

От такого известия я почти лишилась дара речи.

- Вы... вы что, смерти моей хотите? За всю жизнь я сидела верхом разве что на бревне!

Не скрою, в Серпент-парке я с завистью провожала глазами изящных всадниц в развевающихся амазонках. Они казались такими независимыми, такими бесстрашными... При взгляде на них сразу возникало впечатление, что эти леди уверенно держат в своих маленьких ручках не только поводья, но и бразды правления в доме. И, безусловно, скакать верхом гораздо интереснее, чем трястись в коляске с леди Элейн, раскланиваясь и улыбаясь ее многочисленным знакомым. Но я же и десяти ярдов не проеду - мигом вылечу из седла, как мешок с песком!

- Не бойся, - глаза Амброзиуса пронизательно блеснули из-под молочно-белых бровей. - Эта лошадь тебя не сбросит. Пойдем-ка со мной.

Оставив Уолтера греться у камина, мы вдвоем вышли из дома в чернильную хмарь. Амброзиус захватил в холле фонарь, так что шел впереди, освещая дорогу. Приземистое здание конюшни занимало довольно много места на заднем дворе, хотя сейчас там содержались всего три лошади: пара гнедых, отдохавших после сегодняшней прогулки, и Корунд, здоровенный жеребец лорда Фонтероя. Конь недобро покосился на нас из-под темной челки. Я слышала, что эта зверюга не признавала никого, кроме хозяина. Даже грум с ним едва справлялся.

После уютного домашнего тепла в конюшне царил стылый холод. Пахло сеном и лошадьми. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Я потеряла ладони и сунула их подмышки, пытаясь согреться. Фонарь Амброзиуса, стоявший на полу, отбрасывал тусклый неширокий круг света; маленькие окна, вжатые в толстую стену, отражали синие сумерки.

- Мы здесь надолго?

Амброзиус не обращал на меня никакого внимания. Остановившись напротив пустого стойла, он прикрыл глаза и что-то зашептал. Потом поднял с пола клочок соломы, дунул на него и бросил впереди себя. В стойле собрался сгусток тумана. Я затаила дыхание. Туман рос, клубился; подчиняясь движениям волшебника, в нем переливались дымчатые потоки. Не веря своим глазам, я смотрела, как это вещество становится плотнее, формируя маленькую голову с пышной гривой, крутобокое тело и изящные недлинные ноги. Вскоре волшебный туман рассеялся, оставив вместо себя небольшую лошадку серой масти с молочно-белой гривой.

- Это... невероятно!

Сорвавшись с места, я бросилась к ней, однако замерла на полпути. Я так долго не решалась войти в стойло, что Амброзиус нетерпеливо подтолкнул меня в спину:

– Ну же, смелее!

Ее голова была как цветок, грива и высокий хвост струились мягкими прядями, а крепкое тело блестело, слегка переливаясь, и вся она казалась такой призрачно-волшебной, что было страшно к ней прикоснуться. Я боялась, что если попробую ее погладить, моя рука пройдет сквозь туман. Но шерсть лошадки на ощупь оказалась теплой и лоснящейся, вполне осязаемой. Ладонью я ощутила, как движутся под кожей сильные мышцы. Чтоб мне лопнуть, вот это волшебство!

Вскрапнув, лошадка будто подмигнула мне лукавым взглядом и потянулась мягкими губами к моим пальцам. Корунд, некоторое время наблюдавший за происходящим, заинтересованно взоржал.

– Что ж, владей! – улыбнулся волшебник. – Она тебя не подведет.

– Это... это мне?! О, спасибо-спасибо-спасибо!

Очень сложно подобрать слова благодарности, когда тебе внезапно дарят такое чудо! После того как я, запинаясь, смогла худо-бедно выразить переполнявший меня восторг, Амброзиус напомнил мне, что лошади следовало дать имя.

– ...ибо не зная истинного имени, ты не будешь знать ее сущности и не сможешь ей управлять, – непонятно закончил он.

Мои губы сами растянулись в улыбке:

– Я назову ее Шайн... потому что она похожа на лунный луч.

Она была так хороша, что глаз не отвести! Я готова была заночевать рядом с ней, прямо в конюшне. Вдруг к утру волшебство бесследно исчезнет, как это обычно бывает?! В конце концов, Амброзиусу с трудом удалось оторвать меня от стойла, оставив Шайн осваиваться на новом месте, и мы медленно побрели к дому. Всю дорогу я размышляла о чудесных вещах, неожиданно появившихся в моей жизни вместе с лордом Фонтером... О странных снах, о разных путях, на которых человеку дается возможность понять о себе что-то важное.

– Амброзиус, – решила я спросить, – а ты мог бы провести меня по Третьей дороге?

Мой внезапный интерес к Той Стороне ничуть не удивил волшебника:

– Только не сейчас. Слишком мало времени прошло после Холланд-тайда. Сейчас сиды слишком горячи после Охоты. Они завлекут тебя в свои курганы, напоят красным вином, которое отравит твою кровь, и ты будешь обречена вечно слышать волшебное пение в шелесте тростника, будешь вечно скитаться по вересковым полям, мечтая отыскать путь в страну снов, который больше никогда не откроется... Сиды – те еще шутники.

Это уж точно. Сегодня я уже получила некоторое представление об их коварстве. Амброзиус смерил меня внимательным взглядом:

– Если ты действительно хочешь этого, я покажу тебе Дивный мир. Но мы отправимся туда в другое, безопасное время по моему выбору. Тебе нужно запомнить одно, самое важное: сид, способный потерять голову от симпатичной мордашки, – не сид. Не вздумай ему доверять. Если Лайбстер преследует тебя, значит, ты нужна ему для каких-то собственных целей.

Глава 15

Кто бы мог подумать, что именно Шайн послужит причиной моей первой открытой ссоры с Клариссой! После нашего с Амброзиусом визита в конюшни я едва могла дождаться следующего дня. Нед пообещал, что завтра в десять утра составит мне компанию в парке и даст пару уроков верховой езды.

Моя радость от подарка была так велика, что перевесила даже опасения по поводу моей способности удержаться в седле. Рано утром, наскоро проглотив завтрак, я уже расхаживала по холлу, поджидая Уолтера. Хвала предусмотрительной мисс Нидли, в моем новом бездонном гардеробе отыскалась модная темно-зеленая амазонка со шнуровкой на рукавах. С помощью Агаты я приладила к кудрям высокую шляпку, и чувствовала себя полностью готовой к подвигам.

Признаться, когда Нед подсадил меня в седло, в первую минуту я растерялась. Колеблющаяся земля вдруг оказалась невообразимо далеко, подол амазонки путался в ногах, и мое положение казалось крайне шатким. Однако Шайн была поистине волшебной лошастью. Гибкая и изящная, она в то же время была устойчива и надежна, как хороший диван. Управлять ею мог бы и ребенок. Мы еще не успели выехать за ворота, а меня уже охватило ощущение полнейшего восторга.

Леди Эмберли была первой, кого мы встретили за ажурными воротами Серпент-парка. Сидя верхом на крупном гнедом жеребце, в матовой бледности туманного утра, она была похожа на картину, написанную великолепным мастером. Ее лицо слегка разумянилось, что добавило ей прелести; голубая амазонка ниспадала ровными складками, словно вычерченными по линейке. Маленькое перышко на шляпке заносчиво топорщилось.

– Чудесная лошадь, мисс Фишер, – произнесла она с легким недовольством в голосе. Подумала, поди, что Шайн – подарок Фонтероя. Я не стала ее разубеждать.

– Вероятно, она астилийской породы?

– Скорее, смитфилдской, – пошутила я, намекая на происхождение соломы. Кларисса, разумеется, не поняла шутки, но она была не из тех, кто переспрашивает. Вежливо кивнув Уолтеру, она толкнула свою лошадь в более быстрый шаг. Мы поехали рядом по дорожке для экипажей. В этот ранний час в парке было малолюдно. Легкий прозрачный туман обвивал ноги лошадей, утренняя прохлада покусывала за щеки. Бледный солнечный диск скользил по небу в переплетении голых ветвей. Изредка слышался чеканный дробный топот, и из-за поворота навстречу появлялась коляска с сидящими там улыбающимися людьми. Шайн пританцовывала, желая показать, на что она способна. Чинная поступь солидного жеребца Клариссы была ей явно не по нутру.

Я лишь слегка подтолкнула ее, и моя красавица легко перешла на рысь, а потом пустилась в галоп. Деревья слились в серую ленту по обеим сторонам дороги, сердце забилось в такт бешеной скачке. Сразу же набросился ветер, треплющий одежду и заставляющий щурить глаза. При каждом толчке Шайн легко взлетала над землей. Казалось, еще немного – и она взлетит выше узловатых ветвей, влажной черной черепицы толпящихся крыш, поднимется выше облаков и умчится прочь из этого мира. Встречные экипажи мелькали так быстро, что я не успевала даже улыбнуться. Меня провожали обескураженными, шокированными взглядами. Одна дама с огромной пушистой муфтой даже вывернула шею, чтобы рассмотреть меня получше. Тут я заподозрила, что снова совершила какой-то промах, и поспешила вернуться к своим. Заметив, что Уолтер порядочно обогнал Клариссу, я натянула поводья, и Шайн, описав круг, пристроилась рядом с ней.

Нетрудно догадаться, какой прием меня ожидал. От лица леди Эмберли веяло ледяным спокойствием, но ее голубые глаза яростно сверкали из-под шляпки:

– У вас совсем нет представления о приличиях? – зашипела она, стоило мне поравняться с ней. – Галопировать в парке! Ни одна воспитанная девушка не посмела бы так выставить себя напоказ!

– Надеюсь, никто не скончался от изумления? – огрызнулась я. Жемчужная прелесть

сегодняшнего утра, пьянящий восторг от первой поездки верхом и собственной удачи вскружили мне голову. Неужели эта зануда не может понять таких простых вещей?! Мне казалось, что за спиной выросли крылья. Однако безжалостная леди Эмберли тут же отсекала их в два счета. Ее взгляд был как лезвие холодной стали:

– В силу своей ограниченности вы просто не можете оценить последствий своей несдержанности. Что ж, я поясню. Как любой дебютантке, вам, безусловно, захочется бывать на Ассамблеях Уорда. Там собирается самое изысканное общество. Так вот, после сегодняшней выходки можете забыть об этом! Если слух о ваших... чудачествах достигнет ушей патронесс, вы никогда не получите поручительство! И не надейтесь, что покровительство леди Элейн вам поможет!

Упоминание леди Элейн привело меня в чувство. Мне-то, конечно, плевать с высокой колокольни на все их балы и ассамблеи, но если мое поведение навредит репутации Фонтероя или его тетки... Эта страшная мысль заставила меня присмиреть. В лице Клариссы мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. Несомненно, она готовилась разразиться новой воспитательной речью, но мне в очередной раз повезло. Меня спас Оливер Уайтвуд. Заметив нас издали, он подъехал с группой джентльменов, в которых по осанке можно было безошибочно угадать военных. Я счастливо заулыбалась. Как приятно было увидеть его бесхитрое, честное лицо после змеиного шипения Клариссы!

– Мисс Энни, я бесконечно рад вас увидеть, – улыбнулся Уайтвуд, пока внимание Неда и Клариссы было занято остальными. – Позвольте заметить, что я восхищен вашей храбростью. И еще, – добавил он, наклонившись к моему уху, – у вас ужасная посадка.

– Да, мне уже сообщили, – уныло кивнула я.

– При галопе нельзя ложиться на спину лошади, иначе вы рискуете перелететь через голову. И следует гасить толчки, иначе лошадь устанет, не пробежав и двух миль!

– Две мили! – горько воскликнула я. – Да я проехала едва ли с четверть этого расстояния, а меня уже сочли отъявленной кокеткой! После двух миль от моей репутации остались бы одни лохмотья!

– Я бы на твоём месте прислушался к советам мистера Уайтвуда, – подал голос Нед, отвлекаясь на минуту от общего разговора. При этом он выразительно поиграл бровями, словно желая напомнить, что Амброзиус подарил мне коня не для развлечений, и, возможно, когда-нибудь мне придется пренебречь приличиями ради спасения своей жизни. Хотя я уверена, что леди Эмберли никогда бы так не поступила.

Мы с Уайтвудом пустили лошадей легкой рысью, и за следующие полчаса я узнала от него множество мелких секретов, очень нужных для всадника: как побережечь силы лошади, как лучше действовать шенкелями, как правильно обтирать коня и как его не избаловать – в общем, массу полезных штук!

Вернувшись к Уолтеру, я обнаружила его в гордом одиночестве.

– Леди Эмберли сказала, что устала, и просила ее извинить, – сообщил он.

Я была очень рада. Не хотелось портить такое чудесное утро очередной пикировкой. Моя радость продлилась ровно до порога нашего дома, когда мы с Недом завели лошадей в конюшню и в одном из денников обнаружили гнедого жеребца Клариссы. Я застонала сквозь зубы. Ну что за женщина! Разумеется, она не могла удержаться, чтобы тут же не прибежать к Фонтероя и нажаловаться на мое безобразное поведение!

– Боишься драконьего гнева? – пошутил Уолтер, который отнесся к сегодняшнему происшествию более чем легкомысленно. По его мнению, Кларисса раздувала из мухи слона.

– О, леди Эмберли способна из несчастной мухи сделать не одного, а целое стадо слонов! – простонала я. – Тебе хорошо, тебя ждут улыбки Агаты и новая порция вкусенького от миссис Бонс, а мне придется схлестнуться с двумя драконами и одной змеицей!

Если честно, втайне я надеялась на заступничество леди Элейн, но тут мне не повезло.

Нашей доброй тетушки в гостиной не оказалось. Клариссы там тоже не было. Фонтерой в одиночестве задумчиво прохаживался по комнате, временами поглядывая в окно.

– Доброе утро, мисс Энни, – приветствовал он меня с улыбкой кота, в лапы которого забежала неосторожная мышь. – Как прогулялись?

«Можно подумать, вы не знаете!» – вздохнула я.

– Сожалею, если я позволила себе лишнее, сэр. – Лучше сразу объясниться, чтобы поскорее покончить с этим неприятным делом!

На лице Фонтероя отразилось легкое недоумение.

– Вы имеете в виду свое лихачество в парке? – переспросил он. – Кларисса что-то упоминала об этом. Как ваш опекун, я решительно запрещаю подобные выходки с любой другой лошадью, кроме Шайн. На коня, подаренного Амброзиусом, вы можете смело положиться. Как ни удивительно, он великолепно разбирается в этом вопросе, можете мне поверить! Я ни разу не видел его верхом, однако все кони, подобранные им, были отлично выезжены.

– Я не подумала, что это может повредить... вашему положению... репутации... – покаянно забромотала я.

Судя по веселому блеску глаз, этот щекотливый вопрос графа нисколько не беспокоил:

– Вы полагаете, что ваша невинная шалость может испортить мою репутацию гордеца, волокиты и дуэлянта, которую я заботливо создал себе десять лет назад? Моя дорогая мисс Энни, право, я не ожидал, что вы настолько самоуверенны!

Я невольно улыбнулась в ответ. На душе вдруг стало легко, будто с плеч упал тяжелейший груз.

– Но галопировать в парке все же не следует, – мягко пожурил граф. – Эшентаун – это настоящая оранжерея для сплетен! Наши достопочтенные столпы общества давно махнули рукой на меня, но они могут порядком отравить жизнь вам, если однажды вы захотите к этому обществу присоединиться...

– Конечно, не захочу! Что за абсурд! – вырвалось у меня, и я тут же смутилась. – Ох, простите...

– Да, действительно.

Кеннет отвернулся, и на его лицо легла тень, будто я его обидела. Почему-то когда он отворачивается, меня охватывает чувство заброшенности и тревоги. словно его взгляд был костром – ярким, согревающим, внушающим безопасность. Похоже, наш разговор был окончен. Я уже взялась за ручку двери, когда Фонтерой вдруг накрыл мою руку ладонью. Он казался смущенным:

– Я был бы вам очень признателен, если бы вы, образно говоря, пришли к Клариссе с оливковой ветвью. Видите ли, я заказал на завтра ложу в театре «Дримхилл» и надеялся, что мы все сможем провести приятный вечер.

Мое лицо залила краска стыда. Я не смела поднять глаз на нашего хозяина. Ну конечно! Наверняка он хотел сделать приятное леди Элейн, которая просто грезилась музыкой, а тут вмешалась я со своей выходкой и все испортила! В нашем городе было много театров, однако «Дримхилл» – это нечто особенное; чтобы достать там ложу в разгар сезона, пришлось бы изрядно постараться. Какой нужно быть свиньей, чтобы испортить им с Элейн такое удовольствие!

– Конечно, – выдавила я сквозь ком в горле. – Я сейчас же перед ней извинюсь.

Кларисса отыскалась в маленькой гостиной в задней части дома. При виде меня на ее бледном личике появилась забавная смесь выражений оскорбленного достоинства и христианского смирения.

– Я очень сожалею, что поставила вас в неловкое положение и, надеюсь, вы сможете

простить меня за это, – выпалила я.

Нужно отдать должное Клариссе, ее прекрасное воспитание не позволяло ей снова упоминать о проступке, в котором грешник уже покаялся на исповеди. Получив удовлетворение, она сменила гнев на милость и даже любезно согласилась помочь мне разобрать несколько фортепианных пьес.

Как раз недавно лорд Мериваль – не исключено, что по настоянию той же Клариссы – прислал мне нотную тетрадь. Одним из первых произведений в этом сборнике значился «Полет нетопыря».

– О, вот это прекрасно подойдет! – обрадовалась леди Эмберли.

«Да они издеваются! – подумала я с досадой. – Мне никогда не удастся сыграть эту вещь, даже если я отращу дополнительную пару рук!»

Пальцы Клариссы легко пробежались по клавишам.

– Мы с вами вряд ли достигнем мастерства лорда Мериваля, однако эта вещица хорошо развивает беглость и технику, – наставительно сказала она. – Взгляните: здесь в каждом такте по восемь нот, причем очень коротких. Нужно поставить пальцы вот так и так, чтобы вы могли потом быстро переменить их.

На мой взгляд, монотонная долбежка по клавишам была пустой тратой времени, к тому же унылой до зубовного скрежета. Впрочем, спустя некоторое время ровная, повторяющаяся мелодия меня успокоила и даже почти усыпила. Пальчики Клариссы порхали над клавиатурой, мои – еле ползали, как дохлые осенние жуки.

Через час я достигла того, что могла сыграть первую страницу почти без запинок. Леди Эмберли была очень довольна. За обедом она шумно хвалила меня перед Элейн, хотя я понимала, что она гордится не моими успехами, а своим талантом преподавателя. Точно так же она расхваливала бы мартышку, которую удалось научить нескольким забавным фокусам. Зато я была вознаграждена теплым взглядом лорда Фонтероя, который незаметно мне подмигнул.

В конце концов, ради сохранения мира в этом доме я готова была посвятить музыке хоть целый день.

Поздним вечером, задув свечу, я некоторое время сидела за столиком, на котором лежали две записки и кипа исчерканных листов бумаги. Внизу в гостиной еще горел свет – значит, Фонтерой с теткой снова засиделись за картами. Выйдя на цыпочках в коридор, я могла разобрать доосившийся снизу негромкий разговор и приглушенный смех.

Признаюсь, я немного ревновала и завидовала их близости. Кеннет советовался с теткой по поводу новых книг, которые он заказывал по почте или откапывал у букинистов. Леди Элейн каждый вечер ждала его за карточным столиком. Они явно дорожили обществом друг друга, хотя Элейн иногда шутила, что ей пришлось уехать именно для того, чтобы сохранить с племянником хорошие отношения:

– Некоторых родственников нужно любить на расстоянии. Мы с Кеннетом опытным путем установили, что лучше всего у нас идут дела, когда мы находимся за шестьдесят миль друг от друга.

Наверное, я могла бы присоединиться к ним, и меня бы даже не прогнали. Но я не хотела появляться без приглашения. Кеннет ведь видел полоску света под моей дверью... Мог бы постучать, позвать вниз... а если нет, значит нет.

Тихо притворив дверь, я направилась к огромной холодной кровати и отдернула полог. В синеватом свете луны виднелись очертания стола с громоздившейся на нем кучей бумаг. При виде этого устрашающего зрелища я безнадежно вздохнула. Агата права: двух записок слишком мало.

Мне нужно третье письмо.

Глава 16

Мистер Дринкли говорил, что нам, эшентаунцам, органически свойственна театральность, экстравагантность в одежде, склонность к эффектным жестам и драматизму. Думаю, все дело в тумане. Мы здесь слишком привыкли, что реальность может внезапно оказаться совсем не такой, какой кажется.

Как бы там ни было, а театральные представления в городе всегда пользовались неизменным успехом. Круглые деревянные тумбы постоянно пестрели новыми афишами. Когда в «Клэр-маркете» повысили цены на билеты, возмущенная публика устроила погромы на улицах. Несколько лет назад мы с Дэннисом ходили на уличные представления в Смитфилде или в «зрелищный дом» в Шорди. Там со сцены в изобилии сыпались соленые шуточки, а среди публики царил несмолкающий шум: кто-то грыз орехи, кто-то громко требовал эля, горластые зазывалы расхваливали достоинства спектакля. Один раз спектакль эффектно перерос в общую потасовку, и мне пришлось вытаскивать разъяренного Дэнниса из драки.

Театр «Дримхилл», хоть и находился всего лишь в четверти мили от Смитфилда, отличался от него, как небо от земли. Он гигантским горбом возвышался на площади Клинвэлл-грин, а две его тесно стоящие башни напоминали огромные рога. Когда-то это место почиталось священным. До сих пор вокруг площади уцелели остатки роши, посвященной древнему богу, а сломанный железный насос безмолвно свидетельствовал, что раньше здесь находился священный родник. Когда солнце высоко поднималось между «рогами» театра, на площадь падал узкий сноп света. Говорили, что иногда в столбе солнечного света можно было увидеть волшебный пейзаж, а некоторые избранные могли даже войти в него. Правда, мало кому это удавалось, но те, кому довелось видеть подобное, уже никогда не могли забыть.

Возле Клинвэлл-грин почему-то любили селиться часовщики – люди, привыкшие дробить время на мелкие осколки. Также здесь жила известная на весь город герцогиня Ньюшатская, «безумная Мэдж», как ее называли, – женщина, для которой время остановилось еще сотню лет назад. Ее мрачный особняк выходил окнами на театр, ставни в нем всегда были закрыты. Герцогиня редко выезжала, но иногда утром можно было заметить, как лакеи усаживают в черно-серебряную карету неловкую согбенную фигуру в кринолине, скроенном по моде столетней давности.

Здание «Дримхилла» было построено триста лет назад одним полубезумным архитектором, и многие в Эшентауне считали, что его рукой водило колдовство сидов. Войдя в ложу, я мысленно согласилась с этим утверждением. Большой зал «Дримхилла» производил ошеломляющее впечатление. Вдоль стен поднимались мраморные колонны, одни из которых были толщиной не шире ладони, а другие с трудом можно было обхватить двумя руками. Под потолком переплетения колонн образовали замысловатую вязь, похожую то ли на кроны деревьев, то ли на сплетение корней. Ложи, поблескивающие позолотой, лепились к стенам, словно гроздья древесных грибов на стволах. Бархат кресел походил на зеленый мох, а хрустальные подвески, украшавшие люстры, наводили на мысль об искристых родниках.

Мы с Элейн, Меривалем, Фонтером и Клариссой удобно разместились в просторной ложе бельэтажа. Мериваль явился к нам с визитом за час до представления и, разумеется, тоже был приглашен в театр. Кроме того, меня сопровождал Оливер Уайтвуд, которого пригласил Кеннет. Амброзиус остался дома. По его словам, «Дримхилл» был слишком похож на пещеру, на внутренность волшебного кургана сидов, так что он опасался задремать во время спектакля и нарушить ненароком один из гейсов. С Амброзиусом сложно было понять, говорит он серьезно или шутит.

Публика здесь была, разумеется, попрличней, чем в Смитфилде, однако истинных ценителей музыки, вроде Элейн или Клариссы, было немного. Большинство посетителей явились, чтобы посмотреть на других, посплетничать и покрасоваться самим. Даже когда поднялся занавес и раздались чудесные звуки музыки – а зал был построен таким образом, что каждое слово, произнесенное на сцене, было отчетливо слышно даже на галерке – среди зрителей не смолкал монотонный шум. Публика гудела, как шершни, набившиеся в дымовую трубу.

– О, взгляните, Меллинг снова уселся рядом с мисс Виверхэм!

Кларисса, склоняясь к плечу Элейн, указала веером на противоположную ложу, и обе дамы обменялись хитрыми взглядами.

Я мысленно поздравила Селину с успехом. Мне тоже казалось, что она симпатизирует нашему поэту. В обычное время Меллинг был просто вялым трутнем с нелепым подбородком, но когда он читал стихи, то совершенно преображался. Некоторые люди становятся красивее, когда грустят, другие – когда смеются, Меллинг же необычайно хорошел в состоянии вдохновения. Не удивительно, что Селина в него влюбилась.

Рядом со счастливой влюбленной парой сидела (вернее, подпрыгивала на месте) бойкая Селия, помахавшая нам ладошкой, а позади них важно поблескивал тюрбан леди Виверхэм. Я заметила в зале и других знакомых. В посольской ложе важно расселся виконт де Шарбон. Его жена тоже была здесь, а с ними еще несколько сацилийцев. Что бы ни происходило за закрытыми дверями министерских кабинетов, но сацилийцев благородного происхождения, богатых и хорошо одетых, всегда хорошо встречали в Эшентауне. Позади них стоял еще один человек, чье лицо скрывалось в тени. Вот он наклонился к послу, негромко сказав что-то, и мое сердце испуганно толкнулось в ребра. Это был Лайбстер.

Будто почувствовав мой взгляд, он внезапно выпрямился, глядя в нашу сторону. Между нами словно натянулась невидимая нить. Она лопнула с еле слышным звоном, когда я с усилием заставила себя перевести взгляд на сцену. Там под загадочную, слегка зловещую музыку кружились в танце несколько фигур. Одна из них, в блестящей мантии и с короной на голове, требовала расправы над вероломным «человеческим сыном» за то, что тот соблазнил его дочь.

– Необычная музыка, – улыбнулась я сидевшему рядом Уайтвуду.

– По легенде, сиды и сейчас присматривают за этим театром, – шепнул он. – И если хоть раз на сцене «Дримхилла» прозвучит фальшивая нота, то его стены рухнут. Все актеры свято верят в это.

«Вполне возможно», – подумала я, не решаясь еще раз взглянуть в сторону сацилийцев.

Элейн и лорд Фонтерой завороченно следили за представлением. Мне было сложно понять, что происходит на сцене, пока Уайтвуд не подсказал заглянуть в программку. Оказывается, специально для невежд вроде меня там было написано содержание пьесы.

Развернув плотные листочки с золотым обрезом, я узнала, что главным героем пьесы был грейвильский военачальник по имени Эдвард Уэсли. Почти весь первый акт он печально бродил по холмам родного графства Думанон, размышляя, как ему изгнать с родных земель вероломных сацилийцев (очевидно, в свете последних событий кто-то решил дать в театре такую патриотическую постановку). В этих холмах он встретил прекрасную сиду по имени Морэнн. Должна сказать, что наши южные графства, в особенности Думанон, всегда считались исконным местом обитания фей.

Я бегло пробежалась по остальному содержанию. Храбрая сида обещала юному герою свою любовь и волшебную защиту, если он освободит священные холмы от жестоких чужеземцев. Уэсли прогнал сацилийцев, однако с сидой у них что-то не заладилось, и с волшебной защитой тоже. Будучи тяжело ранен в последней схватке, герой едва не погиб, и опечаленная Морэнн забрала его в свой курган, ибо только так могла сохранить ему жизнь.

– У этой пьесы есть и другой финал, – шепнул Уайтвуд. – Уэсли умирает от раны, и его подруга, не в силах пережить это горе, бросается в море. Ария сиды Морэнн «Вдова я и дева, по юноше плачу» считается одной из самых красивых в мире. Но все-таки оптимистичная концовка мне больше по душе!

– Мне тоже, – горячо согласилась я.

– Хотя на самом деле все было совсем не так...

– Что значит «на самом деле»?!

Тут нам пришлось прервать разговор, так как на сцене двое влюбленных как раз затянули общую песню. Невозможно говорить о посторонних вещах, когда люди так

нежно и искренне признаются друг другу в любви! Элейн промокнула глаза платком. Кларисса, что-то прошептав, склонила голову к плечу Фонтероя. Мне очень хотелось стукнуть ее чем-нибудь тяжелым.

Внезапно наступил антракт, и зрители зашевелились, поднимаясь со своих мест. Повеяло сквозняком, захлопали двери. Мериваль и Элейн заспорили о средствах выразительности в музыке. В нашу ложу на всех парусах вплыл лорд Кервуд, и, согласно дурацким правилам этикета, Уайтвуду полагалось уступить ему место подле меня. Потянулся обычный бессодержательный светский разговор, кое-где одобренный блестящими остротами. Я едва могла дождаться, когда антракт закончится. К тому времени, когда Кервуд, наконец, убрался восвояси, я испытывала сильное желание захлопнуть дверь в ложу и еще подпереть ее изнутри, чтобы нам с Оливером больше не мешали.

– Так что там с пьесой? Разве Эдвард Уэсли – это реальный человек, не выдумка? – нетерпеливо спросила я.

Уайтвуд воззрился на меня, как на чудо. Я почувствовала себя крайне неловко. Что поделать, мои познания в истории были так же прискорбно ничтожны, как и в музыке.

– Подполковник Уэсли – герой последней войны во Вландерене, – терпеливо, как ребенку, объяснил мне Уайтвуд. – Разумеется, к нам в Грейвилию никто не вторгался. Уэсли служил в оккупационных войсках. И любовь у него была не с сидой из холмов, а с актрисой этого самого театра, Мэри-Энн Брайер. Правда, про мисс Брайер говорили, что ее поцеловала фея в колыбели, таким чудесным был ее голос! А насчет Уэсли среди солдат ходил слух, что он, вероятно, обручился с сидой, так как его бригада всегда выходила целой из любых передраг, и на Уэсли не было ни царапины. Однако, в конце концов, военное счастье ему изменило.

Я затаила дыхание. И в этот момент зал вдруг погрузился во тьму.

Сначала я подумала, что это просто эффектный трюк, деталь представления, но по взволнованным голосам, доносившимся из партера, поняла, что случилось нечто непредвиденное. Оркестр смущенно умолк, выдав напоследок нестройный аккорд. Из-за внезапной слепоты я чувствовала себя совершенно беспомощной, зато обострились другие ощущения: я отчетливо слышала шелест платьев Элейн и Клариссы и различала запах их духов. Потом успокаивающий голос Фонтероя произнес:

– Оставайтесь здесь. Я схожу, посмотрю.

Моих щек коснулось дуновение воздуха, когда он поднялся с места, и одновременно по ногам потянуло ледяным сквозняком, словно кто-то открыл дверь в ложу. Мне даже послышался тихий скрип. Вдруг так же внезапно свет зажегся снова.

Фонтерой стоял, облокотившись на парапет ложи, рядом с ним находился лорд Мериваль. Уайтвуд сидел чуть позади меня. Леди Элейн с Клариссой взволнованно озирались по сторонам. Дверь в ложу была плотно закрыта. А на моих коленях лежала маленькая сложенная записка. Прежде чем я успела осознать это, моя рука проворно схватила бумажку и сунула ее за пояс. Потом я сообразила, что человек, подбросивший записку, вряд ли успел уйти далеко. Нужно посмотреть в коридоре! Я живо вскочила на ноги.

– Что с вами, Энни? – обеспокоенно спросила Элейн.

– Все уже в порядке, не волнуйтесь, – сказал лорд Фонтерой, бросив на меня быстрый взгляд.

– Но что это было? – послышался голосок Клариссы. – Как могло случиться, чтобы все светильники разом погасли, а потом вновь загорелись?

– Мало ли, – пожал плечами флегматичный Мериваль. – Может, подул мощнейший сквозняк?

– Я всегда думала, что эти газовые горелки ненадежны, – поддержала его Элейн.

Бросив взгляд на посольскую ложу, я убедилась, что Лайбстер был там. Он смотрел

прямо мне в лицо, не обращая внимания на виконта де Шарбона, который суетился, успокаивая свою жену. Рот мистера Лайбстера кривился в жесткой усмешке. На сцене метался какой-то полноватый человек, успокаивая публику в партере. Из оркестровой ямы вновь заструилась нежная мелодия, и спектакль понемногу возобновился. Элейн с Фонтером снова отвернулись к сцене.

Усевшись на место (все равно преследовать кого-то было уже поздно!), я ободряюще улыбнулась Уайтвуду:

– Вы рассказывали мне об Эдварде Уэсли...

– ...и о его последнем сражении, – подхватил он. – Бригаду Уэсли окружили у Бокстела, где они попали под обстрел. Эдварда сильно ранило, из-за чего пришлось ампутировать руку. Он умер в лагере. Интересно, что тела потом так и не нашли. Однако в те дни нашим войскам пришлось спешно отступать к Арнштейну, так что в суматохе всякое могло случиться.

– А что случилось с мисс Брайер?

– Ее тоже больше никто не видел.

– Печальная история...

Мне было искренне жаль молодого подполковника и его возлюбленную.

– Да... грустно, что так получилось. Титул и замок Белого Вепря – кстати, расположенный в графстве Думанон – отошли какому-то кузену Эдварда Уэсли по отцовской линии. Правда, сейчас замок пустует. Я слышал, что после смерти хозяина в нем завелись привидения. Иногда по ночам в замке раздавался страшный шум, а утром перепуганные слуги замечали длинные царапины на полу и находили обломки разбитых статуй.

От последних слов Уайтвуда у меня возникло минутное ощущение, будто меня поразила молния. Замок Белого Вепря! Сразу нахлынули воспоминания: рев дракона в темном провале холла, серая галерея, полосатая в лунном свете, уходящая вверх каменная стена и висящий на ней гобелен с призрачным силуэтом зверя, который в свете луны казался синеватым. О, я идиотка! Тревор прав, не было еще на свете такой дуры, как Энни Фишер! Я уже неделю штудирую дурацкие светские ритуалы и титулы, так почему же я ни разу не догадалась заглянуть в Серебряную книгу, чтобы взглянуть на герб, который снился мне почти каждую ночь?!

Уайтвуд, вероятно, по-своему истолковал мою растерянность:

– Простите, мисс Энни, что напугал вас, – шепнул он с раскаянием. – Все эти сказки о феях и привидениях – полная чушь! Я в них не верю.

Роскошно убранная зала, похожая на внутренность волшебного кургана, вкрадчиво поблескивала позолотой. На сцене «сацилийцы», одетые в синие мундиры, теснили отряд Уэсли. Лайбстер, неподвижно застывший со скрещенными на груди руками, навис над виконтом де Шарбоном, как воплощение зловещей угрозы. Сверкающие под куполом гирлянды огней живо напомнили мне струи водопада, питающего волшебное Плачущее озеро в Текучих садах.

Задумчиво покачав головой, я прошептала:

– А я верю.

Дома я первым делом, даже не сняв перчаток, бросилась в библиотеку. Большая книга в бархатном переплете с серебряным вензелем на обложке – гербовник грейвильского дворянства – была такой тяжелой, что выскальзывала из рук. Уместившись в кресле, я пристроила неудобную книжицу на коленях. Понадобилось некоторое время, чтобы отыскать в ней графство Думанон, а потом я застыла, разглядывая знакомый силуэт свирепого зверя на густо-синем фоне.

Значит, во сне мне довелось побывать в замке Белого Вепря. В замке Эдварда Уэсли. Интересно, почему этот сон преследует меня с таким упорством?

Я так и сидела с книгой на коленях, когда в библиотеке появился Фонтерой – тоже в парадном сюртуке и белом жилете. Когда мы уезжали из театра, я слышала, что Кларисса звала его присоединиться к каким-то друзьям на вечере у лорда Пенвика. Теперь я малодушно обрадовалась, что этой занозе не удалось завлечь Кеннета обещанием танцев и болтовни в компании избранных гостей и изысканных спиртных напитков.

– Вы слишком много работаете в последнее время, – мягко укорил Фонтерой. – Давайте хотя бы сегодня посвятим вечер отдыху!

– О, я только смотрела справочник старинных фамилий.

Герб Фонтероя я тоже успела найти. Красный дракон на зеленом поле с угрожающе поднятой передней лапой. Нельзя сказать, что он в точности напоминал нашего хозяина, но определенное сходство, безусловно, имелось. Взгляд Кеннета между тем задержался на рисунке с белым ведром, и в нем появилась странная задумчивость.

– Да, эта книга может быть... познавательной. Скажите, Энни, а ваши родители живы?

Я отрицательно покачала головой:

– Нет, милорд, я сирота.

– Вы их совсем не помните? И ничего не знаете о них?

Я не люблю такие расспросы. Однако в голосе Фонтероя было столько мягкости и доброжелательности, что нельзя было не ответить. Остановившись напротив, он пристально смотрел на меня; его взгляд, казалось, отметил каждую черточку моего лица. Я опустила глаза:

– Нет.

Кеннет иронически хмыкнул, снова возвращаясь в обычное состояние добродушной насмешливости. В таком настроении он мне нравился больше всего, когда не впадал во властный тон и не целился в вас шутками, колючими, как драконья чешуя.

– Это довольно необычно, – сказал он. – Как говорила наша леди Брэкнелл, «потерю одного из родителей можно рассматривать как несчастье, но потерять обоих – это уже похоже на небрежность».

Он прошелся по комнате от камина к окну, и от окна к камину, где под сугробом серого пепла тлела алая полоска горячих углей. Я по-кошачьи наострила уши. Лорд Фонтерой, при всей его показной ленивой отстраненности, обладал невероятной чуткостью, а также дьявольской проницательностью, не хуже чем у сиды. Он мог осветить тайники вашей души одной точной фразой. Я же имела достаточно секретов, которые мне хотелось бы оставить при себе.

Одно из печальных преимуществ сиротского положения заключается в том, что ты можешь сам выбирать себе родителей. Я видела свою мать в каждой красивой леди, милостиво улыбнувшейся мне на улице; своего отца – в каждом благородном джентльмене, случайно задержавшим на мне взгляд. Где-то на донышке моей души упрямо теплилась надежда, что однажды дверь приюта (или жилища Ушлого Гарри, или Треворского кабинета) распахнется – и войдет некто, кто любил и искал меня всю жизнь.

Впервые посетила мысль, что, может быть, мои родители находились слишком далеко, чтобы протянуть мне руку. Что если дверь, разделяющую нас, можно открыть лишь с моей стороны?

– Спокойной ночи, мисс Энни, – послышался вдруг голос Фонтероя.

Я вздрогнула, разом очнувшись от дум. Оказалось, что граф все это время стоял рядом и смотрел на меня! Под его испытующим взглядом я смешалась. Наверняка ему хотелось поскорее получить библиотеку в свое полное распоряжение. Действительно, что это за жизнь, когда человек не может достичь желанного уединения даже в собственном доме!

– Простите, – отложив книгу, я поспешно поднялась. – Доброй ночи, милорд.

Пролетев через холл, по выражению Дэнниса, «как смазанная жиром молния», я ухватилась за перила лестницы и оглянулась, чутко прислушиваясь. В библиотеке все было тихо.

Глава 17

Не только сны о родовом замке Уэсли меня волновали. Третье письмо, полученное в театре, снова ни на шаг не приблизило меня к разгадке, однако, в отличие от предыдущих, его содержание показалось мне зловещим. Это был слегка подправленный текст той знаменитой арии, в которой сида Морэнн оплакивала своего возлюбленного.

«Тяжелой утраты узнала я слезы; был милей мне всей жизни любимый; и я флаг опушу на башне одинокой; и какой бы ни была моя боль, море утишит ее...»

Я постаралась снова припомнить все обстоятельства. Перед тем как погас свет, Лайбстер находился в ложе виконта де Шарбона, и сразу после инцидента он тоже был там. Это я помнила точно, так как украдкой постоянно следила за ним. За две-три минуты, пока в зале царила темнота, он не успел бы добежать до нашей ложи, бросить мне на колени записку и вернуться обратно. Но кто-то к нам все-таки заглядывал: я вспомнила, как ледяной сквозняк погладил мои щиколотки. Будто в глубине ложи открылась дверь и сразу же закрылась обратно.

Лайбстер не мог лично передать письмо, но мог воспользоваться услугами лакея. На следующий день Уолтер опросил служащих в зале, однако никто не сознался. Оставался еще вариант, что записку подбросил кто-то из зрителей...

«Почему мы не догадались оставить в коридоре Фокса на время спектакля!» – подумала я с запоздалым сожалением. Как-то так получалось, что Лайбстер всегда опережал нас на шаг!

Чем больше я вчитывалась в письмо, тем сильнее меня снедало зловещее предчувствие. От него ощутимо веяло угрозой. Что если похититель амулета устал ждать, пока Фонтероя прикончит сидящий внутри дракон, и решил перейти к активным действиям? Или наоборот, кто-то пытается нас предупредить?!

Ужасно хотелось показать письмо Кеннету, хотя бы для того, чтобы он пожал плечами и развеял мои страхи. Ладно, если честно, мне просто хотелось его увидеть. С некоторых пор это желание превратилось в навязчивую потребность.

Выбежав из комнаты с письмом, я очень удачно столкнулась с Фонтероем на лестнице. Он как раз поднимался к себе, бормоча что-то о гробницах.

– Вы снова в приподнятом настроении, да? – спросила я после того, как вежливо поздоровалась. – Мне очень нужно с вами поговорить. Пожалуйста, пойдемте в библиотеку. Не следует обсуждать семейные дела там, где кто-то может нас услышать.

Ознакомившись с содержанием письма, Кеннет озабоченно потер щеку:

– Вы считаете, что оно содержит завуалированную угрозу? Для кого?

«Конечно для вас, разве сами не видите?» – чуть не сорвалось у меня с языка. И тут я почувствовала, что неудержимо краснею.

Почему, получив письмо, я сразу испугалась за Фонтероя? Только сейчас я осознала, что он уже многие дни не покидал моих мыслей. Мне нравилось его лицо, решительное и суровое, когда оно внезапно озарялось улыбкой. Нравилась его непринужденность и дружеская откровенность, с которой он держался, хотя мы с Недом были ему не ровня... Нравилась его постоянная готовность прийти на помощь...

Боже мой, да я ведь люблю его! Это озарение вспыхнуло в моей душе, как маяк в ночи, и я совершенно растерялась. До сих пор я не знала, с какой ужасающей легкостью нежность находит путь к нашему сердцу. Я покраснела до корней волос, щеки, наверное, просто пылали. Кеннет, закусив губу, не отводил от меня взгляда, а я не решалась посмотреть ему в глаза.

– Вы полагаете, что злоумышленник мог угрожать Уолтеру? – пришел он мне на помощь.

«Какая замечательная, спасительная мысль!»

- Да, - выпалила я с облегчением. - Конечно! Неду Уолтеру, да. Моему напарнику.

- Хорошо, - рассеянно нахмурился граф, - мы подумаем, как избежать этой новой напасти. Мистер Тревор уже уехал, но я...

- Как уехал?! - я решила, что ослышалась. Что случилось? Тревор никогда бы не покинул город в разгар расследования!

- Он уехал на юг, чтобы проверить одно мое предположение.

- Это как-то связано с сацилийцами? - насторожилась я.

Фонтерой несколько смутился:

- Можно сказать и так.

Я вспомнила, как мистер Тревор говорил тогда в кабинете: «Это дело может быть связано с политикой». Вероятно, это означало, что Тревор с Фонтером и другими высочайшими особами будут шепотом строить хитрые планы, в то время как мы, простые сыщики, продолжим слепо блуждать в «политическом тумане».

«Хоть бы Тревор догадался взять с собой Хаммонда! У него больше мозгов, чем у нас четверых, вместе взятых!»

Тем временем граф все еще вертел в руках письмо:

- Вы получили его в театре? Но как? Ведь я почти все время был рядом с вами!

- Это случилось, когда вдруг погас свет, - объяснила я.

- Преступник, должно быть, чрезвычайно ловкий тип, - хмыкнул Кеннет. - Ведь темнота длилась совсем недолго... Что ж, я поговорю с Уолтером, а этот пасквиль, если не возражаете, мы сейчас сожжем в камине, чтобы он больше не омрачал вашего настроения.

- Стойте! - резко наклонившись, я выхватила листок. - Мы с Агатой думаем, что в письмах могут быть зашифрованы тайные сообщения, и вы только что чуть не уничтожили третью часть нашего эксперимента.

Фонтерой, извиняясь, развел руками:

- Простите, я не знал. Если это все секреты на сегодня...

- Нет, сэр.

Было еще одно дело, которое нам давно следовало обсудить.

- Мне кажется, сэр, что наша игра в «дебютантку» слишком затянулась. В театре леди Элейн представила меня некоторым своим знакомым, и все они смотрели на меня, как на ее родственницу! Это... это невыносимо!

Лицо Кеннета вспыхнуло улыбкой, отчего он стал похож на двадцатилетнего:

- Вас смущает серьезный настрой моей тети? О да, если она решила обеспечить кому-то успех в свете, то ее ничто не остановит.

- Но, сэр, это ужасно! Она милая, добрая женщина, и мне совсем не нравится громоздить перед ней ворох лжи! Это не шутки!

- Когда я говорил, что хотел бы помочь вам устроить свое будущее, Энни, я вовсе не шутил, - серьезно ответил он.

- Вчера лорд Мериваль оставил у нас свою карточку, и леди Элейн так обрадовалась, что весь день не знала, куда ее положить!

- Действительно, Мериваль к нам что-то зачастил. Раньше я не замечал за ним такого энтузиазма. Однако на вашем месте я бы на него не рассчитывал... Я знаю, он

превосходный человек, но это не мешает ему быть самым тщеславным павлином из всех, кого я знаю!

– Я вовсе не...

– На вашем месте я бы присмотрелся к мистеру Уайтвуду. Он кажется надежным малым. Жаль, что он всего лишь лейтенант, но это поправимо. Я куплю ему к свадьбе патент на чин капитана.

Я понятия не имела, что Фонтерой, оказывается, наводил справки об Оливере Уайтвуде.

– Вы что, совсем меня не слышите? – крикнула я, уже не заботясь о том, что чуткие уши Элейн и Батлера могли находиться неподалеку. – Я не собираюсь замуж ни за Уайтвуда, ни за кого-то другого! Я прекрасно могу сама позаботиться о себе!

– Неужели? – Фонтерой иронически вскинул бровь, и в глазах его снова появился рыжеватый блеск озорства. – Простите, мисс Энни, но эта идея для меня слишком... новаторская, что ли. Я должен ее хорошенько обдумать, с вашего позволения.

И он, усевшись в кресло, отгородился от меня газетой. Разговор иссяк сам собой. Поскольку спорить с ровными печатными колонками, внезапно возникшими перед моим носом, не имело смысла, я выдохнула, резко развернулась и с достоинством (как надеялась) удалилась восвояси.

Что называется, поговорили.

Наконец, настал этот великий день, на который была намечена вечеринка. С раннего утра в доме все стояло вверх дном. В холле я столкнулась с незнакомой служанкой, тащившей в столовую кипу белоснежных скатертей. Возле парадного входа рабочие стучали молотками, прилаживая навес. Батлер приглядывал за ними, пока его не позвали в буфетную, так как возник срочный вопрос насчет столовых приборов. Из кухни доносились умопомрачительные запахи: там в облаках ароматного пара колдовала миссис Бонс, сердитая и сосредоточенная до крайности. На завтрак она выдала нам по тарелке бисквитов и велела не трогать ее до самого ленча.

Фонтерой, который, как всякий дракон, не выносил бестолкового шума и суеты, забился куда-то в нору. Зато Амброзиус, к моему удивлению, принял живейшее участие в подготовке праздника, правда, не всегда оно приносило пользу. Мы с Элейн обсуждали приглашенных музыкантов, когда внизу вдруг раздался ужасный грохот. Выбежав на галерею, мы увидели нашего волшебника, растерянно топтавшегося на лестнице. У его ног валялись обломки огромной керамической вазы вперемешку с поломанными стеблями и листьями. По только что отполированным ступеням лестницы протянулся язык черной земли.

– Ничего не понимаю! – расстроено восклицал Амброзиус. – Доттис в «Пляске священных камней» точно описал, как им удалось с помощью пения поднять исполнинские камни, устанавливая их в форме подковы или полумесяца, и накрыть их сверху тяжелыми блоками. А я попытался всего лишь поднять кадку! Почему же это не сработало?!

Я испугалась, что Элейн съест волшебника живьем за это безобразие, но она лишь мягко улыбнулась:

– Дорогой Амброзиус, дело в том, те истуканы были священными камнями, чрезвычайно восприимчивыми к музыке. Воздействовать же чародейством на грубую глину – только зря растрачивать свой дар. Позвольте пригласить вас в мою гостиную, где я смогу перевязать ваши ссадины, а здесь покуда все уберут.

Амброзиус послушался, как ребенок. Пытаясь удержать разбившийся тяжеленный горшок, он действительно сильно рассадил ладонь. Проходя мимо меня так близко, что она почти задела меня пышным платьем, Элейн еле слышно шепнула:

– И если Кеннет что-то заметит, скажешь, что эти царапины на балясинах были всегда.

Я проводила две удаляющиеся спины ошарашенным взглядом. Что тут вообще происходит?! Похоже, увлекшись расшифровкой писем, я совсем упустила из виду

членов нашего маленького сообщества, и теперь их отношения стали для меня не меньшей загадкой!

Чтобы привести мысли в порядок, я вывела Шайн на прогулку в Серпент-парк. После выволочки, которую устроила мне Кларисса, я больше не решалась скакать во весь опор, так что мы чинно-благородно проехали по дорожкам. Нашу прогулку омрачил только черный пес, который внезапно набросился из кустов в уединенной аллее, но умница Шайн играючи ушла от него. В отличие от других лошадей, она не отличалась нервозностью, ей не страшны были ни уличные собаки, ни вопящие мальчишки, ни резкие звуки почтовых рожков. Потрепав свою красавицу по шее, я, довольная, направила ее к воротам.

Дома, не успела я снять амазонку, как в дверь постучала горничная леди Элейн с сообщением, что хозяйка желала меня видеть. Элейн, закружившись в вихре хозяйственных забот, не забыла и обо мне:

- Дорогая, за этими хлопотами я совсем упустила тебя из виду. Что ты собираешься надеть сегодня вечером?

- То розовое платье, в котором была на приеме, конечно! Оно мне очень нравится!

- Что?! Появиться в одном и том же платье два раза подряд? Милая, это почти скандал! Джейн! – окликнула она свою горничную, – ступай с мисс Энни и помоги ей подобрать что-нибудь.

Мне едва удалось отбиться от ее услуг. Я боялась, что Агате не придется по душе такое вмешательство в круг ее обязанностей. Агата в последнее время и так постоянно была не в духе, то ли из-за частых визитов Клариссы, то ли из-за размолвки с Уолтером. Я недоумевала, чем Нед мог ее обидеть. С женщинами он был учтив, как священник, а уж с любимой девушкой даже намека на грубую шутку считал бы непозволительной вольностью. В том, что он искренне любил Агату, сомневаться не приходилось. Как говорил известный поэт, «скорей убийство можно спрятать в тень, чем скрыть любовь: она ясна как день».

Я застала свою горничную, когда она, нахмурившись, раскладывала на кровати мои платья: пышные наряды из тафты, муслина и шелкового газа, отделанные кружевом, блестящим бисером и серебряной синелью. От их блеска рябило в глазах.

- Пожалуйста, подбери что-нибудь, что сделало бы меня сегодня неотразимой, – с улыбкой попросила я, надеясь развеять угрюмую атмосферу, висевшую в комнате. – Мисс Нидли правильно говорила, что удачный наряд может любую Золушку превратить в принцессу!

- Я приготовлю вот это. – Агата сердито выдернула из шуршащего пышного вороха платье, сшитое из шелковистого зеленого крепа с высокой талией и неширокими оборками. – А остальные уберу. Не беспокойтесь, мадам.

Меня задел этот нарочито услужливый тон, но я не подала виду:

- А тебе не кажется, что зеленый цвет меня несколько бледнит? – спросила я.

Ответом на мой вопрос был резкий стук захлопнувшейся двери. Схватив в охапку платье, Агата стремительно вылетела в коридор.

Нет, в нашем доме точно происходит что-то неладное!

Как бы там ни было, но прием прошел великолепно. Леди Элейн, очень красивая и помолодевшая, в темно-синем платье из узорчатого атласа, стояла вместе с Фонтероем на верхушке лестницы, встречая гостей. Лестницу покрыли красным сукном, среди гостей сновали нанятые лакеи (одним из которых был Фокс), угощая всех фруктами и напитками.

В организации вечеринок главное не в том, чтобы позвать в дом подходящих людей и засыпать им овса в кормушку. Следовало создать особую атмосферу, и Элейн это прекрасно удалось. По комнате струились утонченные беседы, слышался мягкий приятный смех. Хозяйка переходила от одной группы к другой, чтобы представить

нового гостя, подбросить тему для разговора или ободрить кого-нибудь.

Одно омрачало мое настроение – Лайбстер так и не явился. Невероятно! Все самое блестящее общество собралось сегодня у нас, а он взял и не пришел! Сначала я подумала, что могла пропустить его в этой нарядной беспечной толпе. Я поискала глазами Фокса, и тот еле заметно покачал головой. Лайбстера здесь не было.

– Послезавтра вечером в «Золотом лососе», – шепнул мне Фокс как бы ненароком, обходя меня с подносом. – Скажи Уолтеру.

Значит, им с Винсом удалось что-то обнаружить! И мне предстоит еще двое суток мучиться неизвестностью! Эх, если бы нам удалось нормально поговорить!

Итак, Лайбстер отсутствовал, зато я заметила среди гостей леди Виверхэм. Отличаясь пристрастием к экзотическим нарядам, сегодня она надела кружевную астильскую мантилью, приколов ее на груди крупной сверкающей брошью. Это было настолько чудовищно, что казалось даже красивым. Почему-то сегодня «виверна» вела себя необычайно тихо и почти не открывала рта. Против обыкновения, звонких голосов ее дочерей тоже не было слышно. Селина пряталась за спину матери. Даже розовое платье не могло скрыть ее бледность, а глаза казались красными и припухшими. Маленькая Селия, стоявшая рядом, выглядела взъерошенной и сердитой, как воробушек.

Кажется, здесь тоже было что-то неладно.

За стол мы сели около восьми часов. Я жила здесь уже около месяца, но только сегодня смогла по достоинству оценить искусство нашей поварихи! Обед был великолепен. На первое подали заячий и устричный суп, а также рыбу. Вторая перемена блюд включала седло барашка, запеченных голубей, соус из белых грибов и различные закуски, а на десерт принесли апельсиновое суфле и бланманже, за которое миссис Бонс следовало бы присвоить звание пэра. Гости, и так довольные вечеринкой, встали из-за стола в самом чудесном расположении духа.

После обеда музыканты заиграли контрданс, и все желающие потанцевать потянулись в большую залу. Ко мне подошел мистер Уайтвуд, но я попросила его пригласить Селину, а сама поманила ее сестру в укромный уголок за буфетом.

– Выкладывай, что случилось, – спросила я без обиняков.

– Это все из-за Меллинга, – насупилась девчонка. – Он уже пять дней к нам носу не кажет. А раньше приходил каждый день! Вчера Селина получила от него письмо и чуть не свалилась в обморок. Теперь она плачет и твердит, что им следует все забыть.

– Вот уж не ожидала от Меллинга такого вероломства!

– Ну, Селина призналась, что они не были помолвлены, – разочарованно вздохнула Селия. Похоже, они с леди Виверхэм в своем воображении далеко опередили действительное положение вещей. – Я думаю, все дело в том, что в Эшентаун приезжает его отец.

– И что с того?

Я слышала, что старший мистер Меллинг жил, обрастая мхом, в своем поместье где-то в Хэмфордшире, но не могла взять в толк, какой вред от него может быть в Эшентауне.

– Он скряга, каких мало, – без обиняков заявила Селия. – Меллинг – младший сын, и наверняка отец хотел подобрать ему в жены увесистый сундучок с деньгами. А мы не так богаты.

В это время танец как раз закончился, и Селина подошла к нам. Глядя на нас, ей нетрудно было угадать предмет нашей беседы.

– Ты опять за свое! – с досадой сказала она сестре. – Мистер Меллинг не давал мне никаких обязательств. Он показывал мне некоторое расположение, однако ни разу не объяснился открыто, а в последнем письме прямо заявил, что не свободен распоряжаться своей судьбой! – в голосе Селины зазвенели слезы.

– Да мы все видели, что он от тебя без ума! – вмешалась я. – Завтра же схожу и поговорю с ним. Если его чувство так серьезно, то никакой отец не сможет ему помешать!

Две пары круглых карих глаз воззрились на меня с одинаковым изумлением:

– О нет! Ты не можешь!

Я с ностальгией вспомнила своих соседей в Кречи. Когда Дик в первый раз сбежал от Бетси и спрятался на августовской ярмарке, она не заламывала руки, а отыскала его, взяла за ухо и призвала к ответу. Это потом все привыкли, что Дик сбегает каждое лето – просто, чтобы отдохнуть от Бетси. Очевидно, в светских кругах, где жизнь определялась множеством условностей, такая прямота была не в чести.

Наша беседа уже начала привлекать внимание, и мне давно пора было вернуться к Элейн, чтобы помочь развлекать других гостей. Напоследок Селина, словно решившись, произнесла с трагическим выражением:

– Я схожу к прорицательнице мадам Теллер. Хочу узнать, какой злой рок подстерег нас с Меллингом, и что сулит мне будущее!

По ее лицу читалось, что если это будущее не включало в себя мистера Меллинга, то ей и жить не стоит.

– Прекрасная мысль! – глазенки Селии загорелись от восторга.

Лично я ни за что не стала бы верить свое будущее гадалке, но возражать Селине, когда она находилась в таком состоянии, означало лишь укрепить ее в ее намерениях, так что я решила отступить. Тем более что музыканты заиграли народный танец, на который Уайтвуд меня снова настойчиво пригласил. Неподалеку от нас улыбались друг другу Амброзиус и Элейн, у которых был вид заговорщиков, а в соседней паре стояли Мериваль с Клариссой. Эти двое сегодня тоже вели себя странно. Их поведение напоминало двух котов, облюбовавших один конек крыши: вроде бы и не смотрят друг на друга, а шерсть у обоих так и топорщится от раздражения.

Да, это был действительно странный вечер! В мечтах я представляла его совсем не так, особенно когда, засыпая, снова видела теплый взгляд Фонтероя и чувствовала его руки на своей талии. Увы, наш хозяин куда-то исчез сразу после ужина, и среди танцующих его не было. Около полуночи я нечаянно налетела на него в коридоре, когда, устав от танцев, решила поискать, не найдется ли среди изысканных закусок немного орехов.

– Это вы! – с каким-то облегчением выдохнул Фонтерой, держась за дверь библиотеки.

– Энни, у меня к вам огромная просьба, – сказал он, схватив меня за руку. – Вы можете устроить так, чтобы пять минут сюда никто не входил?

Выглядел он совсем плохо: едва стоял на ногах, был бледен, как призрак, в глазах – лихорадочный блеск. Что с ним? Заболел? Внезапный приступ? Испугавшись до смерти, я помогла ему дойти до кресла:

– Прошу вас, сядьте, сэр! Я сейчас позову Батлера.

Ладони у него были горячие, как из печи.

– Батлер тут не поможет, – криво усмехнулся Фонтерой. – Прошу вас! Мне нужно только пять минут.

– Хорошо.

Надеюсь, он знает, что делает! Я быстро вышла и захлопнула за собой дверь. Замок был автоматическим, и я помнила, где лежат ключи – в холле, в верхнем ящике комода. Напольные часы в холле, прокашлявшись, нутужно пробили полночь. Тенью метнувшись к комоду, я украдкой вытащила нужный ключ, бросила его к стене и с размаху придавила каблуком. Ногу прострелило болью. Дьявольщина! Совсем забыла, что на мне вместо привычных башмаков были легкие бальные туфельки.

Морщась от боли, я захромала обратно к библиотеке. И вовремя! Туда уже направлялся

мистер Пенвик в сопровождении еще троих джентльменов, желающих пощекотать себе нервы над зеленым сукном. Он в недоумении подергал дверь и оглянулся.

- Похоже, кто-то случайно ее захлопнул, - улыбнулась я. - Одну минутку, джентльмены.

Следующие несколько минут мы беспомощно топтались у двери уже впятером.

- Что здесь происходит? - послышался красивый ленивый голос.

Конечно же, это была леди Эмберли. Кларисса чуяла чужие промахи, словно акула, которая повязывает салфетку, когда ныряльщик в десяти милях от нее поранит палец.

- Кто-то из слуг захлопнул дверь, а я пыталась ее открыть и нечаянно погнула ключ, - пролепетала я, изображая крайнюю растерянность.

Леди Эмберли возвела прекрасные глаза к небу с выражением: «Слава богу, я-то никогда не была так глупа!»

- Так позовите Батлера! - воскликнула она с нетерпением. - Если у кого и есть запасной ключ, то наверняка у него!

Батлер, выросший словно из-под земли, смог одним взглядом правильно оценить обстановку. Поковырявшись для виду в замочной скважине, он выпрямился:

- Замок заело. Ничего страшного, сейчас исправим. А пока что осмелюсь предложить вам, джентльмены, винтажный портвейн, который я только что со всеми предосторожностями принес в столовую из погреба его светлости, где оно пролежало нетронутым двенадцать лет. Тем временем я разберусь с этой дверью.

Джентльмены с готовностью удалились. Ловкость Батлера простиралась так далеко, что ему даже удалось спровадить с ними Клариссу. Как только последний из черных фраков скрылся в холле, дворецкий легко открыл дверь.

- Здесь никого нет, - заметил он, глядя мне в глаза долгим взглядом.

Я молча кивнула. Уже с порога было видно, что комната пуста. Из открытого французского окна в глубине библиотеки тянуло холодом. Я прикрыла створки, но запереть их не решилась.

- Если вы побудете здесь, я принесу вам чаю, - сказал Батлер со своей обычной деликатностью. И бесшумно исчез.

Я подошла к окну. В густом сумраке, напитанном сыростью, еще дрожало еле слышное пение магии. Светил бледный диск луны, и в низко нависшем небе мне на секунду пригрезился шелковый всплеск исполинских крыльев.

- Мисс Энни?

Вздвинув, я оглянулась. На пороге стоял Мериваль.

- Что случилось? Где Фонтерой?

- Его здесь нет, - спокойно ответила я, задерживая тяжелые портьеры.

Лицо Мериваля не выражало ничего, кроме легкой скуки, но я видела, как нервно билась жилка на его виске, а рука в кармане была сжата в кулак. Должно быть, он волновался за друга.

- Леди Эмберли просила отыскать его, - сказал он, огорченно нахмутив красивые брови. - Я-то понимаю, что Кеннету в его положении сейчас не до веселья. Наверняка ему хотелось бы побыть одному. Ладно, пойду к Клариссе, и да помогут мне боги поудачнее соврать!

Состроив печально-ироничную мину, он ушел. Я смотрела ему вслед с благодарностью, думая, что какое бы несчастье ни постигло Кеннета, ему должно послужить утешением, что у него есть такие хорошие друзья!

Глава 18

Идея Селины нанести визит прорицательнице мадам Теллер не канула в небытие, как я тихо надеялась, а наоборот, нашла скорое воплощение. Селина, всегда такая меланхоличная и нерешительная, вдруг проявила невероятную изобретательность, и уже на следующий день мы втроем ехали в наемном экипаже на Кейтон-стрит, где жила эта гадалка. Пока наш кэб пробирался в ранних городских сумерках, подкрашенных бледным светом фонарей, я всячески пыталась отговорить сестер от этой затеи.

– Мадам Теллер – не какая-то шарлатанка, – убеждала меня Селия. – К ней наведываются многие леди. Она хорошего рода, седьмая дочь седьмой дочери, может предвидеть исход беременности или судебной тяжбы и бесподобно предсказывает погоду!

– Тоже мне, фокус! – фыркнула я, вспомнив Чертову Матушку, старую гадалку из Лачмира. Та предсказывала суровые зимы с помощью своих котов. Если их шерсть была особенно густа осенью – значит, запасайся углем, не то превратишься зимой в хорошую сосульку. Матушкины коты никогда не ошибались. Жила она в конце перекрестка, в низком, словно насуспенном доме. Часть окон в нем была разбита и заткнута оберточной бумагой. Возле этого зловещего дома всех невольно охватывал страх: стоило нам завидеть грузную фигуру Матушки в темной шали, как мы опрометью бросались в разные стороны.

Махнув рукой на бестолковых сестер, я отвернулась к окну, за которым в тумане иногда мелькали призрачные фигуры прохожих. Кэбмен повез нас кружной дорогой, так как на Феттер-лейн и на Дьюк-Инн-Филдс, по слухам, были «волнения».

– Чума на головы этих бродяг! – ворчал кэбмен. – Колеса выворотят, стекла побьют... Можно подумать, их буйство приведет к тому, что лорд-мэр лично откроет закрома с хлебом!

– Я слышала, что вчера для усмирения мятежников пришлось разослать отряды гвардейцев! – блестя круглыми глазами, прошептала Селия.

Я тоже слышала об этом – от Мериваля, которому однажды пришлось сопровождать такой отряд. Что бы ни говорил о нем Фонтерой, Мериваль был не из тех надушенных лординов, что бесцельно слонялись по гостиним, сокрушаясь о «старых добрых временах». Если что-то шло не так, Мериваль засучивал рукава и брался это исправить. Мне импонировал такой подход.

Благодаря осмотрительности нашего кучера, путь до Кейтон-стрит удалось преодолеть почти без происшествий. Мы уже подъезжали к перекрестку Севенрейс, когда вдруг послышался грохот, ругань, и из переулка выплеснулась кучка людей с палками и факелами в руках. Они выглядели, как хищники, сбежавшие из зверинца. Один из мятежников замахнулся – и камень, брошенный с силой, громко ударил в стенку кареты. Селина испуганно вскрикнула. На наше счастье, кэб быстро промчался мимо. В глубине соседней улицы я заметила красные солдатские мундиры – оттуда в сторону бунтовщиков направлялись пешие гвардейцы в сопровождении двух верховых офицеров. С детства я ужасно боялась толпы. На городских улицах нет страшнее зверя, чем разъяренная толпа! Человек в ней моментально теряет свою личность и с удовольствием предается порокам, о которых в одиночку не смел бы и помыслить. Я мысленно прокляла упрямую Селину и беспечную леди Виверхэм, отпустившую девушек одних в такое опасное время.

Мое дурное настроение еще усугублялось бессонницей. Вчера вечером Кеннет так и не вернулся. Всю ночь я чутко ждала, не захлопают ли в тишине гигантские крылья, не послышится ли скрежет огромных когтей по черепице, но так и не дождалась. За завтраком его тоже не было. Нед где-то пропадал, Элейн отдыхала, довольная после вчерашнего приема, как питон после трапезы. Дверной молоток не умолкал, возвещая о прибытии все новых и новых посыльных: благодарные гости засыпали хозяйку вечера карточками и цветами.

Весь день я не могла найти себе места от беспокойства. Вид фортепьяно нагонял на меня тоску, библиотека без Кеннета казалась нелепо пустой. Когда я вошла туда и увидела пустое кресло и холодный камин, у меня ком подступил к горлу. Лишь бы с ним все было

хорошо! Амброзиус был занят и только отмахнулся, попросив меня зайти позже. Каждую минуту я боялась, что к нам зайвится Кларисса, которой придется что-то врать насчет Кеннета. «Если, конечно, он сейчас не с ней». От этой мысли мне стало еще хуже, и я отправилась за утешением к Элейн.

Тетушка Фонтероя сидела в нарядном пенюаре в своей гостиной и угощалась бисквитами с большого блюда. Усадив меня рядом, она предложила мне кофе.

- Чудный вечер вчера получился! Жаль, что Кеннет так быстро ушел. Это не очень-то вежливо с его стороны по отношению к Клариссе.

- Значит, их свадьба – дело решенное? – спросила я нарочито безразличным голосом. Рассыпчатые бисквиты миссис Бонс сегодня не лезли мне в горло.

Леди Элейн немного помедлила с ответом:

- Когда-то я просто мечтала, чтобы они поженились. Я помню ее первый сезон. Когда Кларисса начала выезжать, она затмила всех наших девиц. Лорд Эмберли был сражен наповал, как только ее увидел. И эти щенки, Ингрэм с Кеннетом, тоже увивались вокруг нее наперебой...

Она отхлебнула еще кофе, погрузившись в золотую паутину воспоминаний:

- Конечно, родители вряд ли позволили бы ей выйти замуж за Кеннета. Младший сын, небольшое состояние, никакой склонности к карьере... Я надеялась, что Кларисса, такая разумная и благовоспитанная, сумеет сгладить острые углы его натуры и примирить его с отцом. Этот брак представлялся мне идеальным. Кроме того, я устала утешать девчонок, имевших глупость влюбиться в него!

Элейн бросила на меня быстрый взгляд, в котором мне померещилось сочувствие.

- А сейчас? – спросила я, постаравшись принять спокойный и уверенный вид. – Что вы думаете сейчас?

Помешав кофе серебряной ложечкой, она задумчиво вздохнула:

- Дорогая Энни, люди так меняются с годами! Когда-нибудь ты сама это поймешь... Кеннет никогда уже не станет тем беспечным юношей, и прежнюю Клариссу тоже не вернуть.

Внезапно она заговорщицки подмигнула:

- Я ее нежно люблю, но вместе с тем очень рада, что окажусь в Апнор-холле за шестьдесят миль отсюда, когда она войдет в этот дом хозяйкой! И если хочешь, я могу взять тебя с собой!

Я обдумывала это великодушное предложение, пока мы с Селией и Селиной тряслись в наемной карете. В Эшентауне у меня была работа, хотя я понимала, что буду невыносимо чувствовать себя в городе, где Фонтерой с Клариссой начнут вить свое семейное гнездо. Мое чувство к Кеннету так безнадежно, нелепо... волшебное. Но уехать... бросить мистера Тревора и ребят – нет, я просто не могла!

На перекрестке Севенрейс экипажу пришлось остановиться, чтобы пропустить толпу возбужденных прохожих. Семь улиц сходились здесь к маленькой площади, образуя некое подобие звезды. Вероятно, городские астрологи усмотрели в этом счастливое предзнаменование, так как очень полюбили здесь селиться. В угловом доме жил известный алхимик, рядом с ним обретался продавец пилюлей. Табличка на соседней двери извещала, что проживающий за ней джентльмен берется предсказать исход конных гонок. Все эти дома, впрочем, выглядели опрятными и благополучными: аккуратные фасады, начищенные дверные ручки. Контраст с халупой Чертовой Матушки прямо-таки бросался в глаза, так что мой скептицизм несколько увял.

Дверь нам открыла опрятная горничная в сером платье, со скромно опущенными глазами. Прошелестев какое-то приветствие, она провела нас в гостиную. Здесь меня ждал второй сюрприз. Я помнила, как выглядят изнутри шатры гадалок на ярмарках: таинственный ароматный полумрак, стеклярусные занавески, жуткие аксессуары вроде

черепов или засушенных чучел. Здесь ничего подобного не было. Обстановка напоминала гостиную в хорошем доме, разве что немного вычурную. На столе стоял умывальный таз, наполненный водой, словно хозяйка собиралась совершить вечерний туалет.

Миссис Теллер оказалась немолодой, деловой и опрятной женщиной, больше похожей на вдову почтенного торговца, чем на гадалку. Ее белокурые волосы были убраны под чепец, на губах при виде нашей притихшей троицы появилась вежливая улыбка:

– Кажется, я догадываюсь, чем могу быть вам полезна, юные леди. Особенно вам, – безошибочно выделила она Селину.

– Только, пожалуйста, давайте обойдемся без нелепых гаданий по ладони и карточных фокусов, – вмешалась я. Мне казалось, что на правах более опытной подруги, знакомой с повадками гадалок, я должна была предостеречь девушек.

– А вы считаете, что между оккультной и экспериментальной формами познания лежит непреодолимая пропасть? – поинтересовалась мадам Теллер, сразив меня этим вопросом. Такую фразу я ожидала бы услышать от Амброзиуса, но никак не от дамы, раскладывающей карты, чтобы узнать, не захватить ли ей на прогулку зонтик.

– Присядь к столу, дорогая. – Мадам Теллер, напористо шурша шелками, провела Селину вглубь комнаты. – А вы подождите здесь, – обернулась она к нам с Селией.

Мы послушно уселись в мягкие, слегка обтрепанные кресла, стоявшие поодаль.

– Мне нужна какая-либо вещь, принадлежащая ему, – сказала гадалка.

Поколебавшись, Селина вынула из-за корсажа сложенное письмо и протянула его вместе с бархатным коричневым кошельком. Взяв вознаграждение и взвесив его на ладони, мадам Теллер, кажется, осталась довольна. Открыв небольшую шкатулку, она убрала кошелек и вытащила небольшой камень размером с куриное яйцо. Он был яркого красного цвета, блестящий и чешуйчатый, как шкура змеи. Сжав его в ладонях, гадалка монотонно забормотала заклинания. Ее голос был похож на шелест сухих листьев, гонимых ветром. Затем она коснулась камнем глаз, губ и волос Селины и положила его на край миски. К моему удивлению, камень не плюхнулся в воду, а покатился по ободу блюда.

– Держи руками чашу и смотри, – сказала гадалка изменившимся низким голосом. Сама она положила ладони поверх рук Селины и тоже уставилась в воду.

Эта сцена внезапно напомнила мне наше с Лайбстером приключение у озера, отчего мне стало не по себе. Вероятно, мадам Теллер пользовалась для гадания схожими методами. В комнату бесшумно, как туман, проникла та «серая девушка», горничная. Присев у окна, она взяла инструмент, похожий на маленькую арфу, и затянула протяжную песню. Мелодия была такой странной и жуткой, что я вся похолодела, словно дотронулась до трупа. «Чешуйчатый» камень не успел сделать и десяти оборотов по краю чаши, а мы уже прониклись мистическим настроением по самые жабры. Селия притихла, глядя на происходящее круглыми расширенными глазами. Селина с хозяйкой, сидя со сцепленными руками, казалось, пребывали в другом мире, о котором не пристало ведать душе смертного.

Когда я уже готова была вскочить, завопить, сделать что угодно, чтобы разбить эту вязкую, жуткую магию, творившуюся здесь, песня умолкла, а гадалка быстро забормотала:

– Любовь его к тебе не угасла, но преградой между вами – этот старик. Запомнила? Теперь хватит! Отпусти его!

Камень задымился, но мадам Теллер, сделав отвращающий жест, сбросила его в воду. Сидевшая на стуле Селина покачнулась, ее повело, и она едва не упала. К ней подскочила проворная Селия с флаконом нюхательной соли и быстро привела сестру в чувство.

– Все ли ты узнала, что хотела? – спросила мадам Теллер уже обычным, нормальным голосом.

- Да, благодарю вас, - пролепетала бедная девушка.

- Может быть, у твоих подруг есть вопросы? - Мадам Теллер обвела нас взглядом маленьких, холодных, как камешки, глаз.

Селия испуганно затрясла головой. Я мечтала лишь поскорее убраться отсюда. Проклятая гадалка перехватила мой взгляд, и ее лицо рассекла хищная улыбка:

- О, - прошептала она, засмеявшись, - я вижу тут целый клубок вопросов! А сколько дорог - одна, две, три!

Ее сухой смех был похож на щелканье мертвых костяшек. Я хотела зажмуриться - и не могла. Страшная женщина надвигалась на меня, как гора. Серая тень ползла за ней следом, занимая уже добрую половину комнаты. Я спиной осторожно отступила к двери. Глаза мадам Теллер изменились: лишенные белков, они стали похожи на пустые черные окна. Не сомневаюсь, что теперь они будут являться мне в кошмарных снах.

- Ты - глупая, беспечная стрекоза, которая не боится опалить себе крылья! О, ты найдешь ответы еще до конца этого Круга, только не забудь о цене, которую придется заплатить! Помни: человек, ищущий знания, словно ходит под кручей. Знание падает на него, как камень, сорвавшийся с обрыва!

Снова щелкающий смех пробрал меня до костей. Я проворно бросилась к двери.

- Ради милосердия к тем, кто тебя любит - выбери третью дорогу! - крикнули мне вслед.

Эти слова прилетели мне в спину, когда я выбежала в переднюю. Обе сестры уже ждали меня там. Серая служанка с бесстрастным лицом и пустыми рыбьими глазами снова отворила дверь, в которую ворвался туман. Мы втроем с облегчением вывалились наружу.

- ...И запомни, что ты - связующая цепь между теми, кого оставишь, и теми, кого найдешь! - долетело нам вслед, после чего дверь наконец-то захлопнулась. Слава богу.

Уже совсем стемнело, на окрестных домах зажглись фонари. Я хватанула полной грудью живительного эшентаунского воздуха, пропитанного сыростью, уличными запахами и угольной пылью. Как же хорошо!

- Уф! - выдохнула Селия, сердито посмотрев на сестру: - Ты должна мне как минимум три визита в магазин мадам Пэлхем! Это было жуть как страшно!

- Он любит меня! - воскликнула счастливая Селина, эйфорию которой не могли нарушить никакие мрачные пророчества. Уж не знаю, чего ей там привиделось в тазу, но это вознесло ее на небеса. - Я знала, знала, что это отец Меллинга настраивает его против нас! Я видела его лицо - отвратительный скрюченный старик с седыми патлами, в круглых очках и с большим ртом, как у жабы! Он стоял перед картотечным шкафом, мерзко хихикал и потирал руки, вот так! - Селина очень похоже изобразила хорошенького алчного кареглазого старикашку.

В моей голове будто сдвинулись какие-то колесики, все-таки страх не совсем отшиб мне разум. Я задумчиво спросила:

- А не было ли у него кольца-печатки с черным камнем на правой руке?

- Кажется... да, действительно! Но как ты узнала?

- Очень интересно.

Портрет, столь живописно нарисованный Селиной, разительно напомнил мне одного джентльмена, который, в отличие от Меллинга-старшего, постоянно проживал в Эшентауне, и имел такое же отношение к светскому обществу, как гусеница к яблоку.

- Вы что, не могли найти другого времени для разговора? - сердито воскликнула маленькая Селия. - Между прочим, становится все темнее, а наш кэб уехал!

Забавно было видеть, как две решительные девушки внезапно превратились в

растерянных котят, которых хозяйка вытряхнула из насиженной корзинки в незнакомый двор.

– Как уехал? Что же делать? Ведь возчик обещал нас подождать! – воскликнула Селина, и в ее глазах заблестели слезы.

– Ничего страшного, – пожала я плечами. – Если мы дойдем до конца этой улицы, то попадем напрямик на Бишопс-роуд. Там полно кэбов!

– Может быть, лучше вернемся в дом и попросим служанку найти нам экипаж? – нерешительно спросила Селина, замаявшись на крыльце. Вероятно, ей за всю жизнь не довелось самостоятельно пройти по городу хотя бы мило.

– Что?! Вернуться – туда? Ну уж нет! Боюсь, моя нежная натура не выдержит еще одного соприкосновения с мистическим талантом мадам Теллер! Селия, а ты как?

– Я скорее доберусь домой пешком, – мрачно согласилась девушка и храбро зашагала в темноту. Селине ничего не оставалось, как последовать за нами.

Должна сказать, прогулка по вечернему пасмурному Эшентауну – удовольствие на любителя. Особенно если перед этим вы хорошенько встряхнули себе нервы магическим ритуалом. Туман, которому городские испарения придавали желтоватый оттенок, усиленно клубился вокруг нас. Его плотные клочья, носимые сквозняками, придавали уличным подворотням такую зловещую ауру, что мы невольно прижимались ближе друг к другу. За редкими витринами горел газ. Мы прошли мимо пожилой торговли каштанами, от чьей маленькой жаровни исходило красноватое мглистое свечение. Отблески этого света и запах жареных каштанов еще долго сопровождали нас в темноте. В окружающей дымной хмари было даже своеобразное величие, как в первом кругу ада.

Где-то неподалеку раздался собачий лай. Это было не бодрое собачье тявканье, возвещавшее о том, что луна сегодня особенно хороша, а жизнь прекрасна. Нет, эти звуки скорее походили на мрачное заупокойное уханье. Это так же мало напоминало нормальный лай, как песня сегодняшней «серой девушки» – веселые застольные куплеты. Меня снова пробрал озноб.

Впереди уже слышался шум большой улицы, когда Селия холодной лапкой осторожно тронула меня за руку и прошептала:

– Там какой-то человек идет прямо за нами! Мы медленнее, и он медленнее! То исчезает, то опять появляется!

Я оглянулась. За два дома позади нас мелькала смутная тень, то возникая, то проваливаясь в клубы тумана. Шагов его не было слышно. Мы ускорили темп.

– Мне страшно! – на бегу выдохнула Селия. – А вдруг это Туманный человек?!

– Вздор! – нахмурилась Селина, едва поспевая за сестрой, но в ее голосе было мало уверенности.

Будь я одна, задала бы сейчас такого стрекача, что только меня и видели, но не бросать же подруг на произвол судьбы! Тем временем, мои нежные спутницы уже порядком запыхались. Эх, а Бишопс-роуд была так близко! Не успеем!

– Сюда! – потянула я девушек в переулочек. Насколько помню, он заканчивался тупиком, перегороженным ажурной решеткой старого особняка. Крайний каменный дом имел низенький полуподвальчик с аркой, вечно загроможденной плетеными корзинами и старыми ящиками. Я помогла Селине с Селией втиснуться вглубь, а сама осторожно выглянула наружу...

Из конца переулочка не доносилось ни звука. Существо просто возникло на фоне светящейся щели между домами, и фонарь, висевший на углу, очертил контур его щеки и плеча. Что-то в его силуэте показалось мне знакомым. Постояв перед входом в переулочек, оно втянуло носом воздух. Спустя несколько минут, в течение которых мы старались даже не дышать, существо исчезло, словно растворившись в сумерках. На вид это был обычный человек из плоти и крови, крупного сложения, рыжебородый, в коричневом плаще с тремя пелеринами. Меня охватил охотничий азарт.

Словно стайка испуганных птиц, мы вылетели из-под арки и почти сразу услышали звяканье упряжи, возвещающее о появлении лошади. Вскоре из тумана проступили очертания высокого черного кузова. Как же нам повезло!

– Садитесь в кэб, – сказала я девушкам, – а мне нужно догнать этого человека!

– Нет! – вскрикнула Селия, удержав меня за руку. Ощущение было такое, будто меня схватил аллигатор. – Слышала, что говорила гадалка? «Ты – связующее звено между теми, с кем расстанешься, и тем, кого встретишь». Я боюсь! Не хочу из-за тебя быть связанной с этим жутким типом!

– Да ну, гадалки вечно несут всякий бред! – отмахнулась я, делая движение, чтобы соскочить с подножки.

– Нет, не ходи! Селина, скажи ей!

– Что? О чем вы? – Селия, уже сидевшая в экипаже, перевела на нас затуманенные глаза. Вероятно, она была занята мысленной примеркой свадебного платья и составлением списка гостей.

– Все ясно! С тобой разговаривать бесполезно! – страдальчески закатила глаза ее сестра.

В конце концов, Селия смогла отговорить меня от погони. Мы втроем загрузились в кэб и поехали домой.

Не удивительно, что после пережитого мне снова не удалось заснуть. Меня одолевали оцепенение и усталость, но сон не шел. Отдернув полог, я бездумно разглядывала ночные тени, метавшиеся на потолке. Ветер усилился, в его шуме чудился приглушенный плач и стон. Этот унылый звук все повторялся и повторялся. Должно быть, это гуляли сквозняки в старом доме. Далеко внизу, в холле, часы пробили час ночи, потом два. Вдруг неясная тревога заставила меня оторвать голову от подушки. Показалось, что кто-то стоял за моей дверью.

Из коридора не доносилось ни звука, но там точно кто-то был! Соскользнув с постели бесшумно, как дух, я осторожно приотворила дверь. Вместо глухой темноты перед моими глазами возникли дрожащие коричневые тени. Коридор был смутно освещен, ближе к лестнице на полу стояла свеча, пламя которой металось на сквозняке. В дальнем конце коридора, таявшем в сумраке, мелькнула чья-то высокая фигура. Мистер Батлер? Взяв свечу и прикрыв ладонью слабый огонек, я посмотрела вниз.

Батлер не стал бы будить меня просто так. Повинуясь скорее непонятному предчувствию, чем логическим соображениям, я спустилась в холл. Дверь в библиотеку была приоткрыта. Похоже, кто-то развел там огонь, на паркетном полу в коридоре дрожали его отблески.

Кеннет был здесь. Он сидел возле камина, прямо на полу, и смотрел в красноватое пламя. От внезапно нахлынувшего облегчения я пошатнулась, так что пришлось на минуту опереться о стену. Словно почувствовав мой взгляд, он обернулся. На дне его глаз еще трепетало пламя, и вид у него был – как у хищной птицы, сбитой с неба и запертой в этой клетке, где царил застоявшийся дух пыльной бумаги и кожаных переплетов. Наверное, библиотека должна была показаться ему очень тесной после небесных просторов.

Почему-то он совсем не удивился, увидав меня ночью, в теплой рубашке и длинной шали, достававшей почти до пола.

– Каждый раз это все тяжелее, – сказал он, снова глядя в огонь. – Я имею в виду – возвращаться.

Поставив свечу на стол, я подошла ближе и села рядом. Машинально отметила, как измучило его постоянное сопротивление драконьей магии. Кеннет исхудал и выглядел не таким педантично аккуратным, как всегда. Воротник у него был расстегнут, как и верхние пуговицы на шелковом жилете; из пучка стянутых лентой черных волос выбилась прядь. Каминное пламя, осветив снизу его лицо, подчеркнуло аскетичную линию губ и тонких скул.

– Я не думал, что это будет так. Боялся другого. Боялся вспышки ярости, гнева, разлитого в опаленном воздухе. А потом – опустошение и осознание того, что уже ничего не исправишь. Оказалось, дракон – это не только огонь. Это парящее чувство полета. Ты видишь все вместе и сразу, понимаешь, как рождаются дожди, когда движутся льды на полюсах. Видишь, как борются между собой течения. Слышишь голоса ветров, чувствуешь, как поет хрупкая паутина магии, опутывающая все сущее... Ты знала, что драконы видят наш мир и Ту Сторону одновременно?

Кеннет постепенно приходил в себя, но его голос все еще был голосом дракона, и он завораживал:

– Сила духа дракона такова, что ее не сравнить с человеческой. Наши радости кажутся мелкими, наша боль – это просто ничто. Наверное, я не вернулся бы вовсе, если бы не... – тут он смолк и посмотрел на меня. Какие-то слова готовы были сорваться с его губ, но голос его не слушался.

Меня пугала эта перемена в нем. Человек и дракон боролись в его сознании, и мне отчаянно хотелось найти что-то, что вернуло бы прежнего Кеннета. Но что? Может быть, его гордость? Долг? Ответственность?

– Вы как-то говорили, что истинная сила духа – в самоуважении и верности долгу, – неуверенно прошептала я.

Кеннет слабо улыбнулся:

– Это слова моего брата. Я тебе не рассказывал? У меня был старший брат, Джеймс. Он был удивительным человеком, жаль, что умер так безвременно. Я мало знал людей, в которых воплотилось бы столько достоинств, и иногда мне кажется, что все лучшее во мне – от него. Все-таки он успел преподать мне несколько уроков. Отец Джеймса просто боготворил, советовался с ним во всем. Я не завидовал, нет, но и подражать ему не хотел. Наверное, из странного духа противоречия я старался преуспеть в таких делах, в которых Джеймс никогда не стал бы со мной соревноваться. Он властвовал в учебных аудиториях – я преуспевал в карточных клубах, в тире и Манеже. Он снискал расположение профессоров и нашего управляющего – зато я царил в светских салонах. Что бы я ни натворил, я всегда знал, что могу рассчитывать на его расположение и добрый совет. До тех пор, пока из-за одной злосчастной случайности... По настоянию отца, Джеймс поехал на охоту. Лошадь, чего-то испугавшись, сбросила его. Он умер мгновенно. Отец до конца жизни не мог себе этого простить.

Я не знала, что тут можно сказать. Как его утешить.

– Потерять их обоих – это было больнее всего. Даже больнее, чем... – здесь он снова запнулся, но я и так поняла. Мне следовало раньше догадаться! Внезапная болезнь Кеннета, его худоба, бледность, плохое самочувствие позавчера на приеме... Мало ему проблем с собственным драконом, искушающим его новой магией, так еще какой-то мерзавец издевается над ним с помощью амулета! Огненная злость и горячее сочувствие сплелись в моих жилах, эмоции нахлынули волной, заставив позабыть о скромности, и вообще обо всем:

– Этот проклятый амулет! Больше он не сможет причинить тебе зло! – выпалила я, обнимая Кеннета за плечи. – Я не позволю. Я люб...

– Тсс! Тише!

Он вдруг стремительно поднялся, увлекая меня за собой. Впрочем, он сразу же выпустил меня из объятий и отступил на шаг.

– Нет, Энни. Ты не должна...

Его глаза горячечно блестели, и когда на них падал отсвет огня, в них вспыхивало золото.

– Но это правда! Я...

– Нет.

Это мягкое «нет» было хуже любого оскорбления. Для меня оно прозвучало как пощечина. Кеннет, оглянувшись напоследок, уже стоял на пороге. Наверное, мне нужно было что-то сказать, крикнуть, обругать его, в конце концов, но разве можно удержать дракона? Быстрые шаги прозвучали в холле, хлопнула входная дверь. Минута – и он исчез, оставив меня стоять в одиночестве у остывающего камина.

Глава 19

До самого утра я просидела у окна в своей комнате. В холодном стекле дрожал слабый огонек моей свечи. Единственный – в окружающей темноте. В это время года ночи особенно длинные, и мне казалось, что густая непроницаемая мгла навсегда поглотила этот мир. Завернувшись в шаль, я бездумно наблюдала, как за окном заново рождались на свет очертания деревьев и ровные контуры крыш.

Мир потихоньку светлел, а у меня на душе царил все тот же мрак.

Как только рассвело, я оделась потеплее и вышла в сад. Туман, похожий на холодный серый пот, оседал на перилах крыльца, леденил руки. Гросвен-стрит в этот ранний час была сонной и тихой, с улицы доносилось только мяуканье молочниц.

На скамейке под дикой яблоней я заметила знакомую спину, обтянутую форменным серым сукном. Похоже, Уолтеру тоже не спалось в эту ночь.

– Она мне отказала, – печально сказал он в ответ на мое приветствие. Мне не требовалось уточнять, кто именно.

– Не иначе, виноваты звезды, – вздохнула я. – Видно, время нынче неподходящее для любовных дел! Меллинг рассорился с Селиной, тебя отшила Агата, и мне тоже не повезло.

– Я заметил, – угрюмо отозвался Нед. – У тебя дрожат руки и щеки красные, как вишни. Что случилось?

– Ночью вернулся Фонтерой, и я почти что призналась ему в любви.

Нед открыл рот. И закрыл. Помолчав, я добавила грустно:

– Нас здесь не любят. Агата злится на тебя, а Кеннет, кажется, предпочел бы выпить зелье Амброзиуса и превратиться в ходячий айсберг, чем прикоснуться ко мне хоть пальцем...

Я представила, как они с Клариссой, словно две глыбы из льда и камня, будут дрейфовать по безупречно обставленным гостиным своего прекрасного дома, внушая почтительную дрожь любому случайному гостю. Разве это жизнь?

Уолтер некоторое время хмурился, потом осторожным тоном, каким обычно говорят с детьми и больными, лишенными разума, ответил:

– Энни, он вообще-то лорд.

– Ты прав. Вчера я об этом как-то забыла.

Между нами опять повисло молчание. Уличные молочницы продолжали зазывать покупателей с такой настойчивостью, что мне вдруг нестерпимо захотелось джина. Очень кстати вспомнилось поручение Фокса:

– Фокс предложил нам сегодня собраться в «Золотом лососе».

Нед кивнул:

– Давно пора. Старик уехал, но это не значит, что мы должны бездействовать.

Мой напарник как-то приободрился. Я тоже встряхнулась. Уолтер прав – я слишком заигралась. Конечно, когда в твою жизнь в одночасье врываются нежнейшие шелка и изысканные яства, это кому угодно вскружит голову! Вчера я забылась до такой степени, что едва не навязалась в любовницы графу. Кеннет еще проявил деликатность, что не начал смеяться прямо при мне! Куда подевался мой разум?! Нужно срочно воззвать к нему и вернуть прежнюю Энни, которая прилежно трудилась в магистрате и была вполне довольна своей участью! И тогда, если мне повезет, когда-нибудь я выйду замуж, например, за скромного помощника аптекаря.

С тех пор как мы с Амброзиусом стали свидетелями рождения Шайн, он взял за меня

учить. Незаметно, исподволь. Он рассказывал мне о Daine-Sidhe, обольстительных и опасных, об их мудрости и коварстве. О знаменитом Каррахморском кристалле – волшебном шаре из горного хрусталя, который невежественные крестьяне с острова Эрин использовали для лечения скота: если положить этот шар в ручей, и провести через него животных несколько раз, можно исцелить их от всех болезней. На мой взгляд, не самый плохой способ применения волшебного предмета.

Амброзиус учил меня трем сильнейшим гаданиям: по воде, огню и глине. Он говорил, что есть три великих силы: сила, что подымается – огонь, сила, что падает – вода, и сила, что таится в земле и хранит тайны мертвых – глина.

Он рассказывал о Каллиах Вер, синелицей ведьме с Нагорья, о дружелюбных гоблинах с рудников, всегда готовых помочь заплутавшему путнику, если тот проявит учтивость. И о гораздо менее дружелюбных почитателях кровавой древней богини, умеющих послать за врагом летящий нож. Этот нож мог преследовать несчастного многие дни, и перед тем как он пронзит жертву, та услышит в воздухе свистящий звук.

Я приходила в обитель волшебника, когда у меня было беспокойно на душе. Правда, в последние дни я все чаще заставляла там Элейн, и, несмотря на радушный прием, меня не покидало ощущение, что эти двое предпочли бы побыть наедине. Я даже подумывала прекратить свои визиты.

Однако сегодня Амброзиус сам позвал меня:

– Ты еще не передумала побывать на Той Стороне? Тогда будь готова через час.

Честное слово, с нашим чародеем не соскучишься. Я аж заикаться начала от изумления:

– Что – прямо сейчас? Мы вот прямо возьмем и отправимся туда?

– Сегодня самый подходящий день. Осталось четыре дня до Йоля – первого праздника годового Круга. Скажи леди Элейн, что ты вернешься к вечеру, и захвати с собой немного хлеба и молока, – попросил волшебник и больше не стал ничего объяснять.

Меня не удивило, когда Элейн захотела к нам присоединиться:

– Давно пора выбраться на загородную прогулку! Сколько можно сидеть дома?

Заметим, что это говорил человек, который все свободное время тратил на визиты к друзьям и походы по магазинам! Ну, кроме последних дней, когда бунтовщики совсем распоясались. Тем временем Элейн придирчиво выбирала наряд для поездки:

– ...И погода сегодня совсем неплохая!

Я скосила глаза на окно, за которым сыпал мелкий холодный дождь вперемешку со снегом. Видимо, наше с тетушкой представление о хорошей погоде разительно отличалось.

Амброзиус сделал попытку избавиться от второй спутницы, но у него это вышло крайне неловко:

– Дорогая Элейн, ведь нам придется ехать верхом! Дороги за городом сейчас не годятся для колясок!

Этим замечанием он только подлил масла в огонь. Элейн с достоинством выпрямилась:

– Позвольте заметить, сэр, что в Канхи я до сих пор являюсь заметной фигурой в охотничьих кругах! – фыркнула она. – Я прекрасно могу проскакать хоть полдня, и, поверьте, вам не придется оживлять меня с помощью нашатырного спирта!

Итак, дело кончилось тем, что мы отправились втроем. Амброзиус посоветовал нам одеться в зеленое, «чтобы почтить обитателей Дивной страны накануне их праздника». Для него и Элейн оседлали гнедых лошадей, а я, разумеется, поехала на Шайн.

– Запомните, что на Той Стороне нельзя верить глазам, слуху и даже памяти! – предупредил волшебник, когда мы выехали за ворота. – Слушайте меня во всем и не

отставайте ни на шаг!

Напугав нас напоследок таким образом, он направил коня на север, к Гизелдонской заставе.

Дорога была спокойной. Очевидно, в этот час бунтовщики еще не выползли из трактиров, где они отмечали вчерашние успехи. Однако я заметила, что многие лавки были закрыты, а ставни на нижних этажах – заперты на засов. На стоянках кэбов и портшезов было пусто. Город затих, затаился. Не было слышно ни криков разносчиков, ни грохота телег. Редкие прохожие скользили, как тени, будто пугаясь звука собственных шагов.

После заставы потянулись низкие дома предместий, окруженные садами. Здешние болотистые почвы были достаточно плодородны, чтобы на них хорошо росли яблоки и сливы. Из-за частых оттепелей дорога так раскисла, что наши кони проваливались в грязь по самые бабки. Дождь продолжал сыпать, заставляя нас плотнее кутаться в теплые дорожные плащи. Свинцово-серое небо пригибало холмы к земле, ветер переменялся и дул с севера, неся с собой холод ледников. «Где-то сейчас Кеннет?» – тоскливо думала я, кутаясь в меховой капюшон.

Под действием непогоды окрестности погрузились в сонную тишину. Летом пейзаж оживляла стайка гусей или пастух, стороживший овец на каменистых склонах. Сейчас не было никого, только бесприютный ветер метался и выл между холмами. Все было мертво и покрыто инеем.

Дорога полого поднималась в гору. Я оглянулась. С этой высоты город открывался весь, как на ладони. Панораму темных крыш и острых шпилей венчал огромный, круглый, как перевернутая чаша, купол Собора. Вместо привычного крикливого шума сюда долетал лишь ровный монотонный гул, по замечаниям путешественников, похожий на «рокот морских волн, разбивающихся о каменистый берег». Сама я никогда не бывала на побережье, так что не могу судить. У меня захватило дух от перспективы города и просторного неба, обнимающего его сверху. В городе столько неба нечасто увидишь. Из грязных ущельев Кречи, стиснутых громоздящимися крышами и стенами, небо казалось бесконечно далеким... Не удивительно, что цели и стремления местных обитателей отличались некоторой приземленностью!

– Энни! – окликнул меня Амброзиус. – Если мы хотим вернуться засветло, нужно поспешить.

Вскоре ветер стих, зато в долине, где мы ехали, сгустился туман. Он разительно отличался от плотного «горохового супа», в котором плавали улицы Эшентауна. Здешний туман серебристо искрился, игриво льнул к нашим плащам, перешептывался с ветром и, кажется, даже что-то напевал. Выступавшие из тумана горбатые холмы нависали, как мрачные темные тучи. Миновав поворот, наши кони вступили в лесок, где росли ольха и молодые дубки, шелестевшие остатками пожухлой листвы. Под копытами то и дело похрустывали раздавленные желуди. Белесый туман висел между деревьями, как рыбацкие сети, развешенные для просушки.

Хотя Амброзиус отмалчивался на вопросы, я все равно догадалась, куда мы едем. Как-то раз он рассказывал мне, что дверь на Ту Сторону можно открыть, если выбрать подходящее место и время. В пяти милях к северу от города находился холм Гислы, или, как его чаще называли, холм Отшельника. Это место издревле почиталось священным. Холм венчала часовня, построенная на фундаменте старого храма, а невдалеке от нее находилась пещера или, вернее, углубление в земле, где когда-то жил святой старец.

Проехав через лес, мы наконец увидели этот холм, высившийся в некотором отдалении от остальных. Туман окружал его со всех сторон, создавая впечатление, что верхушка холма парит на облаке.

– Как волшебный остров в облачном море... – прошептала Элейн, завороченная этой тихой красотой.

Остров! От этих слов искрой вспыхнуло воспоминание об Инис Авалон – чудесном Яблоневоом острове, о дивной земле, где никто не испытывает нужды, не бывает засухи и морозов, где вечно царит нерушимая гармония. Я изумленно взглянула на Амброзиуса –

тот довольно улыбался, прямо как кот, перед которым поставили миску сметаны.

– Не может быть! – вырвалось у меня. – Авалон же находится в Западном море, очень далеко, дальше, чем Эрин!

– На Той Стороне нет понятия «далеко», – поправил меня волшебник. – Разумеется, мы не можем за два часа достигнуть Западного моря, но в нужный день и час можно сделать так, чтобы западный берег приблизился к нам. Впрочем, ты права. Это еще не Авалон. Это только вход.

Сказав это, он снова тронул коня, посылая его вперед. Мы въехали в серебристый туман. Я с трудом могла различить фигуры своих спутников, слыша только звяканье упряжи и стук копыт. Таинственный холм тоже исчез из глаз, но его незримое присутствие чувствовалось постоянно. Он словно притягивал нас к себе. О волшебном острове было сложено так много историй, что хватило бы на целую полку книг по магии! Разные люди в разные времена дали ему множество названий. Его называли Ynis Witrin – Стекланный Остров, так как иногда он становился прозрачным, и сквозь него можно было различить звезды и облака. Хай-Бресейл – остров в морской дали. Эмайн Аблах... Амброзиус говорил, что каждому, кто его увидит, откроется иное. Меня охватило предвкушение чуда.

Туман окружал холм так плотно, что о существовании деревни у его подножия я узнала только по лаю собак. Они, безусловно, оповестили всех о нашем появлении. В деревне при дороге имела даже харчевня с громким названием «Пещера Мерлина». Низкое здание, сложенное из грубого камня, стояло немного в стороне от дороги. Во дворе нас яростно облаял косматый пес, но хозяин, вышедший на шум, очевидно, знал Амброзиуса. Он приветливо кивнул нам, отогнал собаку и показал, где можно обиходить лошадей. Отчего-то хозяин не выразил ни малейшего удивления, зачем троим путникам понадобилось карабкаться в тумане на холм.

Расседлавая коня, Амброзиус пояснил:

– Лошадей лучше оставить здесь.

– Бойтесь, что сиды, живущие наверху, заплетут и запутают им гривы? – пошутила я, потрепав Шайн по шелковым прядям.

Волшебник остался серьезным:

– Вряд ли у нас будет время и возможность успокаивать перепуганных животных.

Это замечание заставило нас с Элейн умерить свою веселость. Мы укрыли разгоряченных коней, чтобы они не остыли, и задали им корма из седельных сумок. За стеной конюшни шумел трактир. Здесь продолжалась привычная, нормальная жизнь, а наверху нас ждала неизвестность. Мне не терпелось отправиться в путь.

Обледенелая трава была еле различима сквозь туман, одевавший все вокруг. Зимнее солнце тщетно пыталось пробиться сквозь тучи, и мы двигались в слабом молочном свечении. Амброзиус шел последним. Оглянувшись, я увидела, что он сыплет на тропу позади нас соль из висевшей на плече котомки. При этом лицо у него было такое сосредоточенное, что я не решилась спрашивать, зачем без толку переводить дорогой продукт. Волшебнику виднее. За крутым поворотом тропы я едва не вскрикнула, наткнувшись взглядом на смутно различимую фигуру в тумане. Оказалось – стоячий камень. Чуть поодаль торчал еще один. Они стояли, как часовые, поддерживая низкий серый свод небес. Я еще долго чувствовала спиной их взгляды.

Говорят, что мир Той Стороны на первый взгляд не отличишь от нашего мира. Мы шли и шли, вокруг простиралась все та же трава и валуны, но взглянув на небо, я вдруг заметила, что мутное солнечное пятно сменил узкий месяц. Он был похож на серебряный серп, отделяющий прошлое от будущего. Мы поднялись почти до самого верха. Сторожевые камни здесь торчали так часто, что походили скорее на волчьи зубы. Стоило нам шагнуть на вершину, как наступил рассвет, высветлив небо нежно-бирюзовой и розовой краской. От камней по снегу протянулись длинные синие тени. Я не могла понять, куда девалась часовня? Это странно, но она исчезла! Вершину холма покрывали лишь каменные колонны, заросшие боярышником и рябиной. Снег у их

подножия был чистым, нетоптанным. В прозрачной тишине звучал негромкий приятный голос – кто-то невидимый пел о волшебнике, искавшем яйцо морского змея на берегу, в полом камне, и о юной девушке, пленившей чародея нехитрым колдовством. Голосу вторила мелодия флейты. Амброзиус недовольно поморщился, бросив смущенный взгляд на Элейн. Мы стояли, как завороченные, а воздух вокруг был полон чар.

Вдруг от одного из камней отделилась серая тень:

– Мир твоему дому, чародей, – прозвучало слегка насмешливо. – Я знала, что однажды ты вернешься. Это было написано на звездах.

Голос был другой, не тот, что недавно пел. Более низкий и глубокий. Она выступила из-за камней, как королева, окруженная преданными стражами. Невысокая, темноволосая, в пепельно-серых одеждах, словно сотканная из тумана. От каждого ее движения легкая накидка сверкала в лучах рассветного солнца. Сначала мне показалось, что она была расшита бриллиантами и жемчугом, но, приглядевшись, я поняла, что это просто капли росы.

– Госпожа моя королева, – поклонился Амброзиус. – Мы хотели засвидетельствовать тебе свое почтение.

– Уж мне-то не лги, – зеленые глаза незнакомки жестко сверкнули. – Я знаю, зачем ты явился. Твое зелье, леденящее кровь, не подействует без последнего ингредиента. Тебе нужно перо птицы, которая в середине зимы строит гнездо в морской пене, которая своим пением может утишить волны и не боится прогнать от гнезда дракона. Перо птицы, которое можно достать только здесь, на Яблонево́м острове.

Мягко засмеявшись, королева сидов подошла ближе, отводя ветки рукой. На голых изыбших прутьях тут же завязались почки, брызнули белые цветы. По поляне разлился аромат весеннего сада, повеяло теплом, зазвенели переливчатые птичьи рулады. Будто синяя молния мелькнула среди кустов – и на ветку уселась крохотная верткая птичка. Оперение ее отливало синим металлическим блеском, словно рыцарские доспехи, а грудка имела рыжеватый оттенок. По легенде, этот след на груди остался от встречи с драконом, опалившим храбрую пичугу своим огнем. Это был зимородок.

Амброзиус не сводил горящего взгляда с зимородка, а королева тем временем изучающе смотрела на него, склонив голову:

– Вообще-то довольно самонадеянно с твоей стороны явиться на остров после того, как ты унес одно из его сокровищ, – продолжала она. В голосе зазвучали нотки гнева, но глаза искрились смехом. Судя по всему, ей было весело подначивать смущенного волшебника. Тот снова искоса взглянул на Элейн, будто заранее прося у нее прощения. Королева явно развлекалась.

– Все, что я когда-то унес с Летнего острова, было потом возвращено.

– Однако в этом нет твоей заслуги. Правильнее сказать, твоя пропажа вернулась сама и была на тебя очень зла.

Из тумана слышались смешки. За спиной королевы, прячась за камнями, колыхались смутные тени. Мне мерещились рогатые головы, чьи-то руки, растрепанные волосы с вплетенными в них цветами. Любопытный волшебный народец сбился в стайку, чтобы поглазеть на пришельцев. Я изо всех сил старалась не глазеть в их сторону, но глаза мне не подчинялись, а сердце, казалось, готово было выскочить из груди. Была ли она среди них? Видела ли меня? Почему она оставила меня так надолго? Или все мои надежды – лишь нелепая фантазия, родившаяся из красивой сказки и парочки ночных кошмаров?

– Если Нимуэ все еще в обиде на меня, пусть скажет об этом сама, – с достоинством возразил Амброзиус.

Королева отмахнулась – подумаешь, мелочь.

– Оставим это. Лучше расскажи нам, волшебник, что делается в большом мире, пока мы здесь прядем лунный свет и воюем с летучими мышами! – теперь в ее голосе мне почудилась бессильная горечь.

Словно по волшебству, из земли вылезли невысокие округлые камни, на которые можно было присесть. Я думала, что они окажутся ледяными (из-под снега-то!), но от них исходило мягкое тепло, словно после летнего дня. Из-за стоячих камней-великанов выплыл лоскут тумана и опустился перед нами прямо на снег. На этой импровизированной скатерти появилась посуда, достойная королевского стола. Чаша с блеснувшими на солнце рубинами, полная орехов. Спелые яблоки на золоченом блюде. Узорчатые кубки с красным вином.

– Угощайтесь, – милостиво кивнула королева, показав мне на вазу с орехами. Как она догадалась, что орехи я люблю больше всего на свете?!

Я отрицательно замотала головой, помня свои прежние ошибки с Лайбстером. Элейн последовала моему примеру.

– А зря, – в жестких глазах снова блеснул изумрудный свет. – Орехи вам были бы кстати.

– В большом мире все как обычно, – поспешно заговорил Амброзиус, пока ее фейское величество не разгневалось. – Мы торгуем, строим, растим детей и воюем с соседями. Увы, в мире нет мира...

Королева усмехнулась:

– Почему-то людей из-за Узкого моря постоянно тянуло к нашим холмам.

Кажется, она не горела желанием оказать помощь нашему волшебнику, поэтому я решила вмешаться:

– В этот раз сацилийцы могут и преуспеть, если смогут заполучить собственного дракона! Амброзиус делает все, чтобы им помешать! Вы должны помочь Кеннету!

– Что за вздор, – пожала плечами прекрасная фея. – Нельзя «получить» дракона, девочка. Его можно только вырастить. В себе. Причем на это потребуются не одна сотня лет.

«Ну, не знаю. У Фонтероев вон получилось так хорошо и сразу, что проблема теперь только в том, чтобы загнать этого дракона обратно в подсознание!»

Королева недовольно взглянула на меня, и вдруг глаза ее расширились. Я заметила, как блеснули драгоценности на ее груди, словно она пыталась сдержать прерывистый вздох. До этого момента мы с молчаливой Элейн едва удостоились ее беглого взгляда.

– Хотя ладно, – улыбнулась она. – Ты меня убедила. Подойди же и возьми его, малышка.

На ее ладони лежало синее птичье перышко – яркое, как мазок краски. Я поспешила подойти, пока она не передумала. Ладонь королевы была совсем человеческой, живой и теплой. Я опасливо к ней прикоснулась, боясь, что переменчивая волшебница вдруг превратится в птицу и умчится прочь. Или в рой бабочек, или в клочок тумана... От такой всего можно ожидать. Вместо этого сида крепко вцепилась мне в руку. Она улыбалась, но в разрезе ее красивых глаз, в очертаниях губ виделось что-то чуждое, хищное и опасное.

– В канун Йоля никто не уходит от нас без подарка. Но это перо – плохой подарок для тебя, дитя. Попроси что-нибудь другое.

Мне несложно было определиться с желанием. Заветный вопрос готов был сорваться с моих губ, но я не успела и слова сказать. Отпустив мою руку, королева вдруг рассмеялась, словно горсть драгоценных бусин рассыпала по холму:

– О, я вижу, кто занимает твои мысли! Это существо, которое прячется под именем Лайбстер, которое прибыло к нам с недобрыми намерениями... Он не тот, кого вы ищете. Я знаю его. Один из его гейсов – не переступать порог чужого дома.

Когда-то я слышала, что сиды не лгут, но могут так исказить правду, что она делается хуже лжи. Однако сейчас, вспомнив о поведении Лайбстера, я сразу поверила королеве. Лайбстер никогда не пытался проникнуть в дом к Фонтерою. Даже когда я была нужна ему, он караулил меня на прогулке, на улице, в парке, но ни разу не явился к нам домой.

Значит вор – не он.

Это также значило, что я потратила кучу времени на погоню не за тем человеком. Еще и ребят с толку сбила. Боже мой, я худшая сыщица во всем Эшентауне! Я просто никто!

Королева продолжала сверлить меня испытующим взглядом. Глаза ее превратились в холодные камешки – совсем как у мадам Теллер, подумалось мне внезапно.

– Твое сожаление мне непонятно, – произнесла она задумчиво. – Что значат несколько жалких потерянных дней? Но если ты так ценишь время, тогда у меня есть для тебя подарок.

Она протянула мне камень – небольшой, величиной с куриное яйцо, красный, чешуйчатый. Очень знакомый. Я вся похолодела, не решаясь его коснуться.

– Если когда-нибудь будешь очень спешить, брось его перед собой, и ты успеешь вовремя. Но помни, что за каждое чародейство приходится платить!

Поблагодарив и неловко поклонившись, я уселась обратно на каменное сиденье. Перо сразу отдала Амброзиусу, а чешуйчатое «яйцо» положила в кошелек, где оно холодило мне бок. На ощупь камень был как кусок льда. Я не знала, решусь ли когда-нибудь воспользоваться им. Я вообще ничего не понимала. Тем временем волшебник и Мейвел продолжали неспешную беседу, а Элейн помалкивала, сочувственно сжимая мне руку под плащом.

Когда солнце поднялось выше, укоротив синие тени, мы поняли, что пора возвращаться. Гонимый солнцем, туман отступал с вершины. Волшебные спутники королевы, так и не решившись показаться открыто, спрятались вместе с ним. Серая тропа под нашими ногами сбегала вниз по склону, похожая на змею.

– Надеюсь, мы не прощаемся, – напоследок улыбнулась королева. Солнце высушило бриллианты на ее накидке, заодно выявив на лице следы усталости и печали. Теперь она казалась не такой величавой и более близкой, понятной, почти домашней.

Мне не хотелось ее покидать. Как замороженная, я следила за синим подолом плаща Элейн, почти скрывшимся в тумане. Потом неохотно двинулась следом.

– Не спеши, маленькая сида. Зачем тебе возвращаться? – вкрадчиво прозвучало мне в спину.

Я замерла на половине шага. Разве не этого я ждала с самого начала, как только моя нога ступила на землю волшебного острова? С того часа, когда я услышала историю Эдварда Уэсли, великого полководца и возлюбленного сиды? С той ночи, когда сон привел меня в замок Белого Вепря? Мое место здесь! В Эшентауне я была жалкой неудачницей, над которой все потешались. Здесь я смогу начать все заново, научиться чему-то новому, отыскать среди волшебного народа моих родителей... Сердце возбужденно забило. Хотелось крикнуть: «Да! Я согласна!»

Резкий толчок между лопаток привел меня в чувство.

– Ступайте вперед и не оглядывайтесь! – прошипел Амброзиус. – Прямо по следу, видите?

Соль, рассыпанная им по тропе, вспыхнула белым призрачным светом. Ее было хорошо видно, несмотря на то что туман стремительно сгущался вокруг нас. Волшебник, обернувшись, раскинул руки, будто защищая нас с Элейн.

– Ты не можешь оставить ее здесь! У тебя нет над ней власти!

Ответом ему был чарующий смех королевы. Слово вторя ему, где-то в стороне послышался тоскливый собачий вой. Со всех сторон в тумане замелькали черные тени, похожие на крылья летучих мышей. Воздух наполнился шорохом, писком, невнятным бормотанием. Элейн испуганно схватила меня за руку, и мы побежали.

Глава 20

Бежать было тяжело. Туман хватал за плащи, над извилистой тропой низко нависали корявые сучья, на которых болтались клочья серого мха, похожие на лохмотья висельников. Отовсюду раздавались то странные шорохи, то злорадный хохот; за деревьями мелькали чьи-то злобные рыла. Словно Дивный мир, только что радушно нас приветчавший, вдруг вместо улыбки явил свой жуткий оскал. По счастью, пылающий соляной след, оставленный предусмотрительным волшебником, был хорошо виден. Туман протягивал к нему хищные щупальца, но сейчас же отдергивал их, будто обжегшись. Тропа корчилась под этим следом, выворачиваясь у нас из-под ног, так что мы с Элейн то и дело спотыкались, падали, но снова бежали, подгоняемые страхом. Шагов Амброзиуса не было слышно.

На вершине холма деревья, иссеченные ветром, росли редко. Когда лес пошел гуще, я поняла, что мы спустились почти к самому подножию. Тропа здесь рассыпалась на несколько стежек, а потом и вовсе исчезла. Мы метнулись в одну сторону – запутались в густом подлеске, метнулись в другую – и замерли: там под чьим-то натиском трещали и ломались кусты. Судя по звукам, к нам ломился матерый кабан. Вдруг Элейн тихо ахнула и схватила меня за руку. Впереди, в тумане, неясно обозначились контуры человеческой фигуры.

– Эй! – закричала она. – Пойдите!

Фигура исчезла. Вместо человека нам навстречу из леса выметнулся пес – лохматый, черный, с оскаленной пастью. Элейн, вскрикнув, упала. Вне себя от страха, я вслепую нашарила камень, метнула его в проклятую тварь:

– Пошел прочь!

– Оставь его, он не посмеет к вам приблизиться, – прозвучал запыхавшийся голос.

Вырвавшись из тумана, к нам подбежал Амброзиус. Как я была рада его видеть! При его появлении черная псина, поджав хвост, тут же канула в сумерки, будто растаяла.

– Гостиница в той стороне. Пойдем, – сказал он. Поднял на руки бесчувственную Элейн и уверенно зашагал в темноту.

Уходя, я не раз оглянулась, однако никто нас не преследовал.

Плутая в лесу, мы потеряли всякое представление о времени. Когда мы спустились, небо над деревушкой уже вызвездило, только на западе еще алела полоса заката. Был вечер того же дня. Хозяин харчевни, привлеченный криками Амброзиуса, без лишних слов отвел нас комнату наверху и приказал служанке нагреть камни в очаге. Эти нехитрые приспособления использовались здесь вместо грелок.

Меня тревожило состояние Элейн. Она была все так же холодна и неподвижна, когда Амброзиус уложил ее на постель поверх покрывала. Если она потеряла сознание от страха, то почему до сих пор не пришла в себя? Некстати вспомнилось вдруг старое поверье: никогда не спрашивай дорогу у черной собаки, ибо если она ответит, то спрашивающий умрет до конца года.

– Она ведь поправится, да? – спрашивала я с лихорадочной надеждой.

Разом постаревшее, застывшее лицо Амброзиуса с суровой складкой у губ не предвещало ничего хорошего. Влажной тканью он обтер лоб Элейн и все время держал ее за руку, слушая пульс. Затем достал из-за пазухи какой-то флакон, жидкость в котором мерцала, переливаясь золотистым цветом. Стоило отвинтить крышку – и по комнате поплыл запах меда, смешанный с ароматом спелых абрикосов. Будто бы за стылým, подернутым изморозью окном внезапно расцвело лето. Амброзиус бережно поднес флакон к губам бесчувственной женщины. Мне послышалось, что он пробормотал при этом: «прости меня».

– Стойте! – перехватила я его руку. Я доверяла волшебнику, но сейчас его поведение казалось подозрительным. – Вы уверены, что это ей не повредит?

Амброзиус ответил не сразу:

– В ее положении это единственный способ сохранить ей жизнь. Королева Мейвел притянула ее душу своим колдовством, и нужна не меньшая сила, чтобы суметь противостоять этому. Увы, прогулки по сопредельным мирам – не для простых смертных. Стекланный остров ранит своими осколками прямо в сердце...

Несколько капель из флакона упали в полураскрытые губы Элейн. Я напряженно ждала. Харчевня внизу жила своей обычной жизнью: было слышно, как люди спорили о ценах, о безопасных дорогах, о мятежниках. Под тростниковой кровлей копошилась какая-то живность. Небо за маленьким окошком сделалось густо-синим, потом почернело. Где-то в морозной дали послышался крик ночной птицы, вылетевшей на охоту. Элейн лежала тихо, не шевелясь, однако лицо ее слегка порозовело, и дыхание стало более ровным.

У меня вырвался шумный вздох облегчения. Искося взглянув на Амброзиуса, я увидела, что он тоже слегка расслабил плечи. Кажется, у нас появилось время для разговоров. Отойдя от постели больной, я грозно надвинулась на волшебника:

– Это вы виноваты! – крикнула шепотом, чтобы не обеспокоить Элейн. – Зачем вы позволили ей поехать с нами, если знали, что для нее это так опасно?! Почему сразу не рассказали, что отправляетесь на Авалон за компонентами для лекарства? Задурили мне голову своими сказками! Думаете, я не понимаю? Вы взяли меня с собой, потому что боялись, что если придете один, то остров вас не пропустит!

Амброзиус понуро сгорбился, опустив глаза.

– Это правда, – ответил он наконец. – Мы с Мейвел никогда не были друзьями, и я боялся, что она захлопнет дверь перед моим носом просто из вредности. Ты – другое дело. По праву рождения ты можешь выбрать наш мир или Ту Сторону, как пожелаешь. Но я не позволил бы сидам забрать тебя. Твои родители этого не хотели. Жизнь на Той Стороне похожа на волшебный сон, который повторяется и повторяется без конца, как бег часовой стрелки по кругу. Одни и те же танцы под луной, одни и те же развлечения. Вечером они загоняют кабана на охоте, а к утру он встает, отряхивается от стрел, и снова готов к новой забаве. Твои родители не хотели для тебя такой судьбы.

Теперь мне и самой было страшно, как легко я готова была отказаться от моей настоящей жизни, променяв ее на призрачное обещание волшебства!

– Зачем я нужна королеве?

– Только восемь раз в году завеса между мирами истончается настолько, что Мейвел с ее слугами может проникнуть к нам, – объяснил Амброзиус. – Самхейн, Йоль, Имболк, Остара... Праздники годового Круга появились не просто так. Все, что происходит в нашем мире, находит отражение на Той Стороне, однако повлиять на события королева не может. Фоморы, умеющие ходить между мирами, ей не служат. Мейвел неустанно ищет слуг, которые помогли бы ей поддерживать связь с нашим миром.

– Драконы! – воскликнула я, вспомнив, что рассказывал Фонтерой. – Драконы тоже могут проникать на Ту Сторону!

– Значит, она будет охотиться за Кеннетом так же усердно, как за тобой.

– Но тогда... – целая куча вопросов роилась у меня на языке, я просто не знала, о чем спросить в первую очередь. – Как объяснить то, что произошло у мадам Теллер? Я могу поклясться, что через нее со мной говорила сама королева сидов!

Выслушав о происшествии с гадалкой, Амброзиус озабоченно поднял на меня усталый выцветший взгляд:

– Мадам Теллер не следует увлекаться магией Daine-Sidhe, – сказал он. – Пусть Мейвел безвылазно сидит на острове, но ее колдовство, как брошенное копье, может проникнуть очень далеко! Она поймает в тенета души этой гадалки так же, как пыталась проделать это с Элейн!

От одного упоминания имени Элейн во мне снова всколыхнулся гнев:

- Почему вы не запретили ей ехать с нами?!

Амброзиус молчал, хмурясь собственным мыслям. Потом, словно решившись, ответил:

- Ты же сама ощутила, насколько сильны чары Мейвел. Если бы она приняла облик Элейн и попросила меня, боюсь, я отдал бы ей и тебя, и Кеннета в придачу. Был только один способ этого избежать – если бы настоящая Элейн в этот момент стояла рядом. Ее чары для меня сильнее, чем искусство любой волшебницы сидов...

Это неожиданное признание, сделанное спокойным тоном, меня смутило. Молчание, повисшее между нами, было почти осязаемым. Внизу продолжали шуметь люди. От горевшей в плоской сальной свечи по комнате шел тяжелый чадный дух. Чтобы избавиться от неловкости, я поспешила переключиться мыслями на Лайбстера, насчет которого мне еще предстояло объясниться с начальством, о его проклятом гейсе... Вспомнив по аналогии о гейсах нашего волшебника, я едва не подскочила на табуретке:

- Господин Амброзиус! Ведь харчевня называется «Пещера Мерлина»! Пещера, понимаете? Вам точно не повредит, если мы здесь заночуем?

- Теперь это уже не имеет значения, – со спокойным безразличием ответил волшебник.

- Как это не имеет?! – не сразу поняла я.

Вдруг мне отчетливо вспомнилось, что произошло на холме. Как королева напоследок позвала меня. И как Амброзиус ответил ей – вместо меня.

Вот из-за чего он выглядел таким... погасшим. Я думала, что он просто устал и волнуется из-за Элейн. А он все это время пытался смириться с необратимой потерей.

- Вы уже нарушили один из гейсов, – прошептала я. – «Не откликаться, когда зовут не тебя».

Волшебник кивнул, овладев собой:

- Я же говорю – никто не сравнится в коварстве с Мейвел, – произнес он почти с восхищением. – Она знала, на чем меня подловить. Кеннет может быть спокоен, на один эликсир магии у меня хватит. Но это будет последнее волшебство.

Меня охватили противоречивые чувства. Амброзиус был далеко не святой. Он хитрил со мной, манипулировал нами, был недостаточно откровенен с Элейн... однако, чтобы спасти нас, он принес в жертву самое дорогое, что у него было, – свою магическую силу. Какой чародей решился бы на это? Могла ли я его осуждать?

Элейн безмятежно спала, разметавшись поверх покрывала. Амброзиус смотрел на нее так, словно в этой женщине теперь сосредоточился для него центр и смысл его жизни. Мне хотелось оставить их одних. Пробормотав извинения, я вышла из комнаты и отправилась на поиски заплутавшей служанки с горячими камнями.

Все-таки нам не пришлось ночевать в «Пещере Мерлина». К ночи Элейн пришла в себя и пожелала немедленно вернуться в город. Разумеется, о поездке верхом не могло быть и речи. Хозяин помог нам раздобыть какую-никакую повозку, не совсем пригодную для леди, но, как говорится, «нищие не выбирают». Я залезла внутрь вместе с Элейн и задернула занавески от ночного холода. С нами поехал хозяйский мальчишка, который вел в поводу лошадей.

- Чем скорее мы увезем ее от этого холма, тем лучше, – озабоченно говорил Амброзиус, так что мы не стали мешкать и отправились.

Наше возвращение на Гросвен-стрит произвело впечатление даже на непрошибаемого Батлера. Взволновавшись, дворецкий сразу же надел пальто, чтобы отправиться за доктором. Только уговоры Амброзиуса и самой леди Фонтерой убедили его повременить с этой затеей. Качая головой, Батлер встревоженно смотрел, как мы с волшебником отвели (вернее сказать, отнесли) Элейн наверх. Джейн, ее горничная, с причитаниями бегала вокруг.

Распорядившись насчет лекарства (три капли из золотистого флакона на чашку воды,

давать каждые три часа), Амброзиус ушел к себе, а мы с Джейн остались дежурить у постели больной. Я боялась оставить ее даже на полчаса. Волшебное питье помогало, но ненадолго. Несмотря на грелки, которыми Джейн обложила постель со всех сторон, Элейн постоянно просыпалась, жалуясь на холод. Иногда она наоборот впадала в ледяное оцепенение, которое пугало меня еще больше. Тогда я ее будила, уговаривая выпить еще глоток снадобья.

Воздух за окном посерел, когда Элейн наконец забылась вполне нормальным, хоть и беспокойным сном. Джейн, приоткрыв рот, дремала в кресле. Я клевала носом над записками, которые прихватила с собой нарочно, чтобы не заснуть.

Вообще-то я уже отчаялась вытянуть из них что-нибудь полезное. Число букв в третьем письме, как и в первых двух, тоже делилось на восемь, так что это точно была не случайность. Если мои догадки верны, то у меня не было никакой надежды добраться до исходного текста. Я предполагала, что отправитель пользовался чем-то вроде решетки Кардано – прямоугольником с прорезями в нужных местах. Чтобы уяснить истинный смысл зашифрованного письма, буквы в нем следовало записать подряд, без пробелов, потом наложить сверху прямоугольник и прочитать текст в прорезях. Не имея на руках исходной «решетки», понять письмо было невозможно. Вот интересно, зачем вообще отправлять мне сообщения, смысла которых я все равно не смогу понять? Если только... письма предназначались не мне?

И снова, как две недели назад, Амброзиус сидел перед расчищенным столом, на котором стоял флакон – на этот раз густо-синего цвета. На краю стола в сложной системе колб булькал очищающий раствор. В комнате витал бодрящий запах ледников, холодного соленого моря и свежего ветра. Волшебник не спал. Впрочем, никто не спал на Гросвен-стрит в эту ночь. Амброзиусу не было нужды выходить из комнаты, чтобы убедиться в этом. Своим волшебным зрением он видел, что Энни сейчас сидела у постели Элейн, прислушиваясь к дыханию больной и вглядываясь воспаленными глазами в неровные строчки. Пытается разгадать тайну записок, бедняжка. Батлер был у себя, хмуро бродя по комнате взад и вперед. Миссис Бонс чутко дремала в закутке рядом с кухней, и против обыкновения, снилось ей что-то мутное и тяжелое. Амброзиус пожалел, что не может больше влиять на чужие сны. В комнате Агаты горела единственная свеча; девушка угрюмо сидела на разобранной кровати, сцепив руки. Робкий, мечущийся свет рисовал ей глубокие тени вокруг глаз и чертил печальные морщины возле рта. Здесь волшебник тоже ничем не мог помочь, увы.

Наконец, хозяин этого беспокойного дома в настоящее время тихо крался по лестнице на второй этаж. Амброзиус мысленно усмехнулся. Жидкость во флаконе мерцала синими искрами, отражая каминное пламя. Другого света в комнате не было. За спиной волшебника тихо-тихо скрипнула дверь.

– Входи, – позвал он, не оборачиваясь.

Дверь открылась шире, и в кабинет неслышно проник Фонетрой. Вид у него был какой-то легкий и невесомый, словно ветры на воздушных тропах, где он блуждал в драконьем обличье, продули его насквозь. Но лицо воспитанника, хоть и осунулось от усталости, горело беспокойством и энергией:

– Батлер прислал мне известие. Что с Элейн?

– Она поправится, хотя для нее будет лучше уехать отсюда, – успокоил его волшебник и поспешил сменить тему: – Что за манера прокрадываться в собственный дом среди ночи?

Как и следовало ожидать, Кеннет не поддался на эту уловку:

– Ты действительно готов сопровождать ее в Апнор-холл?

Амброзиус помолчал. Пляска огня в камине отбрасывала на стены отблески света.

– Я останусь с ней до тех пор, пока мое общество не будет ей в тягость, – ответил он с тихой решимостью. И заметил, как просветлело лицо Кеннета при этих словах.

– Это хорошо. Меня беспокоило, как она будет там одна. Теперь я уеду в Астилию с легкой душой, тем более с твоим зельем! Спасибо тебе!

Взяв со стола синий флакон, Фонтерой спрятал его за пазуху.

– Ты даже не попрашаешься? – в голосе волшебника прозвучал отчетливый намек. Имя Энни ни разу не прозвучало в их разговоре. Оба они так старательно избегали его произносить, что казалось, его отзвуки неслышно дрожали в темных углах комнаты. Кеннет, махнув рукой, прошелся из угла в угол. В каждом его движении кипела нервная энергия. Потом, повернувшись на пятках, встал перед волшебником лицом к лицу:

– Так легче для всех, поверь мне! Ее делами займется мистер Тревор. Если наши с ним предположения подтвердятся, она скоро станет состоятельной женщиной. Я надеюсь, что она будет счастлива. И что судьба ее сложится лучше, чем у нас с Клариссой.

Амброзиус упорно смотрел в камин, где язычки пламени, догорая, лизали почерневшую головню.

– Разумеется. Но я тебя не понимаю. Ты ее любишь?

– Всей душой, – просто ответил Кеннет. И открыто, искренне улыбнулся.

Тут Амброзиус впервые за много недель ощутил, что может наконец-то спокойно вздохнуть:

– Так это же прекрасно! – выдохнул он. – О, слава всему сущему! Я рад за вас обоих, мальчик мой! Скорее верни мне это дурацкое зелье и иди к ней!

– Нет-нет, ты что! – Фонтерой схватился за флакон, словно боясь, что волшебник его отнимет. Он смотрел на своего учителя и друга прямым, твердым взглядом, а тот напрягал все понимание, пытаясь разрешить этот нравственный парадокс.

– Позволь уточнить, – поднял руку волшебник, до крайности озадаченный. – Ты любишь девушку, и у меня есть основания предположить, что взаимно. Тем не менее, ты уезжаешь, не попрощавшись, а по возвращении собираешься жениться на другой?! Я ничего не упустил?

– Все верно. – Глаза Кеннета, вспыхнув золотом, погасли, и на лице проступила усталость.

– Тогда, клянусь клыками хитрости, я не могу этого понять! Такое впечатление, что ты просто наказываешь себя за прошлую жизнь, за какие-то старые грехи!

– Безусловно, меня есть в чем упрекнуть! – невесело рассмеялся граф. – Аж зло берет, как вспомню, сколько времени я потратил зря, пытаюсь удовлетворить свою гордыню! Сколько сил положил на то, чтобы заслужить одобрение людей, которые вовсе того не стоили! Вместо того, чтобы заняться чем-то полезным, я недели напролет просиживал за картами, торчал у портных... Какие сапоги, какие жилеты я тогда носил! Господи, за один такой жилет полагается лишняя сотня лет в чистилище. Но эти «старые грехи», как ты их назвал, я надеюсь искупить нынешней работой, в том числе в Астилии. Энни здесь не при чем.

– А в чем тогда дело? Чего ты боишься?

Фонтерой снова заходил из угла в угол. Однако, овладев собой, он заговорил почти спокойно:

– Я не доверяю пророчествам! Вдруг что-то пойдет не так, и Энни окажется привязанной к чудовищу! Или, еще хуже, к человеку с куском льда вместо сердца... Нет, Амброзиус, этого не будет. Знаешь, мы ведь с ней встречались прошлой ночью в библиотеке.

«А то я не знал!» – мысленно воскликнул волшебник.

– Я на целую минуту позволил себе поверить в ее любовь. Это самое большое чудо, которое можно подарить человеку. Энни достойна не меньшего. Жаль только, что я не могу сделать ей такой подарок.

Амброзиус еще трепыхался в попытках переубедить воспитанника, хотя уже понимал, что это бесполезно:

– Значит, ты отказываешься от нее, пытаешься уберечь. Ладно. А леди Эмберли тебе не жаль?

Кеннет бросил на него быстрый горящий взгляд:

– Если у Клариссы когда-то и было чувство ко мне, его давно заглушила гордыня. Выпив твоё зелье, я стану идеальным мужем в её глазах: богатым, безразличным, с положением и связями, способным обеспечить ей привилегии, к которым она так стремится. Думаю, любовь между супругами её не интересует. Кларисса посчитала бы её пустой блажью или, не дай бог, проявлением дурного вкуса!

Усмехнувшись, он продолжил:

– Конечно, с моим несчастьем лучше было бы не жениться вовсе, но я последний в роду, и мне нужен наследник. Наш брак с леди Эмберли – всего лишь честная сделка... Амброзиус? – Кеннет, вскинув бровь, замер на полуслове. – Что ты делаешь?

– Считаю до десяти, – сквозь зубы процедил волшебник. – Нет, до десяти мало – до двадцати.

– Это нужно, чтобы засечь время для перегонки? – спросил граф, кивнув на дымившую на столе реторту, про которую Амброзиус, честно говоря, позабыл. – Я тебе, наверное, помешал? Извини.

– Нет! – рявкнул волшебник. – Это нужно мне, чтобы успокоиться!

Кеннет осторожно сместился к двери:

– Я, пожалуй, пойду. Спасибо тебе за лекарство. И за совет, хоть я и не могу ему последовать. Удачи вам с Элейн в пути.

Амброзиус оглянуться не успел, как остался в кабинете один. Похоже, его бывший воспитанник многому научился у своего дракона, в том числе умению мгновенно растворяться в пространстве. Жаль только, что в некоторых вопросах он остался таким же непроходимым глупцом, как и десять лет назад! Волшебник злобно пнул тяжелый табурет, схватился за ногу и зашипел, как рассерженный кот:

– Боже, пошли мне терпения! Он, видите ли, на целую минуту поверил в любовь! О, бестолковый благородный баран! Лучше бы в ту ночь, когда пропал амулет, он сам выскочил из окна, причем головой вниз! Глядишь, через трещину в черепе засосало бы немного ума из Вселенной!

Глава 21

– Энни... Энни!

– А?!

Голос Элейн пробился сквозь муть сновидений, заставив меня поднять голову. Оказалось, что я заснула прямо за столиком в ее спальне. Руки у меня затекли от неудобного положения, записки, лежавшие под щекой, слегка помялись. Я поспешно сгребла их в тощую картонную папку. В комнате было светло. Элейн сидела на постели, недоуменно озираясь по сторонам с видом человека, очнувшегося после хорошей вечеринки и слабо соображающего, кто он и где. Я протянула ей стакан воды, не забыв капнуть туда зелья из волшебного флакона:

– Как вы себя чувствуете?

– Я в порядке. Кажется... А он? С ним все хорошо?!

Было ясно как день, что она спрашивала не про Кеннета.

– Амброзиус? Вчера он до ночи торчал в своей комнате, разговаривая с пустотой в камине. Надеюсь, это был голос его совести, – буркнула я. Обида на волшебника все еще давала о себе знать.

– Мне нужно пойти к нему!

Элейн откинула одеяло, слабыми ногами пытаюсь нашарить свои туфли. Я подхватила ее, иначе она бы упала. Все-таки она была еще слишком слаба.

– Что вы, лежите! Я сама схожу!

Вдвоем с прибежавшей горничной мы еле-еле уговорили леди Фонтерой остаться в постели. Джейн хлопотала возле хозяйки, а я поплелась навестить Амброзиуса, чтобы потом дать полный отчет Элейн. Сон за столом не пошел мне на пользу: побаливала спина, ныли уставшие ноги. После вчерашних приключений в холмах и последовавшей за тем беспокойной ночи я чувствовала себя, как лягушка, попавшая под плуг.

На галерее, проходившей над холлом, мне навстречу попался Нед, тоже явно не блиставший здоровьем. Его лицо выглядело уставшим и помятым. Кажется, прошлая ночь выдалась тяжелой не только для нас с Элейн.

– Энни, вот ты где! – обрадовался он. – Я искал тебя весь вечер, пока Батлер не сказал, что вы отправились на прогулку. Наш дворецкий очень волновался, когда вы не вернулись к ужину.

– Ох, прости! – из-за вчерашних треволнений я совсем забыла, что мы с ребятами собирались обсудить наши дела. – Как прошла встреча?

Уолтер, нахмурившись, облокотился о перила:

– Есть одна хорошая новость и одна плохая. Хорошая новость: Фокс нашел в Кречи одного человека, который вроде бы напал на след того «рыжего господина». Плохая заключается в том, что теперь у нас есть труп этого человека.

По моей спине пробежал холодок. Часы в холле пробили десять, отбивая удары с каким-то похоронным звуком.

– Как-то это все... скоростижно.

– Не то слово, – серьезно кивнул Нед. – Вчера этот осведомитель должен был подсказать нам, где раскинуть невод, однако на встречу он не явился. Фокс костерил его последними словами, пока ночью мы не наткнулись на труп в районе Дьюк-Инн-Филдс.

Название улицы заставило меня вздрогнуть:

– Точно! – выпалила я, не подумав. – Позавчера я как раз видела нашего «рыжего

джентльмена» в том районе, когда мы с девушками возвращались от мадам Теллер! Вот дьявольщина! Если бы только Селия не помешала мне проследить за ним – !

Судя по резко помрачневшему лицу, напарник не оценил мою инициативу:

– Благодарю бога, что она тебе помешала! Энни, когда ты наконец научишься работать в команде?! Что за манера действовать в одиночку и втихаря?

– Извини, я должна была тебе рассказать, – покаялась я. – Просто вчера столько всего случилось, что эта встреча начисто вылетела у меня из головы!

«Да уж, случилось. Поездка на Авалон, после которой мы еще долго будем приходить в себя. Мое неудачное объяснение с Кеннетом. Если вдруг он сегодня вернется к обеду, я запасусь печеньем и запрусь в комнате. У меня наглости не хватит посмотреть ему в лицо! Лучше помереть от голода, чем от стыда!»

– Нам будет проще, если в ближайшие несколько дней ты воздержишься от визитов, – строго сказал Нед. – Энни, кем бы ни был этот рыжий тип, он чертовски опасен! Безжалостен, как акула, и лихо управляется с ножом. Я видел... – тут он запнулся, – тело.

Я горячо пообещала, что шагу не сделаю за порог. Все равно мне нужно было присмотреть за Элейн, пока она не поправится. Вспомнив о поручении леди Фонтерой, я заторопилась в кабинет волшебника.

К моему удивлению, Амброзиуса на месте не оказалось. В комнате царили такая тишина и покой, каких здесь давно уже не наблюдалось. Когда Амброзиус работал, у него вечно что-то взрывалось, шипело и таинственно булькало, а воздух гудел от магических испарений. Сейчас здесь царила необычная звонкая тишина. В тусклом солнечном луче танцевали пылинки. Штора, висевшая справа от окна, подозрительно оттопыривалась.

Бесшумно отступив к очагу, я протянула руку за тяжелыми каминными щипцами. Сразу бросилось в глаза, что их рукоятки были искорежены, будто кто-то с немыслимой силой согнул их, а потом попытался распрямить обратно. Это какую же силу надо иметь... Что за чудовищ разводил здесь Амброзиус? И куда делся он сам? Сожрали?!

Перехватив щипцы, я угрожающе направилась к шторе. Оттуда послышался слабый вскрик:

– Не надо! Это я!

– Агата?!

Девушка так отчаянно пыталась выбраться из укрытия, что, наоборот, запуталась в портюре. Растрепанная, со съехавшей набок наколкой, она выглядела довольно комично.

– Что ты тут делаешь?

– Миссис Бонс хотела попросить у господина Амброзиуса порошки от зубной боли. Я пришла, а его нету. Я думала, он не рассердится, если я поищу... Я думала...

«Врет, – молнией промелькнуло у меня в мозгу. – Миссис Бонс боялась волшебника, как самого дьявола. Она бы пальцем не притронулась к его снадобьям. Скорее всего, это Батлер послал Агату разведать, чем тут занимается Амброзиус. Похоже, после вчерашнего происшествия он доверяет ему еще меньше, чем я».

– И как, нашла?

– Ничего нет, – растерянно ответила Агата. – Никаких лекарств. Все так чисто прибрано, будто...

«Как будто волшебник решил незаметно нас покинуть. Господи помилуй, надеюсь, у него хватит совести не бросать больную Элейн на произвол судьбы!»

Резко развернувшись, так что подол хлестнул меня по ногам, я бросилась обратно.

Однако мое опасение было напрасным. Еще не добежав до комнат леди Фонтерой, я услышала голоса и поняла, что Амброзиус был там. Он меня опередил.

Они с Элейн сидели у окна, взявшись за руки. На ней был кокетливый кружевной пеньюар и чепец, из-под которого выбивались кудрявые черные локоны. Элейн что-то оживленно рассказывала, смеясь, и казалась до невозможности юной. Лица ее мне не было видно. Зато в глазах у волшебника я заметила странное выражение – нежное и решительное одновременно.

В глубине комнаты Джейн укладывала в дорожный несессер щетки и флаконы с туалетного столика. Двое у окна, увлеченные беседой, не повернули к ней головы, даже когда она прошла в двух шагах. Мое вторжение тоже осталось незамеченным. Одна только Джейн, оглянувшись, озабоченно покачала головой и наклонилась, чтобы вытащить из-под кровати большой сундук для одежды.

Внезапно я поняла, что Амброзиус был одет по-дорожному. Он действительно собирался уехать, только не один. Меня они оба так и не заметили. Постояв еще немного, я тихонько ушла к себе, пытаясь смириться с ощущением горькой потери.

После завтрака дом опустел, как брошенная раковина. От Батлера я узнала, что лорд Фонтерой все-таки уехал в Астилию. Уехал – и даже не попрощался. Потом нас покинули Элейн и Амброзиус. Батлер с Агатой общими усилиями стащили по лестнице тяжеленный дорожный сундук. Почтовые лошади фыркали, нервно переступая у ворот, пока Джейн бегала наверх за какими-то забытыми второпях мелочами. Наконец, карета укатила, оставив на дороге троих провожающих: меня, Агату и миссис Бонс. Сентиментальная повариха даже смахнула слезу.

Я, конечно, не плакала, но у меня тоже кошки скребли на душе. Бесцельно бродя по дому, я разглядывала пустые комнаты, казавшиеся теперь угрюмыми, темными и неприветливыми. Словно вместе с Элейн из дома исчезли уют и теплота. Только в спальне еще сохранился отпечаток ее живой, энергичной натуры. На столике осталась чашка с недопитым кофе. В гардеробной висели ряды платьев: темно-синие, в котором она была на приеме, серебристое – для театра, темно-красное... От муслина, атласа, шелка и жоржета исходил еле уловимый аромат мяты и магнолии. Сидя здесь, легко было представить, что хозяйка этих изящных туалетов просто ненадолго отлучилась. Элейн предпочитала густые, насыщенные цвета и струящиеся силуэты, которые очень подходили к ее пышной яркой красоте. Проводя пальцем по ободку чашки, я вспоминала день ее приезда: веселую суету, ворох сундуков, загромоздивших половину холла, оживленный смех, доносившийся из приоткрытой двери в гостиную. В то время я ее не знала и заранее опасалась. Как же я ошибалась! Сегодня Элейн уехала налегке, не взяв с собой почти ничего, кроме верной Джейн. На миг я остро пожалела, что не могла уехать вместе с ними.

Спустившись в холл, я обнаружила там мистера Батлера. У него, очевидно, был свой способ справляться с печалью. Вооружившись скипидаром, пчелиным воском и куском чистого полотна, он наводил последний лоск на дубовые перила.

– Эту лестницу прадед лорда Кеннета спроектировал сам в то время, когда строился дом. Сразу после Великого пожара, – сказал дворецкий, не отрываясь от своего занятия. – Вы могли видеть его портрет в спальне леди Фонтерой. Или в библиотеке.

«А гобелен, висающий в библиотеке, наверняка соткала прапрабабка Кеннета, сидя в башенном покое своего замка, чтобы скоротать время между набегами», – подумала я. Со всех сторон меня окружали деяния предков лорда Фонтероя, далеких и не очень. Особняк на Гросвен-стрит был настоящим семейным гнездом, здесь берегли старинные вещи, которые образовали как бы связующую нить, протянутую сквозь века.

В отличие от них, у меня ничего подобного не было. Я вдруг осознала себя какой-то былинкой, прибывшая к кряжистому дубу, корни которого уходили далеко в прошлое. Даже не былинкой, а сорняком, учитывая мою неказистую биографию. Перекати-поле. Если мистер Батлер хотел намекнуть на неуместность моего пребывания здесь, он не мог бы придумать лучшего способа. Теперь, после отъезда Кеннета и Элейн, мне не имело смысла оставаться. Я приготовилась сообщить, что сегодня же избавлю их от своего присутствия, однако Батлер меня опередил:

- Перед отъездом лорд Кеннет особенно настаивал, чтобы вы задержались у нас хотя бы до возвращения мистера Тревора, если вам не сложно. Мистер Тревор должен вернуться на днях.

Вероятно, за годы работы с таким сложным хозяином, как лорд Фонтерой, Батлер развил в себе способность читать мысли.

- Также я хотел сообщить, что для вас пришло письмо от мисс Виверхэм.

Письмо действительно лежало на свеженачищенном подносе. Поблагодарив, я взяла его и ушла к себе. К сожалению, Селина не писала ничего утешительного. Меллинг упорно продолжал избегать ее общества, даже носа не показывая на Квендич-сквер. Несчастная девушка взяла на себя смелость отправить ему записку, но в ответ получила только жалостное послание с сетаованиями на злую судьбу и обещаниями встретиться в другой, лучшей жизни. Отец Меллинга еще не приехал, его ждали со дня на день. Последние строчки, написанные Селиной, я почти не могла разобрать, настолько они расплылись от слез.

Отложив в сторонку этот воплощенный в бумаге крик отчаяния, я почувствовала раздражение. Жизнь и без того слишком грустна, чтобы изводить себя надуманными проблемами! У этих бестолковых щенков было все, что нужно для счастья, но нет! Один нагородил в своем воображении каких-то немислимых препятствий, а другая сидит и страдает вместо того, чтобы хорошенько встряхнуть любимого за шиворот и указать ему, в чем суть его заблуждений.

Досада на Селину с Меллингом заставила меня взбодриться, отложив унылое настроение до более подходящего момента. Обдумав ситуацию, я принялась собираться. Когда я снова спустилась в холл, Батлер уже покончил с перилами и теперь занимался старинными часами. Полированный темный дуб и начищенная медь просто сияли. Не оборачиваясь, он произнес:

- Я взял на себя смелость нанять для вас кэб, мадам. Он ждет у ворот. Сегодня в городе достаточно спокойно.

- Спасибо! - с чувством ответила я. - Дорогой Батлер, вы просто волшебник!

Таким образом, приблизительно через час я, кипя от гнева, дергала за звонок возле двери, за которой жил мистер Меллинг. Мне не хотелось облегчать жизнь эшентаунским сплетникам, поэтому вместо обычной накидки я надела просторный бурнус и шляпу с вуалью.

На лакея, неохотно приоткрывшего дверь, я не обратила никакого внимания. Он бубнил что-то вроде «господин не принимает», но я, не дослушав, вихрем влетела в гостиную. Здесь было темно, не топлено и неуютно. В холодном полумраке не сразу можно было различить фигуру мистера Меллинга. Наш поэт сидел за контрокой в углу, зябко кутаясь в толстый ватный халат, и тарачил на меня глаза, как филин в ночи. Выглядел он нездоровым и бледным, горло до самого подбородка было замотано шарфом. Я глупо застыла посреди комнаты, чувствуя себя как рыцарь, который приготовился сражаться с драконом, а навстречу ему из пещеры выполз тщедушный котенок. Черт бы побрал этого стихоплета! Похоже, он всего лишь подхватил лихорадку и в приступе меланхолии настроил Селине прощальное письмо, а она, дурочка, вообразила себе невесть что!

- Мисс Энни? - растерянно проговорил Меллинг, не двигаясь с места. - Я... я не ждал, не рассчитывал...

- Ох, извините! - окончательно смутилась я. - Просто на Квендич-сквер очень беспокоились о вас, вот я и решила вас навестить.

От этих слов на скулах Меллинга заалели яркие пятна. Я же, осмотревшись, успела отметить некоторые детали. В пустом камине явно давно не разводили огонь, хозяин квартиры мялся, как грешник в аду, а его лакей, хоть и держался безупречно на первый взгляд, пренебрежительно задирает нос. Это говорило о многом. В этом доме пахло нуждой и безденежьем.

- Как у вас холодно! - передернула я плечами, снимая перчатки. Пока поэт суетился

возле конторки, собирая рассыпавшиеся листы, я незаметно поманила лакея в коридор и отправила его за углем, велев еще купить еды в трактире.

Стоило развести огонь, как комната сразу повеселела. Меллинг, усаженный в кресло у камина и получивший чашку горячего чая, тоже приободрился. По крайней мере, горячки у него не было. Невзначай коснувшись его руки, я с удивлением отметила, что она холодна как лед. Однако с расспросами пришлось поверменить. Лакей принес запоздалый завтрак, и какое-то время Меллинг был целиком поглощен яичницей, выныривая на поверхность лишь для того, чтобы попросить еще чашку чая.

– Итак, что же с вами случилось? – спросила я, грея руки о чашку.

Поэт застенчиво улыбнулся:

– Поверьте, мисс Энни, мои проблемы не стоят вашего драгоценного внимания. Лучше я прочту вам последний сонет...

Порывисто вскочив, он снова принялся рыться в куче бумажного хлама, валявшегося на конторке, на стуле и даже на каминной полке. Нужно было срочно спасти положение, пока моего собеседника вновь не унесло по реке вдохновения:

– Ваши обстоятельства заботят нас с мисс Виверхэм гораздо больше, чем вы думаете. Вы еще помните мисс Виверхэм? Или ее поэтический образ, так сказать, заслонил для вас реального человека?

– Забыть мисс Селину! – драматически воскликнул Меллинг, возведя глаза к потолку. – О, если бы я мог! Увы, звезда моя еле мерцает во мраке! Судьба ко мне столь враждебна, что может обрушиться и на этого ангела, поэтому мне придется смириться и терпеть разлуку...

Мое терпение было уже на исходе:

– Дорогой сэръ, я тащила сюда целый час в проклятом тумане! Мой кэб собрал все фонари по дороге и едва не утонул в Тессе, так что я не очень расположена сейчас слушать патетические стихи! Объясните простыми словами, что стряслось?

Изъясняться простыми словами Меллинг не умел. С трудом продравшись сквозь нагромождение эпитетов и красочных метафор, я уяснила, что он оказался в сложном финансовом положении, однако «благодаря помощи одного господина» надеется избежать долговой ямы.

– Этот господин случайно не мистер Скруп с Дорсет-стрит? – прозорливо спросила я. – Он взял с вас расписку?

Я заподозрила что-то подобное еще в тот момент, когда Селина рассказала нам об увиденном во время гадания. Нарисованный ею портрет алчного старика удивительно походил на одного мерзкого ростовщика, обитающего в районе Белой часовни.

От моего простого вопроса Меллинг взмошел, как на дрожжах, так что мне стоило немалого труда его успокоить. По его мнению, леди вообще не должна была знать таких слов, как «расписка» и «ростовщик». Слово за слово, я вытянула из него всю историю. Она оказалась довольно банальной. Попав в столицу из тихих университетских лекториев, Меллинг сблизился с компанией блестящих молодых щеголей. Первым делом он радикально обновил гардероб, чтобы новые приятели, не дай бог, не посчитали его отсталым провинциалом. На одно только это ушли немалые деньги. Затем он пару раз проигрался в карты и довершил катастрофу феерическим проигрышем на скачках в Ньюфилде. Признаться в растратах отцу он не мог – скупого старика хватил бы удар прямо на каминном коврике. Кто-то из новых «друзей» присоветовал ему занять нужную сумму у ростовщика, и по несчастливой случайности Меллинг нарвался на мистера Скрупа. Мы все в Кречи были наслышаны о нем. Даже другие ростовщики отзывались о нем с негодованием и старались открывать свои конторы подальше от Дорсет-стрит, чтобы их случайно не перепутали.

– Сначала он одолжил мне сто фунтов... или сто пятьдесят? – бормотал Меллинг, заблудившись в дебрях воспоминаний. – Я их вернул, мне в тот раз повезло в картах. Однако Скруп заявил, что я просрочил с оплатой, так что должен еще уплатить

проценты, и расписку мне не отдал. Мы с ним даже поскандалили. Я сгоряча объявил, что ноги моей больше не будет в его доме!

– Но потом вернулись снова, не так ли?

– Сразу же после скачек. – Поэт тяжело вздохнул и опрокинул в себя бокал ренского, принесенный лакеем. – Проклятая кобыла, на которую я поставил, пришла шестой. До сих пор не могу понять, как такое возможно!

– Так всегда и бывает, поверьте. Так сколько вы ему должны?

– Кажется, двести фунтов. Нет, триста. Проклятые проценты! Проклятые ростовщики! И лошади.

– Так двести или триста? – воскликнула я, потеряв терпение.

Зря я вспылила. Меллинг сразу очнулся, вспомнив, что ведет беседу с юной девицей, чьи нежные уши давно должны были загореться от столь неприглядных подробностей. Он умолк, как захлопнулся, и больше мне ничего не удалось из него вытянуть. Но и сказанного было вполне достаточно.

Мне не понравился затаенный страх, мелькавший в глазах Меллинга, когда он говорил о ростовщике. А особенно насторожило мимоходом оброненное высказывание о том, что мистер Скруп придумал для него другой, более быстрый способ разделаться с долгом, «так что к приезду отца все будет в ажуре». Вот тут мне стало крепко не по себе. Скруп у нас благородством и великодушием отроду не страдал. И если бы ему понадобился сообщник для каких-нибудь темных делишек, то Меллинг, запутавшийся в долгах и до дрожи запуганный отцом, представлял собой идеальную кандидатуру.

Нет, нужно было срочно вызволять нашего поэта из цепких Скруповых лап, хотя бы ради Селины!

К счастью, у меня созрел план.

Глава 22

Признаюсь, на обратном пути меня не раз посещала мысль, а нужен ли вообще Селине такой муж? Но Меллинг так неподдельно раскаивался, с таким искренним отвращением отзывался о картах и своем преступном легкомыслии, с такой грустью вспоминал о потерянной любви, что я растаяла. В конце концов, кто из нас, однажды сглупив, не мечтал получить второй шанс? Кто хоть раз не мечтал о возможности все исправить? Мне очень хотелось им помочь.

Дома я первым делом написала Селине, объяснив ей, как в действительности обстоят дела, и каковы истинные чувства мистера Меллинга. Потом я задумалась о выборе помощника. Ежу понятно, что Нед не одобрил бы моего вмешательства, поэтому я решила обратиться к Оливеру Уайтвуду. Я написала ему тоже, пригласив на следующее утро покататься в коляске в Серпент-парке.

Уайтвуд согласился, и с утра ждал меня у ворот. На козлах сидел грум, так что все приличия были соблюдены. Благодаря Клариссе я стала настоящим экспертом по части приличий! Пусть теперь это никому не нужно, но лорду Фонтерою больше не пришлось бы краснеть из-за меня!

Выслушав мою пылкую речь о том, как столичные соблазны сгубили молодого поэта, Оливер сначала скривился:

– Не могу сказать, что меня переполняет сочувствие к Меллингу. Этот стихоплет кого угодно может довести до мигрени. Недавно мы с ним возвращались откуда-то с края света, и Меллинг принялся читать мне свою проклятую поэму. Клянусь, он занимался этим всю дорогу, до тех пор, пока не стемнело! Я готов был выскочить из экипажа прямо на ходу.

– Да, эти странные существа, поэты, имеют такую прискорбную привычку, – согласилась я. – Но все же это недостаточный повод, чтобы отдать его на растерзание Скрупу!

– Скруп? Ростовщик с Дорсет-стрит? Я кое-что слышал о нем. Говорят, он хуже крокодила. Как Меллинга угораздило связаться с ним?

Я бы объяснила – как, но мне не хотелось, чтобы о делах Меллинга и Селины поползли сплетни среди слуг. Нужно было как-то избавиться от грума. Мы как раз проезжали мимо пустой длинной аллеи, и я предложила Уайтвуду немного пройтись. Грум поехал дальше, чтобы лошади не остыли. Он должен был захватить нас на обратном пути.

В промерзлой аллее, словно в трубе, свистел ветер. Не удивительно, что здесь не было никого из гуляющих! Я поглубже засунула руки в муфту, Уайтвуд поднял воротник пальто.

– Т-так что вы хотели мне рассказать? – спросил он, слегка стуча зубами от холода.

Я в красках живописала печальную участь несчастных влюбленных. Несомненно, отец Меллинга – этот старый скупой мешок с костями – вышвырнет сына из дома, едва узнав о его долге ростовщику. Или, что еще хуже, женит его на богатой злобной бабе.

– Всем известно, что богатые наследницы поголовно обладают злобным нравом! Судьба Меллинга висит на волоске!

Должно быть, трагическое завывание ветра придало убедительности моим словам, так как сердце Уайтвуда дрогнуло:

– Хорошо. Но мы-то чем можем помочь? Триста фунтов! К сожалению, я не располагаю такой суммой.

– Я тоже. Однако у мисс Виверхэм есть двести фунтов, и лучше не спрашивайте, как мы их добыли! (На самом деле Селина, готовая на все ради любимого человека, заложила свое ожерелье). Надеюсь, Скрупу этого будет достаточно. В крайнем случае, обойдется без процентов. Он и так уже ободрал нашего поэта до нитки!

Уайтвуд задумчиво покачал головой:

– Вы, должно быть, плохо знаете ростовщиков... Да скорее Тесса потечет вспять, чем мистер Скруп проявит сочувствие к должнику!

«Это я-то плохо знаю ростовщиков?!» – хотела вскрикнуть я, но сдержалась.

– Разумеется. И здесь нам понадобится ваша помощь. Предложите Скрупу что-нибудь. Какое-нибудь рискованное дело, на котором он мог бы сорвать хороший куш. О, придумала! Вы ведь недавно вернулись из Цинтры? Так предложите ему партию контрабандного зеленого вина.

Мистер Уайтвуд, как и Меллинг незадолго до него, был явно шокирован моими познаниями по части незаконных махинаций.

– Но зачем?! – едва мог он спросить.

– Затем, что после вас к Скрупу явлюсь я! Я знакома с мистером Тревором, а он давно держит этого типа на прицеле. (Чистая правда. По мнению шефа, Скруп был самым зловонным пузырем, когда-либо отравлявшим своим дыханием задворки Дорсет-стрит). Я пригрожу, что если Скруп не вернет Меллингу расписку, то мы с Тревором спустим на него всех собак. Думаю, в нашем положении порция изящного меткого шантажа будет очень кстати. Накануне выгодной сделки Скруп не захочет привлекать к себе внимание магистрата и согласится. Ручаюсь, что он возьмет эти двести фунтов, даже не поморщившись!

– В вашем плане мне не нравится только одно, – подумав, сказал Уайтвуд. – Вы что, хотите лично навестить этого мерзавца? На такое я никогда не соглашусь!

В этом вопросе Оливер был непоколебим. После долгих споров мы сошлись на компромиссном варианте: вместо меня к Скрупу должен был отправиться Нед Уолтер. Тут как раз появился грум с лошадьми, и Оливер помог мне усестись в коляску. Домой я ехала замерзшая до костей, но довольная, пряча улыбку за полями шляпки. Придуманный нами план мне действительно нравился.

Жаль, конечно, что ему не суждено осуществиться, однако Оливеру это знать не обязательно.

И третьим человеком в нашей команде будет отнюдь не Нед Уолтер.

Ближе к вечеру, когда солнце скрылось за темными городскими крышами, я оседлала Шайн и украдкой выскользнула из особняка. Хотелось верить, что мне удастся скрыть эту поездку от зоркого взгляда мистера Батлера, но я не очень-то рассчитывала на это. У нашего дворецкого был чрезвычайно острый нюх на сомнительные дела! Впрочем, лорд Фонтерой сейчас далеко, и даже если Батлер донесет ему на меня, он уже не сможет мне помешать. Да и не захочет, наверное.

Миновав продуваемое всеми ветрами открытое пространство набережной, мы с Шайн пересекли Тессу и кривыми переулками добрались до трактира «Черная кружка», где мой старый приятель Деннис любил проводить свободные часы, хвастаясь своими подвигами.

Перед трактиром, как обычно, топтались нищие, бродяги и всякое отребье. Эти люди были не настолько богаты, чтобы зайти внутрь, поэтому ждали снаружи. Ждали разного. Случайной подачки, пьяного в стельку клиента, которого можно обобрать в соседней подворотне, свежих сплетен, крепкой потасовки, которой можно поплодировать или даже принять в ней участие. Наше с Шайн появление вызвало нехороший ажиотаж среди этой публики.

Только крайне наивный человек оставил бы здесь лошадь без присмотра, поэтому я подозвала мальчишку, выскочившего из задней двери с лоханкой помоев, бросила ему фартинг и попросила позвать Денниса. На мое счастье, приятель появился довольно быстро, пошатываясь и скаля зубы в приветственной улыбке:

– О, смотрите, кто к нам пожаловал! – распахнул он пьяные объятия. – Сама Стрекоза Ночи!

Ни у кого в Кречи я не видела таких белых зубов. Они добавляли Деннисовой

физиономии толику хищности. «Подойдите-ка поближе, – словно говорила его ухмылка, – и кое-кто из вас унесет свои уши домой в шляпе!»

Каким-то образом ему удавалось дать понять это без единого слова, просто прислонившись к столбу под навесом трактира. Трое мрачных типов в лохмотьях, алчно поглядывающих на Шайн, предпочли молча стигнуть в ближайшей подворотне.

– Так зачем ты явилась? – спросил Деннис, когда мы удалились от трактира на условно безопасное расстояние. Я размышляла, где мы могли бы спокойно поговорить, но выходило так, что удобнее всего было просто устроиться посреди улицы. Проще найти прохладную воду в аду, чем спокойный уголок в этом бурлящем котле человеческих жизней!

Здесь район мы называли Грачовником. Люди здесь в прямом смысле жили друг у друга на головах. Каждый дом, от подвала до чердака, давал пристанище целому десятку семей: эринцам, приехавшим на заработки, поденщице с детьми, сапожнику, торговцу птицами... Даже крошечный грязный закуток под лестницей обычно бывал занят каким-нибудь бродягой, у которого в жизни не было ни одной близкой души, кроме облезлой псины.

Я прямо как в детство вернулась. Мы с Деннисом шли по улице, благоухающей сточными канавами, где-то невдалеке раздавались бранчливые и веселые голоса, а одно внезапно распахнувшееся окно изрыгнуло на нас поток такого витиеватого сквернословия, что Деннис даже уважительно присвистнул. Шайн настороженно повела головой. Мне хотелось ладонями закрыть ей уши.

– Значит, ты решила пощипать Скрупа? Дельная мысль! Я давно говорил, что пора прищучить этого негодяя!

Я мысленно похвалила себя за верный расчет: очевидно, Деннис еще не успел набраться до полного отупения, но принял на грудь достаточно, чтобы в его крови заиграл дух авантюризма.

– Поможешь? – спросила я.

– Без проблем. Скруп живет на Дорсет-стрит, снимает полдома у трактирщика Уоттона. Пес у трактирщика нормальный, с ним можно поладить. Просто кошмар, сколько собак развелось нынче в городе, да таких злющих, что некоторые дома приходится покидать в страшной спешке! Скруп обычно принимает посетителей внизу. Наверху в спальне стоит картотечный шкаф, где он хранит свои бумажки, с помощью которых вытягивает деньги из разных простаков. Не шкаф, а чисто золотая жила! Некоторые полжизни готовы отдать, чтобы запустить туда лапу!

«Надеюсь, от меня не потребуется такой жертвы», – подумала я, а вслух сказала:

– Я знаю, где он живет. Завтра после ленча к нему придет один офицер. Думаю, они со Скрупом будут заняты не меньше часа. Мне нужны твои «подружки». И чтобы ты подежурил во дворе, пока я буду наверху.

Деннис замаялся, но я знала, что он согласится. В некоторых вопросах он был ужасно щепетилен. Мы с ним были старыми друзьями, кроме того, однажды я спасла его с друзьями от облавы. В Кречи принято за добро платить добром.

– Лады, – кивнул он наконец. – Слышь, Стрекоза, есть у меня один знакомец, господин Эмрил его звать. У Скрупа лежит одно его письмецо, за которое бедняга Эмрил расплачивается уже два года. Не окажешь ли заодно нам услугу? Я бы сам давно забрался в Скрупово логово, да грамоте не обучен. Может, оно и к лучшему. Судя по Эмрилу, лишняя ученость приносит одни только беды и, того гляди, доведет до виселицы!

По опыту я знала, что услуги, оказанные «заодно», обычно приносят массу хлопот, а ценятся гораздо меньше. С другой стороны, одним письмом больше, одним меньше – какая разница? Я согласилась.

Поскольку мы обо всем договорились, я направила Шайн к реке. Деннис, который этим вечером взял на себя роль паладина и заступника, продолжал идти рядом.

- Провожу тебя немного, чтобы худа не случилось, – сказал он. – Лошадка у тебя уж больно хороша. Эх, Стрекоза, тошно здесь без тебя, хоть волком вой! Может, вернешься, а? Не к добру это, якшаться со всякими джентами. Завлекут тебя ласковыми речами, а нрав-то у них холодный, змеиный...

«Не змеиный – драконий! – хмыкнула я про себя, – и горячий, пуще всякого пламени». Неожиданно вдруг снова захлестнула острая тоска по Кеннету. Без него этот город стал для меня ледяной пустыней. Деннис продолжал настаивать:

- Клянусь, что с того дня, как я встретил тебя у Гарри с тем франтоватым типом, у меня все сердце изболелось!

Состроив печальную мину, этот шут картинно приложил руку к груди. Вот выпендрежник! Я невольно рассмеялась:

- Ты сейчас показываешь на желудок. И, поверь, он почувствует себя гораздо лучше, если ты откажешься от мысли, что можно питаться одним джином!

Возле Товернского моста мы попрощались, условившись встретиться завтра.

Деннис некоторое время стоял, прислушиваясь к размеренному цоканью лошадиных копыт. Над рекой, как всегда, висел туман, и лошадь с всадницей вскоре скрылись в его таинственных глубинах. Город затих, приготовившись к ночи. В городской тишине, в отличие от деревенской, не было и тени умиротворенности, естественного покоя. Скорее она наводила на мысли о возможных неприятностях, притаившихся неподалеку. Это была настороженная тишина, тишина, чреватая сюрпризами. «Она уже на другом берегу. Там безопасно», – думал Деннис, вглядываясь в мерцающие размытые пятна фонарей.

Внизу под ногами угрюмо ворочалась река – черная, скованная мостами, похожая на огромную сонную змею. Река напомнила ему о Скрупе. День-деньской этот ростовщик сидел в своей норе, флегматичный, как удав. Но стоило появиться возле логова неосторожному зверьку – молниеносно набрасывался на жертву.

Кроме того, ростовщик был настолько ядовит, что от его укуса запросто можно было отбросить копыта. Ах черт, что же ему делать?! Деннис задумчиво почесал колтун спутанных курчавых волос на затылке. «Об Энни-то можно не беспокоиться, – вкрадчиво нашептывал притаившийся внутри голосок. – Ей всегда удавалось выйти сухой из воды. А простому парню вроде тебя следовало бы позаботиться о себе».

Потоптавшись на месте еще немного, Деннис махнул рукой и решительно зашагал в сторону продуктового рынка.

Глава 23

На месте трактира Уоттона когда-то находился магазин игрушек мадам Сэлмон, в котором находчивая хозяйка для привлечения публики выставяла также восковые куклы городских знаменитостей. Однако магазинчик не прижился на мрачной Дорсет-стрит и вскоре переехал в другое место, а от коллекции восковых чучел осталась лишь светло-желтая фигура прорицательницы Мамаши Шиптон, стоявшая снаружи. При нажатии на потайной рычаг она давала пинка ничего не подозревающему прохожему. Это действо каждый раз вызывало буйный восторг у завсегдатаев трактира, болтавшихся на улице.

Мы с Деннисом, поджидая Уайтвуда, прогуливались взад-вперед. Я надела самое невзрачное платье, до которого мисс Нидли побрезговала бы дотронуться даже пальцем, и темную твидовую накидку. Просторный капюшон защищал меня от любопытства прохожих и хоть немного приглушал окружающий гомон. Клиенты Уоттона отнюдь не отличались благонравием, к тому же неподалеку находилась бондарная мастерская, где с утра до вечера стучали молотками, набивая обручи. Спустя полчаса ожидания моя голова гудела, как колокол, от уличного шума. Вместе с тем я понимала, что этот шум придется очень кстати, когда настанет время проникнуть в обитель ростовщика.

Наконец в конце улицы показалась стройная фигура офицера. Уайтвуд, по-военному чеканя шаг, направлялся к дому мистера Скрупа. Удачно избежав напутственного пинка Мамаши Шиптон, он шуганул стайку наглых попрошаек, бросившихся врассыпную, и подергал за шнурок железного звонка, висящего на крыльце. С той стороны кто-то проделал ряд сложных манипуляций, в результате которых дверь приоткрылась и тут же снова захлопнулась за офицером.

– Пора! – шепнул мне Деннис.

Мы незаметно просочились во двор. Лохматый пес, принадлежащий трактирщику, успел ухнуть пару раз для острстки, но вовремя признал Денниса и униженно завилял хвостом. Опытный Деннис угостил его порцией куриных потрошков, отчего пес преисполнился благодарности и уполз в убогую конуру, предоставив нам делать во дворе все, что заблагорассудится.

Зайдя с другой стороны дома, мы вдоль стены добрались до окна, ведущего в спальню на втором этаже. Деннис послушно подставил мне свои плечи. Цепляясь за выступы в стене, я вскарабкалась наверх, прихватив сумку со снаряжением. Карниз был узким, не развернуться. Деннис мутным пятном маячил где-то внизу. По счастью, уже достаточно стемнело, да и окно выходило во двор, а не на улицу, так что наши действия не привлекли ничьего внимания.

Разумеется, окно было заперто изнутри на защелку. Мне еще повезло, что ставни были открыты, иначе пришлось бы провозиться до ночи. Двигаясь медленно и расчетливо, как кот в засаде, я извлекла из Деннисовой сумки алмазный циркуль и прочертила им круг на стекле. В котомке лежала масса полезных инструментов самого разного назначения. Каждый из них был упакован в отдельный чехольчик, чтобы не дай бог ничего не звякнуло в самый неподходящий момент. Иногда жизнь вора зависит от вещей мелочи! Не удивительно, что Деннис называл эти железные штучки «мои красотки» и обходился с ними куда бережнее, чем со своими девицами.

Стеклянный круг упал внутрь и разбился, как мне показалось, с ужасающим грохотом. На некоторое время я замерла, вся обратившись в слух. В комнате было тихо. Медленно-медленно я протянула руку к защелке...

Возможно, матерые домовщики выполняют эти операции с привычным равнодушием, чуть ли не позевывая в процессе. Но у меня было мало подобного опыта, и мой последний визит в чужой особняк вышел, мягко говоря, не совсем удачным, так что я ужасно волновалась. Сердце колотилось об оконную раму так громко, что я боялась, как бы его не услышали Оливер со Скрупом, сидевшие внизу.

Осторожно подтянувшись и перекинув ногу через подоконник, я бесшумно соскочила в душный сумрак комнаты. Здесь было холодно, так как камин был заложен кирпичами, и совсем темно, но в волшебной сумке Денниса нашелся «воровской» фонарь, внутри

которого торчал сальный огарок. Затебив свечу, я подошла к высокому шкафу, таинственно поблескивавшему маленькими ящичками. Надписей на них не было, поэтому на то, чтобы отыскать ячейку с буквой «М», у меня ушло довольно много времени. Вдруг за дверью мне послышались голоса.

Сидя на полу, я застыла с распиской Меллинга в руке, готовая в любую секунду дунуть на свечу и сигануть в окно. Спустя некоторое время я с облегчением поняла, что голоса доносились снизу. Доски пола кое-где неплотно прилегали друг к другу, и, приложив ухо к щели, можно было подслушать разговор. Это меня несколько успокоило, так что я вернулась к потрошению шкафа. Как там звали приятеля Денниса – Эмрил?

Перебирая пачку бумаг в ячейке с буквой «Э», мой взгляд вдруг споткнулся о фамилию «Эмберли». Нервы были так напряжены, что я не сразу сообразила, отчего она кажется такой знакомой. Потом в сознании вспыхнуло – Кларисса! Ее фамилия была размашисто написана поперек чистого конверта, а в конверт было вложено письмо. Я, не раздумывая, сунула его за пазуху. Конечно, Кларисса – та еще зараза, но мне не нравилась ситуация, когда письма невесты лорда Фонтероя хранились у такого мерзавца, как Скруп. Ради Кеннета я готова была вытащить Клариссу из передраги. Пусть потом скажет мне спасибо, треска мороженая!

Голоса внизу усилились. Разговор явно перешел на повышенные тона.

– ... вы поступаете не так, как подобает порядочному человеку! – услышала я гневное восклицание Оливера. Оно прозвучало так громко, что даже не пришлось прикладывать ухо к щели.

Я снова притихла. Что там происходит?! Уайтвуд должен был соблазнить ростовщика заманчивой сделкой, а не взывать к его совести, которая в этом доме отроду не ночевала! Придется поспешить. Мистер Скруп – это вам не какой-нибудь лавочник, для сложных клиентов он наверняка держал поблизости парочку крепких парней, вооруженных обрезком трубы. Оливеру нельзя его злить, это слишком опасно!

Мои пальцы как раз вытащили из пачки письмо несчастного господина Эмрила, когда внизу раздался выстрел. Я заметалась. Одним взмахом погасила фонарь, сунула его в сумку, повесив ее через плечо. Швырнула в окно заранее припасенный камень – это был знак для Денниса, что ситуация вышла из-под контроля, и нас пора спасать. Пинком захлопнула ящик, бросилась к двери, но с полпути вернулась, чтобы прихватить со стола оставленные там двести фунтов. Верну их Селине, а Скруп перебьется! Если он тронул Уайтвуда хоть пальцем...

С лестницы я скатилась кубарем, уже не думая о том, чтобы сохранять тишину. После оконной защелки справиться с замком на двери, ведущей в кабинет, было плевым делом. Я жадно прищипнула глазом к замочной скважине, пытаясь оценить обстановку. Сначала передо мной возникли лишь мечущиеся тени, но вдруг в поле зрения попало бледное лицо Оливера, искаженное ужасом. Что могло так напугать бывшего офицера?! Не колеблясь, я распахнула дверь.

Уайтвуд вытянулся, вжавшись в стену, прижимая правую руку к груди. Рукав на ней был темен от крови. Ростовщик, сгорбившись, опирался руками на стол, жидкие пряди волос свесились ему на лицо. Пистолет валялся посреди комнаты, и от него по полу протянулась красная полоса.

При моем появлении Скруп резко обернулся. В глазах у него загорелись хищные красные огоньки:

– А, вот и долгожданная мисс Фишер! – протянул он, ослабившись.

Его мертвенно-бледное лицо перекошилось, уголки рта поползли вверх. Это была улыбка маньяка, прячущего за спиной топор. Подбородок был вымазан чем-то темным.

– Да, представьте, я слышал, как вы копошились там наверху. Весь шкаф успели перерывать?

Значит, он знал! Но мои объяснения могли подождать. Главное – Оливер.

– Что с вами? Вы ранены?! – спросила я, подбегая к моему другу.

– Когда я выстрелил, он попытался... попытался откусить мне руку, – произнес Уайтвуд безучастным голосом. Он не удивился, увидав меня здесь. Он на меня вообще не смотрел. Его сосредоточенный взгляд не отрывался от Скрупа, словно тот был противником на дуэли.

– Что?! – не поверила я своим ушам.

– ...Впрочем, это неважно, – продолжал тем временем Скруп, будто беседуя сам с собой. – Все равно все тайны, которые вы успели найти, сгинут вместе с вами.

После этого он, должно быть, запер входную дверь, и самое страшное было в том, что я вообще не заметила, как это случилось. Просто прозвучал лязг засова, вставшего в пазы, но, когда я обернулась к двери, рядом с ней уже никого не было. Скруп снова стоял, опираясь на стол, и с ухмылкой смотрел на нас. Его бросок к двери был неуловимым и бесшумным, как мелькание тени. Он широко улыбнулся, наслаждаясь произведенным эффектом. Мне вдруг показалось, что его клыки были гораздо больше, чем у нормальных людей.

– Боже милостивый, Энни... он вампир, – ошеломленно прошептал Оливер.

Я осознала, что некоторое время стою, набрав в грудь воздуха, и шумно выдохнула. Вместо мыслей в голове была белая пустота, в которой вихрем пронеслось воспоминание о бледном перепуганном Меллинге, закутанном в шарф до ушей. Вот это мы влипли. Вся надежда теперь была только на Денниса.

Происходящее было настолько нереально, что мне, как ни странно, пока удавалось сохранять спокойствие. Наше с Оливером положение было действительно отчаянным. Без сомнений, Скрупу уже довелось убивать, а такие вещи легко приобретают силу привычки. Нужно попытаться потянуть время.

– Нас будут искать! – воскликнула я, сумев даже заставить свой голос не дрожать. – Я оставила в своей комнате письмо, в котором сообщила, куда направляюсь! И с кем.

Пока мои губы двигались, произнося какую-то чепуху, уши чутко прислушивались, надеясь услышать тяжелый топот ботинок на лестнице. О, Деннис, где тебя черти носят, когда ты так нужен?!

– Когда-нибудь вас, безусловно, найдут, – осклабился Скруп. Одним смазанным движением метнувшись на середину комнаты, он отбросил крышку замаскированного люка в полу. Невероятно, как вообще можно так быстро двигаться?! И что у него там – ледник для трупов?

Из-под пола долетел монотонный гул, а по комнате потянуло сыростью. Я все поняла. Под этой частью дома проходил подземный канал, что для Скрупа было серьезным преимуществом при выборе жилья. Это позволяло ему прятать концы в воду в прямом смысле слова.

Пока мы со Скрупом вели занимательный диалог, Уайтвуд, не теряя времени, схватился за кочергу. Проклятый ростовщик только ухмыльнулся. Мимо пролетела серая тень – и Оливер, вскрикнув, упал на колени, а кочерга отлетела в угол. Под руку мне попало ведро для угля. Недолго думая, я нахлобучила его Скрупу на голову. Все равно оно стояло пустым – вампиру, похоже, холод был нипочем. В тот же миг какая-то сила швырнула меня на пол. В глазах потемнело, рот наполнился кровью. Сплюнув, я нечаянно попала Скрупу в лицо, и к моему удивлению, он отпрянул с шипением, как человек, неосторожно залезший в гжучую крапиву.

«Ага, значит, кровь сидов тебе не по вкусу!» – обрадовалась я. Вряд ли это меня спасет, конечно. Костлявый, хилый на вид старик оказался настолько силен, что мог голыми руками придушить меня, не вспотев. Думаю, он до сих пор не убил нас только потому, что хотел продлить себе удовольствие.

Что-то мелькнуло за окном, и в комнате на миг стало еще темнее. Неужели Деннис?!

– Оливер, дверь! – крикнула я. Из нас двоих Уайтвуд находился ближе к выходу. Если бы он догадался хотя бы попытаться открыть засов! Но, как и подобает офицеру, Оливер прежде всего думал о защите дамы, а не о спасении собственной жизни. Пошатнувшись,

он снова поднял кочергу раненой рукой и вызывающе выпрямился. Где Скруп?! Даже отследить его перемещение по комнате было невозможно. Я успела ощутить над ухом чужое смрадное дыхание, и внезапно меня поперек туловища обхватило нечто вроде ледяного каменного кольца, чуть не вышибив дух.

Внезапно страшный удар сотряс дом. Оконная рама влетела внутрь, брызнув стеклами и каменной крошкой. Державшие меня тиски разжались – и я, кашляя, поспешно откатилась в сторону. Послышалось глубокое алчное рычание. Тень ростовщика возникла на фоне пролома как раз в тот момент, когда на стену обрушился второй удар. В воздухе мелькнул шипастый снаряд, блеснул чешуйчатый хвост. Полетели камни и обломки мебели. Словно в замедленном сне я увидела, как мистер Скруп споткнулся и упал под тяжестью свалившихся на него досок.

– Энни, скорее! – крикнул Оливер, изо всех сил пытаюсь отпереть дверь. Засов заклинило, но вдвоем мы кое-как смогли его отодвинуть. Кашляя и задыхаясь от пыли, мы вывалились на лестницу. Ступеньки дробно стучали под нашими ногами. Волосы у меня шевелились от ужаса, каждую секунду я ждала, что выбравшийся из-под завала Скруп настигнет нас и схватит меня за плечо ледяной костлявой рукой.

Дом содрогнулся от очередного удара, посыпалась штукатурка. Косо рухнула деревянная балка – к счастью, мы успели прижаться к стене. Выход был уже близко, но его вдруг перегородила чья-то фигура, едва различимая в клубах пыли. От страха я дико завизжала. Это Скруп! Он опередил нас, мы погибли!

– Неужели я так страшен, мисс Энни? – спросил некто, поднимаясь нам навстречу.

Я узнала этот голос, и на меня нахлынуло облегчение, хотя в другой ситуации я предпочла бы его вовек не слышать. Небрежно отряхиваясь, к нам подошел мистер Лайбстер в своем фейском облике: ледяные серебряные глаза, исполненные достоинства плавные жесты. Он небрежно приветствовал нас, словно находился в собственной гостиной, а не на замызанной лестнице старого дома, грозящего вот-вот рухнуть.

– Вам лучше поскорее уйти, – заметил он, глядя вверх. Лестничная площадка тонула в мутной темноте, но мы услышали, как дверь Скруповой квартиры, на треть заваленная обломками кирпича и штукатурки, вдруг дернулась, будто кто-то толкнул ее изнутри. Я похолодела.

– Этот тип очень опасен, – счел нужным предупредить Уайтвуд.

– Поверь, мистер Лайбстер с ним справится, – вмешалась я. Если кто-то и мог приструнить вампира, то разве что сид. А нам лучше не путаться у него под ногами! Подтолкнув Оливера, я поспешила на улицу, откуда уже доносились возбужденные крики.

Здесь нас ожидало еще одно потрясение. Можно было вообразить, что посреди улицы внезапно вырос холм, обросший бронзовой чешуей, если бы этот холм не сверкал на всех холодными топазовыми глазами, и не помахивал угрожающе длинным хвостом с рогульчатой шишкой на конце.

Угол дома лежал в руинах, кое-где беспомощно торчали обнаженные балки. Двор трактира и мостовая были черны от разлившейся жидкости и блестели в свете фонарей. Остро пахнувшие ручейки, журча, растекались по канавкам, выбоинам и трещинам. Я сообразила, что один из ударов дракона нанес приличный ущерб винному погребу господина трактирщика. Однако никто не спешил предъявлять претензии. Люди выбегали из трактира и останавливались, не веря своим глазам. «Ох, и забористый же джигн у этого Уоттона!» – пробормотал один из зевак неподалеку от нас.

– Боже милостивый! – словно в ответ ему выдохнул Уайтвуд. Он постарался заслонить меня собой, но на дракона глядел с жадным восхищением, как на ожившую сказку.

Дракон был действительно прекрасен. В прошлый раз в переулке я не имела возможности его рассмотреть. Темно-бронзовый, в закатных сумерках он казался почти черным, как ночное небо, в котором мерцали редкие звезды. От его острой чешуи и шелковых сложенных крыльев веяло жаром, во всем его облике было нечто грозное и

разрушительное, будто приглашенное пламя, готовое при малейшем дуновении вспыхнуть, сокрушив все на своем пути. Причудливые узоры тянулись по чешуйчатым бокам под крыльями, голова на грациозной шее с длинными черными шипами походила на орхидею. В глазах потаенно горел золотой огонь, распространяющий вокруг сияние волшебства. Магия дракона, словно невидимый свет, проникала повсюду.

Это великолепное, гордое и опасное существо не имело ничего общего с Кеннетом Фонтером. Оно могло прихлопнуть меня одним ударом шипастого хвоста (которым, кстати, только что разворотило полдома), но сейчас это меня не заботило. Волшебство дракона завораживало и лишало собственной воли...

Из созерцательного транса нас с Оливером вывел стук копыт по мостовой.

– Солдаты! – крикнул кто-то. Зеваки разом очнулись, бросившись врассыпную. Большинство клиентов Уоттона – не говоря уже об остальных местных жителях – имели веские причины держаться подальше от представителей закона. Люди метались, расталкивая друг друга в страстном желании оказаться подальше от злополучного трактира. Кто-то в суматохе выронил факел. Разлившийся спирт вспыхнул мгновенно, по канавам и трещинам мостовой побежали огненные дорожки. Оранжевое пламя осветило улицу, засверкало на бронзовой чешуе дракона, с холодным безразличием наблюдавшего за окружающей суетой. Послышались крики: «Пожар! Горим!»

За долгие годы Эшентаун горел так часто и интенсивно, что у всех обитателей с детства выработалась обостренная реакция на крик «Пожар!» Это был своего рода боевой клич, на который сейчас же сбегались десятки людей. Улица, опустевшая было при виде солдат, снова заполнилась народом. Тащили ведра, багры, мокрую парусину, мешки с песком. Даже Оливер, едва державшийся на ногах, принялся помогать. Огонь, лизнув мостовую жадным языком, быстро добрался до трактира и радостно заревел. Здесь ему было где развернуться! Добровольные пожарные не решались подойти к дому, так как боялись дракона.

Растолкав толпу, я осмелилась подойти ближе:

– Уходи! – крикнула я ему. – Они убьют тебя!

В прошлый раз я тоже боялась его до дрожи. Теперь я больше боялась за него. Плающая желтизна огромных глаз обратилась ко мне, пронзая сознание железным драконьим гневом. Даже тени узнавания не было в них, одна только злость и презрение. Мол, какая-то ничтожная букашка смеет ему указывать! Дракон раздраженно фыркнул, и горячий ветерок от его дыхания отбросил волосы с моего лица.

– Пожалуйста! – добавила я умоляюще. Люди в недобром молчании сплотились позади нас, красные мундиры и блестящие штыки неумолимо приближались. Страшно подумать, что случится, если кто-нибудь из них с перепугу пальнет в чудовище! «Если он убьет кого-то, находясь в облике дракона, то навсегда останется драконом!» – грозно прозвучало в памяти предостережение Амброзиуса.

Может быть, дракон прочитал мои мысли, или ему просто надоело наше общество. Окинув напоследок взглядом полыхавший дом, крыша которого была почти вровень с его головой, он распростер над нами крылья, как две грозные тучи, и лениво поднялся в воздух. Мы все, затаив дыхание, провожали его долгим взглядом. Дракон в небе был похож на огромную летучую мышь, выкованную из бронзы. Лучи заходящего солнца алыми искрами рассыпались по чешуе, могучие крылья безжалостно пронзили пухлое лиловое облако, и вскоре дракон скрылся из глаз, будто его и не было.

– Мисс Фишер? – слышался над ухом знакомый надменный голос. – Не объясните ли, что здесь происходит?

Я мысленно застонала. Ну почему, когда тебе кажется, что ситуация хуже быть не может, обязательно случится что-нибудь еще более пакостное?! Надо мной, сидя верхом на коне, угрожающе навис лорд Мериваль, прибывший сюда с отрядом солдат.

И снова за меня заступился Уайтвуд:

– У меня было дело к проживающему здесь мистеру Скрупу, а мисс Фишер просто ждала

меня снаружи, – произнес он с такой естественностью и достоинством, что у Мериваль язык не повернулся спросить, какое такое дело может быть у находящегося в отпуске офицера к ростовщику, не брезгующему грязными авантюрами.

Чтобы отвлечь его от скользкой темы, я сочла нужным вмешаться:

– Вы же видите, Оливер ранен! Прошу вас, помогите нам добраться до врача, раз вы так кстати оказались здесь!

– Мы получили сообщение, что вечером в этом квартале ожидаются беспорядки, – объяснил свое появление Мериваль. – Но пока что я не вижу поблизости ни одного бунтовщика.

– Кроме разве что дракона, устроившего пожар, – заметил молодой офицер, командующий солдатами.

Я встрепелась:

– Что? Послушайте, дракон здесь вовсе не причем! Это была случайность, какой-то пьяница уронил факел...

– Раскурочив перед этим половину дома? – саркастически спросил офицер. – Какая, однако, буйная клиентура у старины Уоттона!

– Да, насчет дракона мне тоже интересно послушать, – вмешался в разговор еще один голос. Лайбстер! Я резко оглянулась. Секретарь сацилийского посольства невозмутимо возник из клубов дыма, за которыми смутно виднелся трактир. Сейчас Лайбстер выглядел таким же невзрачным и скромным, как в тот день на приеме, где мы познакомились. Он казался совершенно невредимым, и я от души понадеялась, что мистер Скруп уже справляет новоселье в аду, как он того и заслуживал!

– Судя по тому, что я видел, – продолжал Лайбстер, – Грейвилия владеет мощным оружием, о котором на Континенте даже слыхом не слыхали.

– Это чушь! – резко ответил Мериваль.

Раздавшийся позади грохот заставил нас невольно оглянуться. Это обрушились стропила крыши, несмотря на все усилия добровольных пожарников. Неудивительно, если учесть, что трактир Уоттона был буквально пропитан спиртом от стойки до самой последней лавки. Взметнулся столп рыжих искр, когда очередное бревно провалилось в ревущую огненную пасть. Все теперь старались, чтобы огонь не перекинулся на другие постройки.

– Итак, поскольку бунтовщиков поблизости не обнаружено, нам остается лишь позаботиться о раненом, – вдруг заговорил лорд Мериваль, явно желая увести разговор подальше от дракона. – Мы с мисс Фишер отвезем его...

– Минутку, – перебил его Лайбстер. – Я приехал сюда в экипаже, который ждет на соседней улице. Позвольте мне отвезти мисс Фишер домой. Думаю, после такого потрясения ей необходим отдых.

– Может, лучше уступить карету раненому? – нахмурился лорд Мериваль. Очевидно, он не доверял Лайбстеру, и я тоже. Но я быстро сообразила, что если поеду с Меривалем, то мне всю дорогу придется оправдываться за очередной дурацкий поступок, а сейчас у меня не было на это сил.

– Не волнуйтесь за меня, милорд, я смогу удержаться в седле! – подал голос Уайтвуд, который, по моему мнению, и на ногах-то держался только отчаянным усилием воли. Лицо его в отблесках пожара было совершенно зеленым. Бросив на него один взгляд, Мериваль сразу перестал спорить:

– Хорошо. Вы, мисс Фишер, отправитесь с мистером Лайбстером. Я навещу вас завтра. И даже не пытайтесь – я настойчиво рекомендую – не пытайтесь покидать особняк!

Коротко переговорив с командиром, Мериваль отрядил с нами двух солдат. Остальные помогли Уайтвуду взобраться на лошадь позади него, и все вместе двинулись в сторону госпиталя.

Пока Лайбстер провожал меня до кареты, мы оба молчали. Но когда возница щелкнул кнутом, и лошади тронулись в сторону Гросвен-стрит, я не выдержала:

– Послушайте, я видела этого дракона так же близко, как вижу вас. Если вы думаете, что это существо станет выполнять чьи-то приказания, то вы жестоко ошибаетесь!

– О, я так не думаю, – лениво ответил Лайбстер, глядя в сторону.

– Но вы служите сацилийцам! Объясните им...

– Я?! – Лайбстер, вздернув бровь, взглянул на меня сверху вниз, снова неуволимо преображаясь из скромного секретаря в высокомерного сиду. – Кто они такие, чтобы мы, древний народ, работали на них? Мы трудимся сами для себя. У короля Ральфа есть кое-что интересное для нас, поэтому мы пока держимся рядом. Подчеркиваю – пока.

Я замолчала, пытаясь нащупать свой путь в хитросплетениях чужих интересов и интриг. Вместе с тем я не забывала следить за дорогой. Если хитроумный сид только попробует провезти меня трижды по кругу против часовой стрелки – он горько пожалеет!

– Не волнуйтесь, – тонко улыбнулся Лайбстер, безошибочно угадав мои опасения, – по дороге нам не встретится ни одной площади, и я не собираюсь больше вас обманывать. Второй раз это не сработает. Но если бы вы знали, – его мерцающие серебряные глаза вспыхнули, – если бы вы знали, как много вы теряете, отказываясь последовать за мной!

Может быть, он прав. Возможно, мне открылись бы новые знания и потаенный смысл вещей. Я узнала бы, наконец, кто я есть, и смогла бы по-настоящему помочь Кеннету. Мысль, что сегодня он опять ужасно рисковал из-за меня, отзывалась в груди тупой болью. Набрав воздуха, я выпалила:

– Я согласна пойти с вами, если вы вернете лорду Фонтерою его амулет! Или хотя бы скажете, кто его похитил!

На лице Лайбстера не отразилось ни малейшей радости по поводу этого заманчивого предложения. Он сидел, скрестив руки, и молча разглядывал меня невозможными серебряными глазами. Мой порыв вдруг показался неловким и неуместным.

– Это была бы нечестная сделка, – ответил он наконец, изогнув губы в насмешливой улыбке. – Ты уже знаешь, кто похититель.

– Я?!

– Просто ты не можешь в это поверить, – соизволил пояснить зловредный сид. – Но ты знаешь.

Всю дорогу до Гросвен-стрит я пыталась переварить это известие, представляя на месте преступника разных людей. Нет, это невозможно! Когда лошади остановились, Лайбстер вежливо помог мне спуститься.

– Знаете, Королева тоже предлагала мне остаться с ней, – призналась я неожиданно для себя самой. Все, что случилось на Авалоне, до сих пор казалось нереальным, горячечным порождением моей фантазии. Если бы не камень, полученный в подарок, я решила бы, что мне приснился слишком яркий сон.

– О, Мейвел умеет убеждать. Будь осторожна, маленькая стрекоза. Если ты поддашься ей, станешь таким же слепым орудием в ее руках, как и твой отец.

– Вы знали моего отца?!

Лайбстер, криво усмехнувшись, отступил на шаг... и внезапно исчез. Карета тронулась с места, будто не случилось ничего необычного. Вскоре стук копыт затих вдаль. Я в бессильной ярости стукнула себя кулаком по ладони. Будь прокляты эти сиды, с их высокомерием, склонностью к утонченным издевательствам и изящным жестам! Наверняка Лайбстер заранее все продумал: и эффектный уход, и последнюю фразу, которую он метнул в меня, как отравленный дротик. Очень хотелось кого-нибудь пнуть, но, сдается мне, сегодня я и так достаточно поразила городскую публику. Чуть не угробила беднягу Оливера, разорила трактирщика, лорда Фонтерою опять подвела под

монастырь... Еле передвигая ноги, я расстроенно поплелась к двери.

- Чудесный вечер, мадам, - как всегда, приветствовал меня Батлер, ни словом не обмолвившись насчет моего хмурого лица и неприглядного внешнего вида. - Позвольте ваш плащ?

Моя грязная накидка, пропитавшаяся запахом гари и спирта, не годилась даже на то, чтобы постелить ее здесь вместо коврика.

- Я, пожалуй, разденусь наверху, - сказала я, проглотив комок в горле.

- Как вам угодно. Я попрошу Агату, чтобы она принесла вам горячего чая.

- Спасибо. И, пожалуйста, господин Батлер... простите меня.

Было горько и стыдно. Я поняла, что если еще хоть на минуту задержусь здесь, то разревусь, как последняя идиотка. Глотая слезы, я через три ступеньки бросилась наверх.

Глава 24

Весь следующий день я не могла найти себе места. Я послушно оставалась дома, как велел Мериваль, но тишина и безмолвие пустых комнат меня угнетали. В окна заглядывало подслеповатое, не греющее декабрьское солнце. В саду среди ветвей маячили фигуры двух соглядатаев. Интересно, кого они подстерегали: меня или Фонтероя?

Утром я выскочила из дома только за газетами, не дожидаясь, пока это сделает Батлер. От броских заголовков похолодели ладони: «Беспорядки на Дорсет-стрит!», «Лорд-Дракон на стороне бунтовщиков!» Поговаривали даже об аресте и заключении в Холодный дом. Когда Батлер принес кофе, он застал меня, сидевшую с потерянным видом над желтоватыми листьями. Дворецкий успокаивающе заметил:

– Не переживайте так. Все давно привыкли, что в газетах нет ни слова правды. «Горлодеры» готовы тиснуть любую чушь между объявлениями о петушинных боях и пропаже собаки, зная, что им все равно не поверят. Такой товар, как правда, слишком плохо продается в Эшентауне, поэтому для газет куда важнее крик и суета...

Все так, но сообщение об аресте целый день не выходило у меня из головы. Теперь я ждала Мериваля с еще большим нетерпением. Чтобы скрасить уныло тянувшиеся часы, я написала письмо Селине, приложив к нему расписку Меллинга и двести фунтов, затем отослала все это на Квендич-сквер. Поэт и его невеста могли больше не бояться Скрупа, и я надеялась, что им хватит решимости отстоять свое счастье. Теперь все было в их руках.

От письма меня отвлекла миссис Бонс, готовившая тесто для рождественского пудинга. По обычаю, каждый из домашних должен был помешать тесто и загадать желание. Батлер с Агатой наотрез отказались украшать опустевший дом пучками остролиста и веточками омелы, но уж пудинг, по мнению миссис Бонс, должен быть обязательно, иначе весь следующий год, того и гляди, получится несчастливым!

Мы все послушно столпились в тесной, жарко натопленной кухне, чтобы по очереди помешать тесто, важно всхлывшее в огромной кадучке. Я зажмурилась и горячо пожелала, чтобы у Кеннета все сложилось благополучно и никто – ни солдаты, ни дракон, ни манерная Кларисса – никогда не смог бы поймать его в ловушку. В кухне вкусно пахло масляным печеньем и ванилью. Над кадучкой мы нечаянно соприкоснулись руками с Агатой, и обе смутились. С того дня, когда Нед неудачно сделал ей предложение, мы почти не разговаривали. Агата явно меня избегала. Наверное, чувствовала себя неловко, ведь Нед был моим напарником, фактически «братом по службе».

– По правилам-то настоящий пудинг следует готовить за три недели до Рождества, чтобы дать ему отстояться, – добродушно ворчала миссис Бонс. – Так всегда было. Но где уж тут возиться с тестом, когда у нас то грабеж, то душегубство – сплошные страсти, прости господи! А в тесто мы всегда подмешивали разные мелочи: колечко, пуговку или еще что-нибудь. Кому за столом достанется серебряная холостяцкая пуговица, тот, глядишь, останется холостяком. Кому колечко – выйдет замуж, кому наперсток – будет старой девой...

– ...А у кого-то это и без наперстка на лбу написано, – грубовато перебила Агата. – Простите, миссис Бонс. Я лучше пойду, у меня еще глажки полно.

Она обняла маленькую растерянную повариху, замершую с большой ложкой в руке, поцеловала ее в макушку и стремительно вышла. Вот и пойми ее попробуй. Бедный Нед!

Старания миссис Бонс напомнили мне, что через несколько дней наступит Рождество, а сегодня по календарю праздник Йоль, ночь солнцеворота. Самая длинная ночь в году, исполненная особой силы, когда наш мир соприкасается с запретным миром духов и волшебства. Интересно, не пожелает ли королева Мейвел заглянуть к нам в гости?

Я совсем извелась от ожидания, когда Мериваль все-таки явился. Город уже погрузился в сумерки; в библиотеке, куда Батлер проводил важного гостя, разожгли камин. В полутемном холле мягко горели светильники. Я так торопилась, что чуть не свернула

ногу на лестнице. «Не очень-то он спешил! – думала с неприязнью. – Поди, нарочно не приходил, выдержал паузу, чтобы я как следует прочувствовала свою вину!»

Однако стоило мне увидеть осунувшееся, посеревшее лицо лорда Мериваля, как все обвинения вылетели у меня из головы. Он сидел, сгорбившись, перед камином, и весь его облик говорил о крайней усталости. Волосы обвисли влажными сосульками, сюртук под пальто измялся, галстук имел жалкий вид... В нормальном состоянии Мериваль ни за что не потерпел бы таких прегрешений в одежде!

Завидев меня, он невесело усмехнулся:

– Ну и беспорядок вы устроили! Вы серьезно осложнили положение Фонтероя, понимаете это?

– Что с ним? – задыхаясь, спросила я. – Его не поймали?

– Нет. Нам удалось пресечь неблагоприятные слухи, однако это стоило немалых трудов. И его дипломатическая миссия в Астилии теперь под угрозой. Никто не пошлет туда настолько... хм... взрывоопасного переговорщика.

Резной бордюр и ажурный потолок библиотеки вдруг поплыли у меня перед глазами. Я поспешно присела в соседнее кресло.

– Послушайте! Я вовсе не просила Кен... лорда Фонтероя о помощи. Он спас жизнь мне и Оливеру, но чем хотите поклянусь, я сама не понимаю, как ему удалось появиться так вовремя!

– О, это я могу объяснить. – Мериваль безразлично пожал плечами. – Это ваш бывший опекун постарался, мистер Бобарт.

– Гарри Бобарт?! Но каким образом...

– Насколько я понял, Кеннет не так давно попросил его сообщать все новые сведения о вас. Разумеется, не безвозмездно. Накануне вечером мистер Бобарт узнал о вашем грандиозном замысле ограбить ростовщика и поспешил сообщить о том лорду Фонтерю.

«Деннис проболтался!» – молнией мелькнуло у меня в голове.

– ...И хотя я очень ценю ваше общество, мисс Фишер, признаюсь, за сегодняшний день я не раз пожалел, что посланец мистера Бобарта успел застать Кеннета до отъезда в Астилию! Что на вас нашло, скажите на милость? Почему бы просто не попросить эти деньги у Фонтероя? У меня, в конце концов?!

Я покаянно опустила голову:

– Мы хотели уладить это дело без лишнего шума...

– Без лишнего шума?!

Мериваль умолк, потрясенно глядя на меня, как на какое-то диковинное насекомое. Вероятно, ему тоже вспомнилось оранжевое зарево пожара, треск огня и крики людей, суевившихся вокруг. И бледное неживое лицо Оливера Уайтвуда с закушенной от боли губой.

– Могу я спросить, как себя чувствует мистер Уайтвуд? – выдавила я. Совесть требовала задать этот вопрос.

– Да все с ним в порядке, – пробурчал Мериваль, снова уставившись в огонь. – Плечо ему вправили, рану на руке обработали, через месяц будет как новенький. Кеннета очень впечатлило, что ради этого парня вы решились на такое опасное дело. Он выхлопотал Уайтвуду капитанский патент и передает вам свои наилучшие пожелания.

– Вы считаете, что я сделала это ради Уайтвуда? – Я изумленно подняла голову. Неужели Кеннет думает, что я из любви к офицеру решилась на безумный визит к ростовщику?! Боже мой!

– А разве нет? – ответил Мериваль вопросом на вопрос.

Я приготовилась бурно возразить, но вовремя спохватилась. Еще неизвестно, в каких отношениях состоит Мериваль со старшим мистером Меллингом! Вдруг они закадычные приятели, и тайна нашего поэта вот-вот выплывет наружу? Нет уж, лучше объясниться с самим Кеннетом!

– Вы говорите, что лорд Фонтерой еще не уехал из страны. Где он? Я могу его увидеть?

– Это было бы крайне неразумно! – нахмурился Мериваль, весь ощетилившийся. – Послушайте, мисс Фишер, вам не кажется, что вы и так достаточно натворили дел? Я сегодня весь день мотался по городу, как ртутный шарик, пытаюсь убрать с глаз долой свидетелей вчерашней сцены! Солдат отослали в военный лагерь, мистер Уайтвуд уже отбыл в Дуврн, откуда он, когда подлечится, уедет в свой полк. Вы сейчас не сидите в камере только потому, что мы с Фонтероем честью поклялись, что вы не покинете пределов этого особняка.

Я нервно сглотнула. Видя мой испуг и раскаяние, Мериваль несколько смягчился:

– Кеннету тоже лучше не появляться в городе, пока не утихнут слухи. Вчера ему удалось уехать вместе с леди Эмберли. Ее карету не посмеют досматривать. Я предложил им провести несколько недель у меня в Лонгбери-холле. Это не слишком далеко от Эшентауна, и в то же время там довольно уединенно.

«Кеннет в безопасности!» – радостно стукнуло сердце. И тут же меня прошли десятком игл, когда я представила Фонтероя с Клариссой в романтическом уединении загородного поместья. От этой картины потемнело в глазах, и противно заныла голова.

Мериваль, откланявшись, ушел, а я так и осталась сидеть перед камином, глядя, как поленья в огне медленно чернеют и распадаются на части. Я сама чувствовала себя примерно так же. Перед глазами возникали различные сцены, но участники были одни и те же – Кеннет и Кларисса. Я представляла их в саду, прогуливающих по засыпанному снегом дорожкам. Представила, как они сидят в очаровательной старинной гостиной, склоняясь друг к другу за доверительной беседой. Как они рука об руку направляются в спальню, и дверь за ними закрывается... К счастью, на этом мое воображение отключилось.

Я пыталась отвлечься на что-то другое, но против воли в моем сознании неотступно возникал Кеннет, расстроенный моей выходкой и, что еще хуже, убежденный в моей страстной любви к Уайтвуду. А следом появлялась Кларисса – столь же теплая, как блестящий на солнце снег – сочувственно кивающая Фонтерое, когда он будет меня бранить. Или он просто пожмет плечами и выбросит меня из головы? Кларисса с радостью поможет ему забыть об одной неудачливой сыщице, доставившей столько проблем.

Сидя в кресле, я рассерженно хлопнула ладонью по подлокотнику:

– Не такая уж она невинная овечка! А письмо, найденное мной у Скрупа?

Точно, письмо! Я совсем о нем забыла! Бросившись к себе в комнату, я отыскала среди вещей плотный белый конверт. Совесть подсказывала бросить его в огонь, не читая. Но я же тогда просто помру от любопытства! Скруп не стал бы хранить письмо у себя, если бы оно не содержало чего-нибудь предосудительного! А мне так хотелось отыскать у безупречной леди Эмберли хоть один малюсенький недостаток!

Усмирив свою совесть фразами «я только одним глазком» и «потом сразу же сожгу», я лихорадочно развернула конверт. Первые же строки заставили меня мучительно покраснеть: письмо было не просто личным, а очень личным. Такое можно написать только любовнику. Меня охватило сочувствие, смешанное с удивлением: кто бы мог подумать, что за ледяной внешностью благонаправленной Клариссы скрываются такие страсти?! Ох, могу себе представить, как тяжело и унижительно было ей узнать, что такое письмо попало в грязные лапы мерзкого шантажиста!

«...вы не будете презирать меня за то, что я не могла противиться этому сладостному чувству...

...возвращайтесь скорее, мой друг, и вы найдете во мне нежную и покорную вам

возлюбленную...

...каждое ваше прикосновение дарит острое наслаждение, большее, чем я когда-либо могла вообразить...

...неужели вы боитесь, что ваше отсутствие когда-либо изменит мои чувства к вам? Я думаю о вас ежеминутно, я живу лишь вашим возвращением...»

Это невозможно было читать. Письмо дышало искренностью, и каждое его слово причиняло мне острую боль. Теперь я не сомневалась, что чувства между Кеннетом и Клариссой были гораздо глубже, чем я себе вообразила! Вытерев слезы, я сердито сунула смятые листки в камин, в самую середину пламени. От огня один лист развернулся, быстро темнея по краям, и в глаза мне бросилась фраза:

«Вы единовластно царите в моей душе, мой дорогой Ингрэм...»

Ингрэм?! Мир вокруг перевернулся с ног на голову, а потом, после минутной неуверенности, снова обрел равновесие. Я выхватила письмо из огня, не чувствуя боли в обожженных пальцах. Заново пробежала глазами уцелевшие фрагменты. Точно, я ошиблась, это послание было адресовано не Фонтерою, а Меривалю! Радость, охватившую меня, невозможно было выразить словами. Потом я задумалась. Мериваль – и Кларисса?!

Предоставив письму спокойно догорать в камине, я рассеянно спустилась вниз. На душе у меня полегчало. Подумаешь, Мериваль с Клариссой когда-то были любовниками (письмо было датировано прошлым летом). Она написала неосторожное письмо, которое случайно попало к мерзавцу Скрупу, но теперь конверт уничтожен, и никто о нем не узнает. Во всяком случае, не от меня. Лично я не собиралась ее разоблачать. Если любовники все еще испытывают друг к другу нежные чувства, а Фонтерой так наивен, что не видит обмана со стороны ближайшего друга и невесты, меня это не касается. Как-никак, у меня есть собственная гордость.

«Жаль, что я не увижу лица леди Эмберли, когда она узнает о пожаре на Дорсет-стрит! – весело подумала я. – Представляю, как бы она обрадовалась!» Почему-то после знакомства с письмом я больше не могла относиться к этой женщине как к высокомерной пустышке. Теперь я видела в ней человека – живого человека, способного мыслить и чувствовать.

По гостинной уже прошла рука волшебницы Агаты: заново взбила подушки, вытерла пыль с полированной мебели, сменила цветы в вазах. Единственный элемент беспорядка вносили раскрытые ноты, стоявшие на пианино. «Полет нетопыря», подарок лорда Мериваля. Когда-то (по моим ощущениям, добрых сто лет назад) Кларисса пыталась научить меня этому музыкальному упражнению. Бывало, я играла его сама, желая отвлечься от надоевшей расшифровки записок. Подойдя к инструменту, я привычно пробежала пальцами знакомый мотив – по восемь нот в каждом такте. «А каждую записку я, пытаюсь расшифровать, разбивала на восемь колонок», – вспомнилось вдруг. Забавное совпадение. Вдруг я медленно выпрямилась, оглушенная внезапной догадкой.

Что если это не совпадение?

Глава 25

«Золотой лосось» был самой обычной харчевней на Бишопс-роуд, разве что чуть почище прочих. Пол покрыт камышовыми подстилками, низкая полутемная зала разгорожена на отсеки. В камине ровно горел каменный уголь, на вилках с длинными ручками подрумянивались несколько булок. На стене висело грозное предупреждение: «Уносить с собой сахар воспрещается». Это заведение давно облюбовали кэбмены, чья стоянка находилась недалеко отсюда, и мелкие судейские клерки. А также ищейки с Коул-стрит.

Фокс и Уолтер мрачно сидели за столом, поглощая свой двенадцатипенсовый ужин – говядину под соусом, куропатку, чуть-чуть соли и горчицы на краю тарелки, кружку пива и булочку. Нед уткнулся в тарелку, работая челюстями с неумолимостью конвейера. Фокс, сидевший напротив, откинулся на высокую спинку скамьи и задумчиво созерцал длинную стойку, на которой в беспорядке толпились буханки хлеба, масло, баки с кипятком для чая и кофе, насос для эля и стеклянная банка с маринованным луком.

Оба молчали. В магистрате уже распространилась новость о вчерашних беспорядках на Дорсет-стрит и о роли Энни Фишер в этой заварухе. Нед с Уолтером вполне представляли, какой будет реакция Тревора на это известие. Уезжая, он попросил обоих присмотреть за «этой козой», но, увлекшись поисками неуловимого рыжебородого господина, они как-то упустили Энни из виду. Когда Старик вернется, расплаты не избежать. Мистер Тревор, будучи не в духе, мог за пять минут так понизить вашу самооценку, что потом неделю придется собирать себя по кусочкам.

– Ну, Энни, натворила дел! – вздохнул Фокс и сокрушенно покрутил головой. – А Скуп-то каков! Признаться, я всегда считал его кровопийцей, но, так сказать, в метафорическом смысле.

– Кто бы что ни говорил, но Энни избавила город от этого мерзавца! – возвысил голос Уолтер. Фокс отметил про себя, что кружка приятеля почти опустела, что повлекло некоторые изменения в поведении. По крайней мере, вилка в его руках уже точно не отличалась. – Пусть она действует не по правилам, пусть ошибается, но она смогла сделать хоть что-то толковое, в отличие от нас! Мы уже третью неделю нарезаем круги вокруг сацилийского логова – и все бесполезно!

Приблизив лицо к изумленно вздернутым бровям Фокса, Уолтер тихо и четко проговорил:

– Я собираюсь сегодня ночью проникнуть в посольство.

– А приказ Тревора? – прищурился Фокс.

– Плевать я хотел на приказ.

Тут Фокс всерьез обеспокоился, потому что когда Нед Уолтер говорит «плевать на приказ», это должно насторожить человека в здравом рассудке.

– Давай не будем торопиться, – успокаивающе произнес он. – Лучше возьмем еще эля. Эй, любезный! – кликнул он подавальщика.

– Пей, если хочешь, я не буду, – нахмурился Уолтер.

Вооружившись кувшином крепкого эля, Фокс так и сяк пытался отговорить напарника от безумной затеи, прежде чем с сожалением признал, что, похоже, этот стук больной совести был не готов прислушаться к здравому смыслу. Вразумлять его было столь же бесполезно, как биться лбом о каменную стену. Фокс сдался:

– Хорошо. Посольство так посольство. Только пойдем вместе.

Пока он расплачивался, Нед набросил широкое пальто, свисавшее с его плеч, словно мантия, и решительным шагом проследовал в волглый туман за порогом. Фокс догнал его уже на улице. Погода вполне благоприятствовала преступным замыслам: с неба сыпалась мелкая ледяная крупа – то ли снег, то ли дождь – в общем, мелкая унылая морось. Прохожих было мало. В этот час дома представлялись сплошной темнеющей

массой, фонари мерцали в тумане, словно призрачные бледные луны. Проскользнув по узкой улице, больше напоминавшей мокрое каменное ущелье, «ищейки» довольно быстро (слишком быстро, по мнению Фокса) добрались до парадного подъезда длинного серого здания.

Подняв взгляд, Фокс увидел двух жутких каменных химер, по счастью, плохо различимых в темноте. «Не сюда», – одними губами сказал он Неду и увлек приятеля за собой, пробираясь вдоль стены. Наконец, перед ними предстала маленькая невзрачная дверь, ведущая, вероятно, в полуподвал. Такая дверь – верный союзник для любого взломщика. Фокса всегда имел при себе одно-два приспособления, с помощью которых можно было вскрыть несложный замок, но сейчас они не понадобились. Нед приналег плечом, и низенькая дверца, жалобно крикнув, приоткрылась. За ней зияла многообещающая темнота.

– Бог хранит дураков и пьяниц, – вполголоса пробормотал Фокс, покачав головой. – Однако теперь они будут знать, что здесь кто-то побывал.

В подвале пахло пылью, старой ветошью и брошенными вещами. Фокс протиснулся туда первым, дав знак Неду следовать за ним. Они поднялись по узенькой лестнице, на которой было темно, как в колоде, и вскоре очутились в просторном прохладном вестибюле. Здесь было светлее, в высокие окна проникал белесый свет фонарей. Полы были выложены мрамором, наверх уходил темный изгиб лестницы, покрытой ковром.

Ковер – это хорошо, ступать по нему можно так бесшумно, словно твои башмаки подбиты бархатными подметками. Любой вор при виде ковра на полу испытывает огромное облегчение и благодарность к заботливым хозяевам. Вот мрамор – другое дело, он гулкий и звонкий, в ночной тишине каждый шаг по нему сопровождается многократным эхом, доходящим до самых отдаленных уголков. Фокс жестами приказал Неду снять ботинки. В холле не было ни души, но кто знает, вдруг какой-нибудь слишком усердный клерк решил сегодня заночевать на работе?

Они поднялись на верхний этаж, где было много высоких двустворчатых дверей, важно поблескивающих бронзовыми ручками, и солидных кабинетов, дремлющих в скудном свете уличных фонарей. За окнами летали вихри снега, наметая сугробы, погружая город в белоснежное искрящееся волшебство. От свежеевыпавшего снега улицы посветлели. «Ищейки» переходили от одного кабинета к другому, от ящиков одинаковых полированных столов к запертым ячейкам в секретерах. Молчаливые обитатели посольских кабинетов послушно выдавали свои секреты Фоксу, стоило ему только поколдовать над ними с помощью одной маленькой железной штучки, спрятанной в рукаве. Нед помогал просматривать разные рукописи и свитки с красными печатями. Многие из них были написаны на сацлийском или других языках, вовсе ему незнакомых, и тогда Нед, скрепя сердце, передавал их Фоксу, а уж что из документов мог понять Фокс – это только ему ведомо.

Они как раз закрывали за собой очередную дверь, когда внизу, в холле, послышались гулкие шаги. «Ищейки» настороженно переглянулись. Шаги зазвучали глуше – должно быть, неизвестный добрался до крытой ковром лестницы – но это были твердые, уверенные шаги человека, который чувствовал себя в своем праве и не думал скрываться. Встреча с ним ничего хорошего не сулила. Спрятаться двум мужчинам в кабинете было негде. Фокс, отчаянно жестикулируя, толкнул Неда в сторону хлипкой статуи, стоявшей в неглубоком портике, – коридор в этом месте расширялся, образуя небольшую рекреацию с четырьмя окнами. Потом Фокс ткнул себя пальцем в грудь и указал на высокий узкий шкаф, темнеющий в дальнем углу кабинета.

Уолтер согласился, хотя статуя представляла собой сомнительное укрытие. Ее субтильные формы не могли полностью скрыть его квадратные плечи и внушительный рост. Однако шаги доносились уже из коридора, так что искать другое убежище было некогда. Скрючившись в три погибели, Нед постарался, как мог, разместить свои конечности в узеньком закутке, и вдруг затылком ощутил чей-то взгляд. Он медленно поднял голову. Возле окон напротив портика кто-то стоял.

В отличие от человека, поднимавшегося снизу, это существо просто возникло среди ночи, словно призрак, освещенный уличным светом. Призрак смотрел на него нечеловеческими серебряными глазами. Уолтер замер на месте, стараясь не дышать и даже не думать.

В этот вечер, накануне Июля, я допоздна засиделась в библиотеке. Бесчисленные ряды книг с золотыми обрезами поблескивали за стеклом. Тишину нарушало только потрескивание огня в камине, да иногда – гудение ветра в трубе. К ночи погода испортилась, ветер гонял по улице легкую поземку, бросая в окна горсти ледяной крупы. Все уже разошлось по комнатам, кроме Неда. Я вспомнила, что не видела их с Фоксом в последние два дня. Даже странно, что Нед не примчался устроить мне нагоняй за вчерашнее! Наверное, они оба сейчас сидят на Коул-стрит и кипят от злости.

Я взяла в библиотеку три записки и, мысленно извинившись перед Фонтером, позаимствовала у него несколько листов чистой бумаги. А еще прихватила с собой ноты, подаренные Меривалем. Раньше я пыталась применить простые способы разгадывания шрифтов: читала только определенные буквы в каждом слове – первые, вторые, третьи... Теперь мне пришло в голову, что шифр, возможно, основан на мелодии «Полета нетопыря».

Что мне было известно о Меривале? Я задумалась. На первый взгляд он казался идеальным воплощением благородного дворянина, таким рыцарем без страха и упрека. Его приятные манеры и привлекательная внешность сразу располагали к себе. А еще его брови красиво поднимались к вискам, что, по моим наблюдениям, могло быть признаком изощренного коварства натуры и склонности к интригам. Хотя мистер Тревор считал физиогномику бесполезной ерундой и не советовал полагаться на ее методы.

Нельзя же, в самом деле, подозревать человека только из-за формы бровей! Я пыталась вспомнить, что говорили о Меривале другие люди, знающие его гораздо лучше, чем я. «Он превосходный человек, но это не мешает ему быть самым тщеславным павлином из всех, кого я знаю!» – заметил как-то Фонтерой. «Он не терпит соперничества», – говорила леди Виверхэм. «Кларисса... затмила всех наших девиц, – рассказывала Элейн. – И эти щенки, Ингрэм с Кеннетом, тоже увивались вокруг нее наперебой».

Я старательно воспроизводила в памяти жесты, взгляды, оттенки поведения Мериваля – и постепенно из отдельных штрихов и черточек передо мной возникал портрет человека болезненно самолюбивого, гордого, не прощающего обид. Я вспомнила прием у леди Элейн: какое напряжение, граничащее с ненавистью, витало тогда между ним и Клариссой! Возможно, Мериваль не простил ей давнишнего оскорбления (если он предлагал ей замужество, а она отказалась) и спустя много лет решил своеобразно отомстить – увлечь, сделать ее своей любовницей, а потом бросить. «Да еще передать ее откровенное, доверчивое письмо грязному ростовщику», – мелькнуло у меня в голове, но тут я засомневалась. Это было бы совсем уж низко! Надеюсь, что письмо Клариссы попало к мистеру Скрупу по какой-то несчастливой случайности!

Легко было представить, что Фонтерой постоянно затмевал своего приятеля, и Меривалью надоело вечно быть «вторым», вечно держаться в тени своего блестящего друга. Когда они были студентами, Фонтерой верховодил в кутежах и попойках. Потом он остепенился, пересмотрел свои жизненные принципы, приобрел вес в эшентаунском обществе. На него обратили внимание в парламенте, ему стали поручать ответственные, сложные задачи, а Мериваль... так и остался просто Меривалем. Единственное занятие, где никто не оспаривал его первенства – игра на фортепиано. Вряд ли его устраивало такое положение вещей.

Я попыталась вообразить сложную смесь дружеского расположения, неистовой ревности и зависти, царившую в душе этого гордого человека, считавшего себя недооцененным. Смог бы он удержаться от искушения, когда представилась возможность погубить Фонтероя, превратив его в огнедышащее чудовище? Или наоборот спасти, проявив великодушие и вернув «внезапно найденный» амулет, который не смогла отыскать целая команда «ищеек»?

Да, у Мериваля хватило бы решимости и злости, чтобы пойти на это. Он был достаточно самолюбив, чтобы наслаждаться ощущением власти. И достаточно самоуверен, чтобы бросать мне подсказки время от времени – более того, сунуть ключ мне под нос и снисходительно наблюдать со стороны, как я раз за разом бьюсь головой о стену, пытаюсь его разгадать. Каким умным, должно быть, он казался себе по сравнению со мной, со всеми нами!

Если «Полет нетопыря» – это ключ к шифру, тогда восемь нот в каждом такте должны иметь какой-то смысл. Все ноты имели одинаковую длительность – одна шестнадцатая,

так что выделить какую-то из-них по длительности не получится. А если по высоте? Может быть, какая-то определенная нота обозначала те позиции в записке, которые следовало читать? Я взяла нотную тетрадь. Цепочка черных значков извивалась по нотному стану, как хвост змеи. Сразу бросилось в глаза, что ноты «соль», «ля» и «си» использовались очень редко, с ними много не расшифруешь. А с остальными можно попробовать. Но как тогда быть с полутонами? Следовало ли считать бемоли и диезы за один символ – или за разные?

Я запаслась бумагой и принялась за работу. Скоро моя бедная голова загудела, как котел, набитый пчелами. Ноты и буквы разбегались по листу, словно мелкие букашки, от работы заныла голова, и зарябило в глазах. Дом давно уже погрузился в сон. Маленькие часы на каминной полке торопливо отсчитывали секунды, иногда из холла доносился натужный бой напольных часов, заставляя меня вздрагивать. Беспольные исчерканные листы я бросала прямо в огонь. Спустя час камин почти потух, и в комнате потемнело. Пришлось сделать перерыв. Я со стоном разогнула спину, потирая уставшие глаза. Зажгла свечи, которые нашла на столе, и снова принялась за дело, хотя мой энтузиазм, вспыхнувший из-за посетившей меня новой идеи, угасал с каждой минутой. Прогорал, как дрова в камине. Может быть, я зря напридумывала все это, и Мериваль тут вовсе не причем?

Выписав в который раз ровные колонки букв, я, сверяясь с нотами, отметила нужные места и прочитала: «Даже не пытайся». Очень созвучно моему настроению.

– Не надейся, не отстану, – упрямо проворчала я, доставая новый чистый лист.

И тут до меня дошло. Я медленно выпрямилась, уставившись перед собой. В первый раз за черт знает сколько времени я получила осмысленный текст! Неужели это оно?

Дрожащими от возбуждения пальцами я схватила вторую записку.

Неду Уолтер уже готов был выскочить из засады и напасть на пришельца – вернее, на двоих, если быть точным – когда «призрак» вдруг отвернулся и кивнул своему приятелю, вынырнувшему из темноты.

– Ты никого не встретил? Мне слышались внизу какие-то шорохи, – сказал подошедший человек.

– Здесь никого нет, – безразлично ответил «призрак». Он встал так, что его собеседнику пришлось повернуться к портику спиной. Уолтер пригнулся и замер, стараясь слиться со статуей в одно целое. – Зачем вообще эта таинственность? Для чего встречаться ночью?

– Между прочим, я только что освободился. Все из-за вчерашней заварухи! Ты-то зачем вчера вмешался? Если бы не ты, с девчонкой уже было бы покончено!

– Я же говорил, – в шелестящем голосе «призрака» появились угрожающие нотки, – она наша. Ты получишь своего дракона, лорд. Хотя только боги знают, чем обернется твоя затея. Но девушка уйдет с нами.

– Ладно, как знаешь, – человек нетерпеливо дернул плечом. Уолтер, сидя в засаде, старался не пропустить ни одного слова. О какой девушке идет речь? Об Энни?!

– Тебе передали необходимое оружие? Когда ты собираешься сделать это? – спросил призрак.

– Да хоть завтра, прямо с утра, если хочешь. Только мне понадобится твоя помощь. Помоги мне добраться до Лонгбери-холла.

Это слово – Лонгбери – что-то разбудило в памяти Уолтера. Высокий силуэт человека, беседующего с «призраком» в ночи, вдруг показался ему странно знакомым.

– Я тебе не извозчик, – усмехнулся «призрак». – Вот когда подчинишь дракона, тогда и прикажешь ему, чтобы он тебя возил. Только амулетик огнеупорный не забудь.

– Да брось, мы же действуем в общих интересах, а своим ходом я буду добираться до поместья целую вечность! К тому же, сегодня такая ночь, что никого не удивит, если по небу проскачет целая конница!

«Сегодня Йоль», – вспомнил Нед. Он подумал, что потустороннее существо, которое стояло в двадцати шагах от него, небрежно облокотясь о подоконник, вполне могло быть сидом. Может быть, сам Финварра решил тряхнуть стариной и прогуляться среди людей?

– Хорошо, – позволил уговорить себя предполагаемый сид, – но это в последний раз! И придется поискать лошадей.

– Я думал, что вы можете сотворить коней буквально из воздуха!

– А ты уверен, что воздушный конь тебя выдержит?

Вяло переругиваясь, странные ночные гости удалились в сторону лестницы. Выждав для верности еще полчаса, Нед рискнул выбраться из укрытия, морщась и разминая затекшие ноги. Он вздрогнул, когда дверь в ближайший кабинет слегка приоткрылась, и оттуда выглянула хитрая физиономия Фокса.

– Я тут кое-что откопал, – сказал Фокс, поманив напарника к столу, на котором лежала растрепанная пачка бумаг. Острый луч фонаря проникал в окно, давая достаточно света, чтобы можно было прочитать строчки на верхнем листе: «нужно срочно передать белому нетопырю «коготь дьявола», чтобы тот укротил дракона и привел его на службу императору».

– Что это? Какой-то мистический бред, – удивился Нед.

– Пора уходить, – сказал Фокс вместо ответа. – Эти двое, которые сюда притащились, могли разбудить сторожа. Боюсь, как бы он не вздумал пройтись с обходом.

– Один из них меня явно заметил, – признался Уолтер. – Но почему-то не выдал. Странный человек!

– Меня он тоже почуял. – Фокс аккуратно рассовывал свитки обратно по ящикам, запирая их за собой. – И, клянусь моими лучшими ботинками, он не человек.

Они беспрепятственно вернулись тем же путем в душный, забитый ненужным скарбом подвальчик, и выскользнули оттуда на улицу. Поднявшаяся метель приняла друзей в ледяные объятия, щедро сыпанув им снега за шиворот и растрепав полы пальто. Нед, ворча, поглубже нахлобучил шляпу на голову, чтобы не сдуло. Сторожа они так и не видели. Вероятно, он дремал, не высывая носа из привратничкой. И все равно Фокс смог немного расслабиться, только когда они удалились от потревоженного посольства за три квартала, и их следы замело снегом.

– Теперь срочно двигаем на Коул-стрит, – распорядился он. – Нужно рассказать Тревору намерениях сацилийцев и еще кое-о-ком. Очень надеюсь, что Старик уже вернулся! Без него нам не справиться со знатным лордом!

Неду невольно передалась его озабоченность:

– Если ты думаешь, что найденные сведения были так важны, почему не забрал ту бумагу? – спросил он, придерживая шляпу рукой и стараясь перекричать ветер. – Я вообще ничего не понял, о чем речь! То ли ритуал какой, то ли шифр! Ничего не понятно!

Чтобы перевести дух, они спрятались в подворотню, где снег хотя бы не хлестал в лицо. Фокс наставительно поднял палец:

– Во-первых, важные документы не похищаются, а копируются. Во-вторых, Тревор поверит нам и без бумажек. В-третьих, наш таинственный потусторонний друг, который почему-то не захотел поднять тревогу, возможно, простит нам сломанную дверь в подвал, но вряд ли сможет объяснить сацилийцам, куда подевался ценный документ. Наконец, в-четвертых, никаким шифром там и не пахнет.

– Да? А что тогда означала эта ересь: нетопырь, коготь дьявола?

– А ты не помнишь, у кого из наших лордов на гербе красуется нетопырь?

– Вот черт! – Нед Уолтер замер, как вкопанный. Воспользовавшись его растерянностью,

сильный порыв ветра таки сбил с него шляпу. Пришлось догонять, выуживать головной убор из наметенного сугроба и отряхивать от снега. Тем временем разрозненные мысли в его голове сложились в цельную картину: белый нетопырь, название поместья Лонгбери, прозвучавшее в подслушанном разговоре, и неуловимо знакомый силуэт человека, стоявшего напротив окна.

– Лорд Мериваль, – прошептал Нед. – Вот оно что! Слушай, мне кажется, он что-то замышляет против Энни!

Он вкратце передал Фоксу недавний разговор в коридоре. Тем временем они добрались до решетки, ограждающей здание суда, и Фокс заранее предвкушал привычный уют кабинета: мягкое тепло, струящееся от камина, усыпляющий свист железного чайника...

– А «коготь дьявола»? – встрепнулся Нед. – Это что такое?

– Дорогой мой Уолтер, – задушевно произнес его напарник, которого воображаемая картина горячего чайника, висящего над камином, привела в наилучшее расположение духа, – твоя проблема в слишком узкоспециализированном образовании. Не отрицаю, это делает тебя отличным законником, но если бы ты иногда обращал внимание на другие вещи, помимо своей службы, то знал бы, что «когтями дьявола» или «вулканическим стеклом» иногда называют обсидиан. По легенде, когда-то из обсидиана делали зеркала, с помощью которых охотились на василисков. Эта тварь, понимаешь, увидев себя в зеркале, буквально столбенела от изумления. Потом василиски повывелись, для изготовления зеркал придумали другие способы, но репутация камня-драконоборца у обсидиана осталась. У него очень острый скол, так что изготовленные из него инструменты имеют необычайно тонкое лезвие.

– Насколько я понял, порывшись в документах, – продолжал Фокс, – кое-кому удалось отыскать уникальный обсидиановый нож, способный пробить драконью шкуру и обладающий таким свойством, что раненый им дракон становится послушен его владельцу. А Ральфу, королю Сацилии, чрезвычайно пригодился бы дракон для некоторых личных надобностей. У него, видишь ли, очень амбициозные планы по захвату территорий. Он спит и видит себя властителем королевства, простирающегося отсюда до самых Рифейских гор. И даже взял привычку называть себя императором.

– Против дракона логичнее было бы выйти с копьём, – хмыкнул Уолтер.

– Зато нож легче спрятать.

– Значит, король Ральф через своих людей передал нож этому предателю Меривалю, чтобы тот притащил ему ручного дракона?

– Именно.

– Тогда он просто спятил, – резюмировал Нед.

Со второй запиской дело пошло быстрее, ведь теперь я знала ключ. Не прошло и двух минут, как сквозь патетические строки проступил настоящий текст: «Завтра в четыре у Ясеневого моста».

Честное слово, состояние мое в этот момент было таково, что я готова была немедленно сорваться с места и бежать к мосту. Немного отрезвил тот факт, что письмо я получила – когда? – ага, сразу после бала у виконта де Шарбона. В тот вечер мы с Агатой сидели в моей спальне, я, смеясь, рассказывала ей про свою оплошность с веером, а из веера выпала записка... Так что если кто-то и ждал меня на Ясеновом мосту, он давно уже отчаялся и ушел. Или утопился, кляня мою непроходимую тупость.

«Но зачем?» – готова была я крикнуть. Зачем приглашать меня на свидание, используя шифр, который я вряд ли пойму? Было только одно логичное объяснение: письмо предназначалось не мне. От кого-то я слышала недавно про Ясеновый мост... В памяти отчетливо возник следующий день после посольского бала. Мы с Недом собирались на Коул-стрит, чтобы отчитаться перед Тревором. Мне нужна была помощь горничной, но Агата отпросилась к врачу: «Я знаю отличного доктора, который живет в Патвейле, недалеко от Ясеневого моста, и берет недорого». Агата?!

Я даже потрясла головой, отгоняя абсурдную мысль. Не может быть! Наверняка это

просто совпадение. С тех пор как Фонтерой распустил почти всю прислугу, Агата и миссис Бонс очень редко брали выходные дни. И надо же было такому случиться, чтобы Агатин выходной как раз совпал с получением очередного письма! Нет, этому должно быть другое объяснение! Порывшись в ворохе бумажек, я торопливо выудила третье письмо, которое когда-то показалось мне зловещим предупреждением. Истинный смысл его оказался вполне прозаичен. Среди печального напева сиды Морэнн скрывалось краткое поручение: «Разбей флакон». Вероятно, до Мериваля дошел слух о попытках Амброзиуса создать лекарство, и он боялся, что это может помешать его планам.

Я мрачно сидела перед потухшим камином, перебирая письма. Передо мной в подсвечнике мигали и гасли свечи. Агате было проще простого добраться до амулета, так как они с миссис Бонс пользовались полным доверием хозяина. Она легко могла вынести его из дома и передать Меривалю. Она ходила к Ясеновому мосту на следующий день после бала. А после получения третьей записки я застала ее в комнате Амброзиуса, куда раньше она и на порог ступить боялась!

И все равно я не могла в это поверить. Единственным человеком, который мог рассеять мои подозрения, была сама Агата. Недолго думая, я схватила записки и взлетела по лесенке на чердак, в нашу – когда-то общую – комнатку. Переведя дух, осторожно постучала. Потом постучала еще раз. Ожидание немного охладило мой пыл. Наверняка Агата ни в чем не виновата, а я сейчас разбужу ее своими дурацкими теориями... Да она выгонит меня из комнаты веником и будет права! Не получив ответа, я нерешительно толкнула дверь, издавшую зловещий пронзительный скрип, от которого у меня озноб прошел по коже. Терпеть не могу этот звук!

Комната, освещенная синеватым лунным светом, была пуста, кровать не разобрана. Я растерянно прошла внутрь, недоумевая, куда могла деваться хозяйка посреди ночи. На подушке белела записка. Крупные печатные буквы были написаны твердым и острым почерком, который за последние часы так въелся в мои глаза, что я его вовек не забуду. Машинально подняв листок, я подошла к окну, чтобы прочесть. На первый взгляд это была очередная романтическая чепуха, достойная пера мистера Меллинга, но теперь-то я знала, куда смотреть. Если подчеркнуть нужные буквы, письмо получалось простым и понятным: «Убей ее».

Глава 26

Когда я снова подняла голову, в дверном проеме стояла Агата. Я даже испугаться не успела. Исходя из письма, я бы не удивилась, если бы она прихватила с собой, например, топор, но в руке у нее была только свеча, которую она ладонью прикрывала от сквозняка. Агата молча смотрела на меня ничего не выражающими глазами. Она казалась очень усталой.

Интересно, как в светском обществе полагается приветствовать человека, который явился тебя прикончить? Шагнув ей навстречу, я припечатала записку к столу:

– Что это значит, позволь спросить?!

Даже в скудном свете свечи было видно, как она побледнела. «Стала белой, как полотно», говорят в таких случаях. На деревянных ногах войдя в комнату, она осторожно поставила свечу на стол, нащупала стул рукой и почти упала на него. Лицо ее отразило ряд противоречивых эмоций: жесткость, настороженность и внезапно – облегчение, будто что-то грызло ее долгое время, а теперь отпустило.

Я присела на кровать напротив:

– Расскажи мне все.

И она рассказала.

– У меня был брат...

Вспомнилась найденная когда-то одежда в шкафу:

– Тот, который давно умер?

– Может, лучше было бы, если бы он умер, – невесело усмехнулась Агата. – Мы перебрались в Эшентаун пять лет назад. Я надеялась, что в большом городе нам будет легче прокормиться. Работала поденщицей, прислугой – где могла. Мой брат... Он не такой. Ему хотелось всего и сразу. Он связался с дурными людьми, попал в неприятную историю...

Агата вздохнула, отвернувшись. Ее профиль, очерченный пламенем свечи, вдруг снова показался мне знакомым. Где-то я уже видела этот прищур чуть раскосых глаз, капризные пухлые губы...

Память вернула меня в детство, в нашу голоштанную бойкую компанию, бродящую по улочкам Кречи. Был в шайке Денниса один пацан по кличке Нытик – вечно хлюпающий носом, хитроватый и себе на уме. Он хвостиком бегал за Деннисом, выполнял мелкие поручения и, бывало, тырил вещи из раскрытых окон. Сейчас, когда лицо Агаты приобрело усталое, циничное выражение, я едва не вскрикнула от внезапного сходства. Как я сразу не заметила?! Для серьезных дел Нытик не годился – кишка тонка. Он любил строить из себя «крутого перца», но вообще-то был труслив до такой степени, что даже наша мелюзга его презирала. С моих губ готово было сорваться «я же его помню!», но я вовремя прикусила язык. Вряд ли Агата обрадуется, если услышит, что Дэннис постарался отделаться от ее брата при первой же возможности.

– Когда он попался на краже, его должны были повесить, но, видимо, судья попался добрый и пожалел нас, – продолжала она рассказывать. – Стива отправили в Холодный дом. Я просто обезумела. Кроме него, у меня не было ни одного близкого человека. Я в то время уже служила у лорда Фонтероя, и однажды в этом доме я встретила Мериваль. Наша мать была родом из Лонгбери, поэтому я его знала. Я подумала, что он мог бы помочь. Конечно, поначалу он и слушать меня не захотел...

Она перевела дыхание, при этом резче обозначились горькие складки от крыльев носа к губам:

– ... Но потом, когда Мериваль узнал, кто мой хозяин, он внезапно смягчился. Пошутил, что не хотел бы лишать своего друга толковой горничной – мол, в наше время непросто найти хорошую прислугу. Похвалил меня за то, что училась грамоте. Я ведь не

собиралась всю жизнь мыть горшки да проветривать постели! Мериваль обещал замолвить словечко, чтобы пересмотрели дело. По его распоряжению Стива перевели в более удобную камеру и разрешили мне его навещать. Я была ему так благодарна! А потом...

– А потом распрекрасный лорд Мериваль потребовал, чтобы ты украла амулет, – сурово отчеканила я, скрестив руки на груди. – И ты согласилась!

– Да, я выкрала его. Не без твоей помощи! – поддела меня она.

Все подробности той ночи всплыли у меня в голове. Значит, пока мы с Фонтероем барахтались в складках кроватиного полого, Агата, переодетая в мужскую одежду, умыкнула амулет. Вынесла его лорду Меривалью, который вместе с сообщником поджидал ее снаружи. А сама рысью метнулась обратно и сделала вид, что только что поднялась вместе с Батлером и миссис Бонс.

Пальцы Агаты сжались так, что побелели костяшки:

– У меня не было выбора! Я надеялась, что когда Мериваль получит, что ему нужно, то Стива выпустят, и нас оставят в покое. Но тут появилась ты. Лорда насторожило, когда в доме обосновались двое «ищеек». Он хотел, чтобы я следила за вами и доносила. Здесь разговаривать было опасно: у Батлера слух, как у лисы. Тогда Мериваль сказал, что будет давать мне поручения с помощью записок.

– Зашифрованных записок, которые якобы предназначались мне! – воскликнула я, все еще не понимая, как такое возможно. – Но как?! Только не говори, что он ухитрился объяснить тебе шифр, основанный на мелодии его любимой композиции! – Если честно, по части музыкального образования Агата была еще более дремучей, чем я.

– Я ничего не знаю про шифр. Мериваль дал мне вот это, – Агата вынула из кармашка передника небольшой прямоугольник из плотной бумаги. В некоторых его местах были проделаны отверстия. – Я должна была переписать текст по восемь букв в строке и читать то, что появлялось в прорезях. Писать я умею. Мериваль очень гордился, что придумал такой необычный способ общаться прямо под носом у «ищеек».

«Вот и доигрался!» – мстительно подумала я.

Девушка всхлипнула, яростно вытерев глаза. Было видно, что рассказ давался ей все тяжелее.

– Мне так хотелось сбежать от всего этого! После того как я взяла амулет, просто невыносимо было находиться здесь! Лорд Кеннет был так добр к нам, а я... мне приходилось смотреть ему в глаза и лгать, лгать! Я хотела сбежать сразу после той ночи. Даже собрала вещи. И почти сразу пришло первое письмо. Ты сама его показала, помнишь? «Даже не пытайся». Я поняла, что он следит за мной. Мериваль убил бы и меня, и Стива. Поверь мне, это страшный человек! Чужая жизнь для него ничего не значит...

– Что ж, я рада, что ты не спешила выполнить его последнее поручение, – не удержалась я от шпильки.

Агата выпрямилась:

– Что бы ты ни думала, но я никогда не желала тебе зла, – сказала она с неожиданной горечью. – Ни тебе, ни мистеру Уолтеру! Видит бог, как больно было мне ему отказывать, но не могла же я допустить, чтобы он связался с преступницей!

Дрожащими руками она придвинула стакан и налила воды из графина, расплескав немного на стол. От резких движений огонек свечи панически заметался. Мне было слышно, как постукивали ее зубы о край стакана, когда она поднесла его к губам.

– Тебе бы сейчас чего покрепче, – сказала я искренне. Что бы ни натворила Агата, мне было ее жаль. Сложно представить, что можно испытывать такую горячую привязанность к никчемному младшему братцу, который цепляется за тебя, как пиявка, но я все-таки понимала, что такое любовь и как много она требует от человека.

– Я не упаду в обморок, не бойся. У меня их вообще никогда не бывает, – выдохнула Агата, с преувеличенной аккуратностью ставя стакан обратно на стол. Она двигалась как кукла, словно ей приходилось контролировать каждый жест. – Даже Меривалью не удалось меня запугать, хотя он старался. Очень уж ему хотелось вызнать что-нибудь про вас с лордом Кеннетом, сделать что-то такое, из-за чего Фонтерой разъярился бы до крайности, забыл себя и насовсем обернулся драконом!

– Мериваль расспрашивал обо мне? – удивилась я.

– А как же! – Агата вдруг по-доброму улыбнулась. В ее голосе звучало удивление моей наивностью: – Да мы все видели, как лорд Кеннет к тебе относится. Он же глаз с тебя не сводил, стоило тебе появиться. Все ходил по пятам да присматривался.

«Он следил за мной, потому что подозревал меня в краже амулета, и еще бог знает в чем! – подумала я сердито. – Напридумывали себе!»

– Я не знала, как тебя предупредить, чтобы ты остерегалась Мериваля. Если бы он узнал, как ты дорога господину графу, то наверняка загнал бы тебя в ловушку! А потом засел бы в засаде, поджидая дракона. На драконе он в последнее время просто помешался, только о нем и говорил.

От ее слов стало крепко не по себе. Я вспомнила, как в тот раз после пожара Мериваль настойчиво предлагал мне поехать с ним. Если бы я согласилась, то кто знает, смогла бы я добраться до дома живой! Ведь проще некуда – ткнуть меня по непутевой голове и свалить все на мятежников! Выходит, что я чудом избежала смерти!

Вероятно, страх мобилизовал мои умственные способности, так как сложившаяся ситуация вдруг предстала передо мной в новом свете. Вспомнив об уединенном поместье, я вскочила так резко, что Агата дернулась на стуле:

– О боже, ведь Фонтерой с Клариссой сейчас в Лонгбери, у Мериваля! И оба полностью ему доверяют! Наверняка он нарочно это подстроил!

Я взволнованно прошла по комнате. Мысли приходили четкие и острые, ранящие, словно ножи. Уверена, что Мериваль готовит какую-то каверзу! Не просто так он предложил укрытие «старому другу»! А Клариссу, мечтавшую о титуле леди Фонтерой, уговорить и вовсе не составляло труда! Агата смотрела на меня, растерянно хлопая глазами. От волнения мне казалось, что тесная чердачная каморка сжимается вокруг нас, пытаюсь задуть свои стены:

– Мериваль крепко недолюбливает Клариссу, а Фонтероя и вовсе ненавидит, – быстро рассуждала я. – Так, мне срочно нужно на Коул-стрит! Нужно их предупредить, а Мериваля вывести на чистую воду! Не возражаешь, если я снова одолжу те старые лохмотья? В платье верхом неудобно, тем более в метель. Надеюсь, мистер Тревор уже вернулся в город!

– Но... во дворе же солдаты. Они тебя не выпустят, – растерянно проговорила Агата.

Я предвкушающе улыбнулась:

– Ты не знаешь, на что способна Шайн. Пусть сначала попробуют нас догнать.

Когда Фокс с Уолтером постучались в ворота дома на Гросвен-стрит, во всех окнах первого этажа горел свет. Дверь им открыла Агата, собранная и полностью одетая, что было необычно в этот поздний час, когда всем добропорядочным горожанам полагалось мирно спать в своих постелях. Со двора доносилась крепкая ругань. Судя по всему, Батлер пытался оседлать лошадь, а кто-то другой, невидимый в темноте, энергично возражал.

– Только не говори, что у вас еще что-то случилось! – вместо приветствия вырвалось у Неда. – Что с Энни?!

– Полчаса назад она уехала на Коул-стрит.

– Значит, мы с ней разминулись! – Фокс с досадой махнул рукой. – Вот незадача!

Незнакомый голос во дворе зазвучал громче, настойчиво заявляя, что вплоть до особого распоряжения этот дом больше никто не покинет. В ответ послышался голос Батлера, который так вежливо, насколько это было возможно, послал собеседника ко всем чертям. Фокс поспешил вмешаться:

– Мы с напарником из городского магистрата, и как раз явились за этим парнем, чтобы он показал нам дорогу в Лонгбери, – внушительно сказал он молоденькому солдату. Перед двумя нахрапистыми «серыми капюшонами» тот почувствовал себя неуютно, однако был полон решимости не сдавать позиций.

– Нам необходимо попасть в Лонгбери как можно скорее, чтобы арестовать опасного преступника, – напирал Фокс.

Накаленная обстановка слегка разрядилась с появлением миссис Бонс, которая принялась настойчиво совать Батлеру узелок с пирогами: мол, путь-то неблизкий. Солдат окончательно растерялся. На его памяти еще ни одного узника, находящегося под домашним арестом, не снаряжали для побега с такой заботой. Пока все спорили, Агата тихонько окликнула Уолтера:

– Нед!

«Ищейка», который до этого так старательно не смотрел в сторону девушки, что это всем бросалось в глаза, с готовностью обернулся. Лицо Агаты потеплело от безнадежной, потерянной улыбки:

– Пожалуйста, отойдем на минутку. Мне нужно тебе кое-что рассказать.

Пробраться в конюшню, отведя глаза соглядатаям, оказалось довольно легко. Шайн пританцовывала от нетерпения, пока я затыгивала подругу, шепотом уговаривая ее потерпеть. Она вырвалась на волю, словно серебряная стрела, и остановить нас не смогла бы даже пуля, если бы кто-то из солдат решился стрелять. Мы с разбегу перемахнули железные ворота особняка и оказались на улице.

Метель подхватила нас в ледяные искрящиеся объятья, закружила, словно понукая ехать быстрее. Эшентаун тонул в снежной пелене. Мимо нас мелькали золотые цепочки фонарей; эхо, отбрасываемое гулками стенами, билось у меня в ушах, смешиваясь с тревожными ударами сердца. До здания суда, тяжелая громадина которого смутно виднелась в темноте, мы домчались в мгновение ока. Увы, на этом мое везение кончилось. Мистер Тревор все еще был в отъезде. Об этом мне сообщил невозмутимый Винс, оставленный на дежурстве. Он уже знал о коварных поползновениях лорда Мериваля: как оказалось, Фокс с Уолтером и без меня смогли нащупать недостающие нити к расследованию.

– Дождемся Старика, – посоветовал Винс, спокойно прихлебывая горячий чай. – Без него тут ничего не сделаешь. Он добудет нужный указ, возьмет людей... Арестовать знатного лорда – это не шутки! Кто будет слушать простых «ищеек»?

Разумеется, Винс был прав, хотя сердце у меня ныло от нетерпения. Я строго напомнила себе, сколько раз мой ненужный энтузиазм вредил делу. И все равно было больно представлять себе Мериваля рядом с Кеннетом. Может быть, в эту самую минуту он как раз подносит амулет к огню, заставляя друга корчиться от боли! Или придумывает очередную ловушку, чтобы Кеннет сгинул, а на свет появился Дракон!

Вне себя от бессильного гнева я выбежала на крыльцо. Метель ударила в лицо, охладив пылающие щеки. Что мне делать?! Я зажмурилась, спасаясь от пронизывающего ветра и снега, и перед глазами тут же возник укоряющий золотистый взгляд – не успела, не спасла...

Шайн коротко заржала, приглашая меня сесть в седло.

– До Лонгбери не меньше двадцати миль! – всхлипнула я. – Мы с тобой будем добираться туда целую вечность! И я не знаю дороги!

Я резко запрокинула голову, пытаюсь остановить непрошеные слезы. Собственная беспомощность просто убивала. Мистер Тревор уехал, Амброзиус тоже. Даже Элейн меня покинула, а так хотелось сейчас уткнуться ей в плечо, шуршащее шелком,

пахнувшее теплом и мелиссой, чтобы она погладила меня по голове и пообещала, что все будет хорошо. Сквозь смерзшиеся ресницы в клубке снежного вихря вдруг привиделось лицо Амброзиуса, окруженное косматой белой гривой.

– Ты же волшебник! – крикнула я. – Почему ты не можешь послать ему на помощь кого-то другого? Кого-то поумнее меня?!

Отчаяние и тревога за Кеннета гнали меня вперед. Но еще сильнее грыз страх, что я снова все испорчу. Страх висел на плечах тяжелым грузом, не давая сделать ни шагу. Ведь раньше, что бы я ни делала, получалось только хуже!

Шайн нетерпеливо переступила, снова заржав. Мой волшебный и самый верный друг, единственное существо, которое безусловно мне доверяло! Я шмыгнула носом, невольно улыбнувшись:

– Действительно глупо, да? Стоять и орать в метель.

(Согласное ржание).

– Ладно, ты меня пристыдила. – Улыбнувшись, я смахнула снег и вскочила в седло. Красный чешуйчатый камень, драгоценный подарок королевы Мейвел, приглашающе заблестел на ладони.

«Помни, что за всякое волшебство придется платить», – услужливо подсказала память.

«Сиды коварны. Они честно предупреждают об оплате, но никогда заранее не называют цену. И она всегда оказывается слишком высока».

Пытаясь совладать с волнением, я ободряюще погладила Шайн по шее:

– Знаешь, Амброзиус как-то рассказывал о мудреце по имени Стагирит, который говорил, что всегда следует предпочесть вероятную невозможность невозможной вероятности. Кажется, сейчас самое время поверить в «вероятную невозможность».

Где-то на границе наших миров, в бесконечном преломлении вероятностей, возникло лицо королевы Мейвел, сверкнув загадочной улыбкой. Я не доверяла ей ни на волос. Но разве у нас был выбор? И я, размахнувшись, бросила камень перед собой.

Глава 27

Камень королевы стрелой вонзился в небо и превратился в красную звезду, указывающую нам путь. Шайн, будто только и ждала этого знака, рванулась вперед. Улица растворилась в быстроте скачки и мельтешении снега, остался только четкий ритм, отбиваемый копытами по брусчатке, а потом исчезла и дорога – мы поднимались все выше, пролетая сквозь вихри снега, мимо костлявых ветвей и угрюмых сонных крыш. Город ушел вниз, выгнулся чашей и потерялся в темноте, а впереди призывно сияла алая звезда.

Человеческая кровь застыла в моих жилах, зато проснулась другая, древняя, как сама тьма. Она серебряными молоточками стучала в висках и тяжелыми ударами билась в сердце. Если раньше я сомневалась, верить ли рассказам Амброзиуса и Уайтвуда, то теперь последние сомнения исчезли: ни одно человеческое существо не выдержало бы такой скачки, но я уже не была человеком, мы с Шайн были плоть от плоти этого мира, две тени среди теней. Здесь все отбрасывало тени, даже мысли.

Тяжелая багровая луна вышла из-за туч, приветствуя Йоль и рождая на свет новые существа. Это была ночь, когда двери обоих миров приглашающе распахивались настежь. В такую ночь человек, выйдя за порог, рисковал встретиться с порождением своих фантазий, а выйдя за пределы реальности – мог увидеть такое, что ему и во сне бы не приснилось.

Мы поднялись выше облаков. Шайн мчалась по зеркально-чистому небу, ее копыта высекали искры из небесной тверди. Позади послышался шум, будто море набегает на берег, и нас обогнала группа всадников верхом на странных лошадях. Или не лошадях? От них пахло жаждой и яростным неистовством, их плащи вились за спиной, словно дымные клочья, некоторые всадники имели на головах короны, как будто сплетенные из веток. Возглавлял кавалькаду высокий бледнолицый человек в серебряном венце, в котором тревожно горели густо-красные камни. Я придержала лошадь, чтобы пропустить их. В ответ человек оглянулся и подмигнул мне желтым кошачьим глазом.

Внизу между облачными гривами проплывала земля. Иногда мелькали печальные огни какой-нибудь деревеньки, маленькие и ненужные. Однажды блеснуло тусклое лезвие реки, блеснуло – и исчезло. Черно-синяя ночь простиралась вокруг нас, мы с Шайн двигались в ее звездном шлейфе, и я кожей чувствовала ход времени, так, словно нам приходилось пробираться против течения.

Наконец, я заметила, что густой покров ночи стал менее плотным, и восточный край неба понемногу посветлел. Одновременно внизу показалась кучка скучных бурых крыш, сгрудившихся между невысокими холмами. Сердце радостно стукнуло – Лонгбери! Поместье Мериваля, прямоугольный двухэтажный дом под серой крышей, окруженный просторным парком, располагалось несколько в стороне. Оно постепенно приближалось, как картинка в волшебной трубе господина Амброзиуса, если покрутить специальное колесико.

Небо совсем посветлело, а сугробы окунулись в бледно-розовое рассветное марево, когда Шайн спрыгнула на тропу, уходившую вглубь парка Лонгбери-холла. Мы вернулись в реальность, и она обрушилась на нас со всей тяжестью, присущей материальному миру. Невесомая легкость и волшебство ночи растаяли вместе с темнотой. Я снова обрела тело Энни Фишер, каждая клеточка которого сейчас протестовала против безумной скачки. Протянув руку, я сгребла горсть снега с ближайшего куста и отерла уставшее лицо. И вздрогнула, увидев, что случилось с Шайн.

Она таяла на глазах. Мы медленно ехали по тропе, и я видела, как двигаются ее мышцы под полупрозрачной кожей. Мне тоже порядком досталось. Сознание мутилось от слабости, руки, державшие поводья, за одну ночь исхудали, как после долгой болезни. Прошиб страх, что моя кожа сейчас покроется морщинами, а из под шапки вместо каштановых кудрей вывалятся седые лохмы. Кто измеряет время часами и секундами? Мера времени – это удары сердца, которое заходит в тревоге за любимого человека, это тысячи разделяющих нас шагов, помноженные на горечь несказанных слов.

За одну ночь мы с Шайн состарились на целую жизнь.

- Шайн, хорошая моя... - горько прошептала я. Попыталась соскочить с седла, чтобы облегчить ей ношу, но она протестующе заржала и прибавила шаг. Моя преданная Шайн прежде всего заботилась о том, чтобы я не опоздала.

Сквозь сплетение ветвей ничего нельзя было толком разглядеть. Крик дракона я не услышала, а, скорее, увидела, когда Шайн взбросилась на дыбы, по деревьям пронесся ветер, и нас осыпало искрящейся снежной взвесью с ближайшей ветки. Я соскользнула на снег. Последнее усилие обошлось моей лошади слишком дорого - она просто развеялась в воздухе. Погасла, как огонек свечи. Растаяла вместе со снежинками, оседавшими на моем плаще.

- Шайн...

У меня даже не было времени, чтобы ее оплакать. Кеннет был где-то рядом, и я чувствовала, что ему грозит серьезная опасность. Я сорвалась с места, нырнула между ветвями ясеня, хлестнувшими меня по лицу. Двигаться было тяжело, ночью намело много снега, так что мои ноги проваливались при каждом шаге.

На другом берегу замерзшего озера находились трое. Издалека я увидела, как бронзовый дракон, сверкающий янтарем в солнечных лучах, грозно навис над маленькой женской фигуркой, скорчившейся в снегу. Неподалеку от них, почти неразличимый среди деревьев, застыл лорд Мериваль в сером пальто, похожий на клок тумана. Он опирался на трость, и вся его поза выражала напряженное ожидание. Тень дракона, огромная, как гора, надвигалась на Клариссу, которая беспомощно барахталась, пыталась отползти подальше. Судя по яростному шипению зверя, слышному мне даже отсюда, жить ей осталось считанные секунды.

Я бросилась к ним напрямик через озеро, проклиная себя за медлительность и не обращая внимания на предательский хруст под ногами.

- Ингрэм, спаси меня! - завопила Кларисса, беспрестанно оглядываясь. - Я перед тобой не виновата! Мне не нужна эта помолвка, я не люблю его и никогда не любила!

«Боже мой, Фонтерой ее точно убьет! - в панике подумала я, из последних сил прибавляя шаг. - Разве чуткие драконьи уши могут выдержать эти вопли?»

Если он прикончит Клариссу, то Кеннет, которого я знала, погибнет. Зато на свет появится дракон. И что-то мне подсказывало, что тогда нам всем не поздоровится.

Тяжелый шипастый хвост гневно обрушился на ближайший куст, взвихрив облако снега. С треском полетели в разные стороны сломанные ветки. Кларисса что-то придушенно пискнула, закрыв голову руками. Увернувшись от обломков, я вылетела на утоптаный снег прямо под ноги дракону.

- Кеннет, не надо!

Два глаза, как два золотистых фиала, молниеносно обернулись ко мне. Их взгляд словно клинком пронзил меня насквозь. Я подошла ближе, не чувствуя под собой ног. Страх остался где-то позади. Кажется, я достигла того состояния, когда человек уже ничего не боится.

Воздух вокруг дракона дрожал и струился. Магия его наполняла поляну, словно музыка, слышимая во сне. Я легко различала в ней отдельные ноты: гнев, беспокойство, изумление... радость?

- Не делай этого, - повторила я. И прошептала еще несколько слов. Тихо, чтобы их слышали только мы двое.

Дракон склонил ко мне голову, обдавая горячим дыханием. Лезвия его чешуи слегка топорщились, как шерсть на загривке у рассерженного кота. От него пахло железом и камнем, сухим ветром и чужими просторами. Я ласково погладила янтарный чешуйчатый узор, бежавший от изящно вырезанных ноздрей к вискам, покрытым роговыми шипами. Теплые веки, скрывающие от меня огненное пламя глаз, на ощупь были как шелк. Он был такой невероятно сильный - и такой трогательно беспомощный. Я обняла его, насколько хватило рук, и поцеловала прямо в коричневую полосу между глазами. Как и в прошлый раз, когда мы танцевали, обнявшись, на поляну опустилась

тишина, окутанная золотистым светом. Мы снова были одни.

И как в прошлый раз, наше уединение долго не продлилось.

– Очень трогательно, – презрительно прозвучало сзади.

Я обернулась. Пока мы с Кеннетом были заняты встречей, Мериваль успел подойти ближе. Его красивое лицо его перекошилось от злобы, правильные изящные черты вдруг изломались, сложившись в уродливую гримасу тролля. Позади меня повеяло холодом – дракон исчез, словно его и не было, хотя золотое пение еще витало в воздухе. Вместо грозного бронзового холма, ошетиленного чешуей, за моей спиной стоял Фонтерой. Улыбнувшись, я вздохнула. Никогда не смогу привыкнуть к его внезапным превращениям! Кеннет с благодарностью сжал мои плечи, а мои пальцы накрыли его руку. Счастье переполняло меня от макушки до пяток. Все-таки я не опоздала!

– Что ж, не хотел быть драконом, значит, сдохнешь, как человек, – оскалился Мериваль.

Подняв трость, он крутанул рукоять – и нам весело подмигнуло три дюйма острейшего темного лезвия. В трости был спрятан обсидиановый клинок! Я не успела даже вскрикнуть. Кеннет резко оттолкнул меня в сторону, я поскользнулась на склоне и ухнула в сугроб, как ложка в миску с кашей. Снег набился мне в рот, за шиворот, залепил глаза. Лихорадочно отгребая его в стороны, барахтаясь в сугробе, я услышала свист рассекаемого воздуха, очередной вопль Клариссы (черт бы ее побрал!) и хруст веток под тяжестью упавшего тела. Кеннет!

У меня чуть сердце не разорвалось, пока я не выбралась наружу. Высунув голову, я дико огляделась. Фонтерой, по крайней мере, стоял на ногах. Вид у него был донельзя удивленный. Кларисса визжала на одной ноте, в ужасе закрыв лицо руками. Мериваль валялся на снегу, раскинув руки, а к нему, проваливаясь при каждом шаге, спешил какой-то человек, размахивая пращей. За ним – еще один. И еще. Не веря своим глазам, я узнала Уолтера с Фоксом. Тут уже я завопила не хуже Клариссы:

– Нед, мы здесь! Сюда!

Я попыталась сделать шаг и снова провалилась почти по колено. Мои друзья были здесь! А кто же третий, неужели Хаммонд? Но тут я узнала третьего «разбойника». Это был Батлер, наш великолепный невозмутимый дворецкий! Он приближался, резко размахивая руками, полы его пальто развевались, и вид у него был довольно грозный.

Нед Уолтер добежал до меня первым. Он легко выдернул меня из сугроба, как морковку из грядки, сжал в объятьях и встряхнул:

– Ну ты даешь, Коза! Ты же синяя вся! Очумела? – воскликнул он, поспешно стягивая с себя пальто.

– Как... как вы здесь оказались?! – всхлипнула я.

– Агата мне все рассказала...

При этих словах лицо его резко посуровело, будто состарилось. Я молча кивнула. Наверное, Агате нелегко было решиться на этот разговор. Однако еще тяжелее было Неду ее выслушать!

– В общем, когда мы явились на Гросвен-стрит, Батлер как раз запрягал лошадей, так что мы втроем запрыгнули в повозку – и сюда.

– Но как вы смогли добраться так быстро?!

– Вообще-то нам кое-кто помог, – подмигнул Уолтер. И шепотом добавил: – Кое-кто с Той Стороны...

Рассказывая, он ловко завернул меня в свое пальто, оставив снаружи лишь кончик носа. Это было очень своевременно. От холода, ночной скачки и от пережитого страха меня начала бить дрожь.

В то же время Батлер успел вздернуть на ноги осоловевшего Мериваля. Тот мотал

головой и, кажется, плохо соображал. На его лбу вздулась уродливая лиловая шишка, по виску стекала темная струйка крови. Фокс, поддерживая истекающую жалобами Клариссу, бережно повел ее к дому. Нед отошел от меня, чтобы помочь мистеру Батлеру. Он крикнул, что надо бы подготовить еще один экипаж: в одном, мол, не разместимся. Все вдруг засуетились, заспешили куда-то, и внезапно я оказалась посреди утоптанного снега наедине с Кеннетом, а остальные тактично исчезли.

После вырвавшегося откровенного признания мне было неловко взглянуть ему в лицо. Я же помню наше прошлое объяснение в библиотеке, и как он тогда рассердился! Белизна снега слепила мне глаза, но я упорно смотрела вниз.

– Энни, – мягко произнес Кеннет, взяв меня за руки. От одного прикосновения во мне поднялась волна тепла, словно внутри него пряталось маленькое солнце – только для нас двоих.

Вдруг я представила, как сейчас выгляжу: зареванная, с красным распухшим носом и в нелепом пальто, рукава которого доходили мне до колен! Хорошо хоть не седая – я отлично видела темные пряди своих волос, мокрых от снега. Растрепавшись, они свесились мне на глаза. Кеннет бережно отвел их за ухо.

– Просто жуть, – буркнула я, окончательно смутившись.

– Я тебя тоже, – ответил он невпопад. А потом вдруг обнял меня так, что стало трудно дышать, и крепко поцеловал.

Дом Мериваля с выступающими фронтонами и высокими каминными трубами производил значительное впечатление, но находиться в нем было неприятно. Словно бы изысканно роскошная обстановка носила отпечаток личности хозяина. За внешним лоском и ухоженностью мне мерещился гнилостный запах разложения. Пока я осматривалась в холле, ко мне подошел Нед, держа в руках листок, найденный им на столе:

– Глянь, Коза, тут о тебе написано.

Это было письмо, вернее, донос в магистрат города Эшентауна, где сообщалось, что девица Энни Фишер, в настоящее время проживающая в доме лорда Фонтероя на Гросвен-стрит, на самом деле является известной воровкой из Кречи. Автор выражал опасение, что девица Фишер наверняка проникла в этот дом не с добрыми намерениями, обманув доверие хозяев.

– Сведения-то в письмеце устарели годика на три, – весело хмыкнул Фокс.

– Письмо якобы от леди Эмберли, – сказала я, взглянув на конверт. – Но писала не она.

Несмотря на неприязнь к Клариссе, честность обязывала меня сказать это. Мне всегда удавалось различить, писал человек от себя или подделывался под чей-то почерк. Так мой опекун, Гарри Бобарт, умел, бросив монету на стол, по звуку отличить настоящую от фальшивой. Я же всегда могла распознать фальшивые письма. От них пахнет излишней старательностью.

– Думаю, письмо сочинил лорд Мериваль, которому очень хотелось поссорить Кеннета леди Эмберли, – высказала я предположение.

– Мы разберемся, – кивнул Уолтер, забирая у меня листок.

– Кажется, я должен принести извинения леди Эмберли за свою несдержанность, – улыбнулся Кеннет, входя в дом следом за мной.

В его голосе не слышалось ни капли раскаяния, и я поняла, что он отлично запомнил те истеричные выкрики, которые вырвались у Клариссы в момент испуга. Как бы там ни было, но, разумеется, ни о какой помолвке между ними теперь не могло быть и речи.

Леди Эмберли вскоре отбыла в том же экипаже, в котором приехала сюда. Она вышла из дома, раздраженно шелестя шелками, и ни с кем не попрощалась. Ее болезненное самолюбие было задето тем, что «ищейкам» удалось застать ее в столь жалком виде: барахтающейся в сугробе, напуганной, умоляющей о пощаде. Теперь она держалась

высокомерно, словно королева. Молча прошла мимо Кеннета, как если бы он был предметом мебели. Впрочем, что она могла ему еще сказать? Все и так было ясно.

Мы тоже принялись собираться, так как никому не хотелось задерживаться в этом доме ни одного лишнего часа. Слуги Мериваля разбежались еще до нашего прихода, однако удачливый Фокс нашел запас дров и вскипятил чайник, чтобы мы могли подкрепить свои силы перед отъездом. Пирожки миссис Бонс тоже пришлось очень кстати. На конюшне мы с Недом обнаружили двух лошадей. Батлер, пройдя по дому с поверхностным обыском (чего не догадались сделать «ищейки») с триумфом принес вниз рыжий парик и накладную бороду. Теперь стало окончательно ясно, кто был тем таинственным рыжебородым господином, который не давал нам покоя в течение всего расследования.

– Значит, это Мериваль тогда явился в Кречи, чтобы нанять грабителя для Фонтероя, – размышлял Уолтер. – Это он оставил для тебя письмо в доме Мэллори, и он следил за тобой на улице. Готовил ловушку, чтобы поймать дракона.

Мы с Недом сидели в конюшне, разбирая упряжь. Я работала молча, так как окружающая обстановка остро напомнила мне о Шайн. На глаза невольно навернулись слезы. Теперь я понимала, что имел в виду Амброзиус, когда говорил, что сиды всегда возьмут свою цену. Мне удалось успеть вовремя, чтобы спасти любимого человека, зато я потеряла подругу...

Мысль о Мейвел заставила вспомнить еще кое-о-чем:

– Ты говорил, что добраться сюда вам помогли помощники с Той Стороны? – встrepенулась я. Боже мой, неужели мои друзья тоже заключили какую-то сделку?! Это могло быть чревато самыми неожиданными последствиями!

Нед посмотрел на меня долгим взглядом:

– Да, нам повезло их встретить. Мы совсем уж было приготовились к изнурительной скачке, тем более что погода была не сахар. Однако, едва мы выехали за заставу, как нас догнали двое всадников: мужчина и женщина. Они сказали, что знают более короткий путь. Мы сразу опознали в них ребят из того народца, что появляется среди людей только в определенные ночи, а вчера как раз был канун Йоля. Выглядели они, как король и королева из сказки: дымчато-серебряные плащи, золотые венцы на головах, сбруя коней вся украшена драгоценными камнями... В общем, только полный псих рискнул бы отправиться с ними, и поначалу мы, разумеется, отказались. Тут женщина принялась умолять нас, говоря, что тебе грозит серьезная опасность, а мужчина молча смотрел исподлобья, но глаза его были совсем как твои. Фокс сдался первым. Батлер проворчал, что если Фонтероя прикончат из-за нас, то ему все равно остается только одна дорога – под холмы. Так мы и оказались в Лонгбери.

Я слушала его, затаив дыхание. В груди у меня вдруг стало тесно:

– Ты думаешь, что это были... что это могли быть мои родители?!

Нед улыбнулся:

– Когда мы спешили, и Батлер с Фоксом занялись лошадьми, она отвела меня в сторону для разговора. Просила передать, что не хотела тебя оставлять, но у нее не было другого способа спасти вас обоих. Тебя и твоего отца, как я понял. Она говорила, что всегда старалась присматривать за тобой. И еще попросила передать тебе это.

Шмыгнув носом, я взяла у него серебряную стрекозу на тонкой цепочке. Пришлось вытереть слезы, чтобы рассмотреть ажурную вязь тонких, как паутинка, серебряных нитей. Сплетенная с поразительным искусством, стрекоза казалась живой и согревала мне ладонь, словно теплый привет от мамы. Нед сочувственно погладил меня по плечу:

– Твой отец тоже держится молодцом, хоть и остался без руки. Они оба мне очень понравились. Мне жаль, что все так сложилось, Энни.

Неловко потоптавшись рядом, он деликатно вышел, оставив меня одну. Я надела цепочку на шею и безудержно расплакалась. Смутные картины моего прошлого теперь постепенно прояснялись, когда мне открывался один фрагмент за другим. Значит, когда Эдвард Уэсли был тяжело ранен в Цинтре, мать метнулась к нему на Континент,

используя тот же способ, что и я вчера. Только она приехала слишком поздно. Чтобы спасти ему жизнь, ей пришлось увести его на Ту Сторону и остаться там навсегда. Почему она не взяла меня с собой? С кем она оставила меня в Эшентауне, и как так вышло, что я оказалась в приюте? Вероятно, этого я уже не узнаю. Довольно сложно поддерживать контакт с родителями, которые имеют право навещать вас лишь восемь раз в году, соблюдая при этом всякие Ограничения.

Кто-то, подойдя сзади, обнял меня за плечи. Это был Кеннет. Он привлек меня к себе и обнял так, словно окутал собой. Я снова ощутила бившееся в нем тепло, хватаясь за это чувство, как утопающий за соломинку.

– Энни, милая... успокойся.

– Они оба бросили меня! – всхлипнула я. – Ушли, оставив меня одну!

– Может быть, они хотели, чтобы у тебя была настоящая жизнь...

«Твои родители не хотели для тебя такой судьбы», – вспомнились вдруг слова Амброзиуса. Я с негодованием подумала о волшебнике, который наверняка знал гораздо больше того, что рассказывал. Зачем нужно было от меня скрывать...?!

– Жизнь на Той Стороне словно сон, – тихо говорил Фонтерой, пытаясь меня успокоить. – Я же был там... когда был драконом. Восхищался ее чудесами, но чувствовал только холод и пустоту. Все богатства Той Стороны не стоят одного прикосновения твоей ладони, одной твоей лукавой улыбки. Неужели ты согласилась бы уйти туда и оставить меня?

В его голосе послышались ревнивые нотки.

– Конечно нет, – поспешно сказала я. – Из всех возможных реальностей я бы выбрала ту, где есть ты.

Похоже, Кеннет обладал потрясающим талантом насчет поцелуев. Наш второй поцелуй был совсем не похож на первый, но оказался именно тем, в чем я сейчас нуждалась. Он был требовательным и нежным одновременно. Мое сердце отчаянно билось в ладонях и в горле – везде, где есть пульс. Все печали, растаяв, исчезли, сметенные новым чувством.

– Вернемся к остальным? – тихо спросил Кеннет, пока я пыталась вспомнить, как дышать. – Нас уже ждут.

Снаружи под солнцем весело искрился снег. Оседланные кони стояли у ворот особняка, из ноздрей у них шел пар. Батлер с Фоксом сидели на козлах, а подбитого Мериваля со связанными руками запихнули в коляску. К моему беспокойству, Фонтерой тоже направился туда. Я схватила его за руку:

– Ты же не собираешься ехать с Меривалем?!

Вообще-то я рассчитывала, что к преступнику сядет Нед – для охраны. Кеннету сегодня и так порядком досталось!

В уголке его рта затеплилась улыбка:

– Не волнуйся за меня, моя фея. Разве ты не освободила меня от заклятья? Мериваль мне больше не страшен.

– Но ты забрал у него амулет?

Он кивнул, успокаивающе похлопав себя по жилетному карману.

– Хотя проклятье и снято, я оставлю его для памяти. Будем потом показывать его детям, рассказывая историю нашего знакомства.

От подобной перспективы мое лицо полыхнуло жаром:

– Если помнишь, наше знакомство началось с того, что я забралась через окно в твою спальню. Я бы предпочла, чтобы это осталось между нами!

– О да, это воспоминание я сохраню для себя, – улыбнулся Фонтерой. Наш диалог не предназначался для ушей остальных «ищеек», поэтому он не стал развивать эту тему, добавив только: – Энни, мы с Меривалем знакомы уже двадцать лет, и я хотел бы понять, что толкнуло его на подобный поступок.

Подумав, я согласно кивнула. Есть вещи, которые не стоит оставлять недосказанными. И есть слова, которые медленно оседают в душе, копятся, отравляя существование, заставляя снова и снова проигрывать в голове несостоявшийся разговор. Может быть, Кеннету с Ингрэмом действительно стоило все прояснить.

Итак, Фонтерой забрался в коляску, мы с Уолтером вскочили на лошадей и все вместе направились в Эшентаун.

Глава 28

На следующий день утро в магистрате на Коул-стрит началось очень бурно. Звучный голос мистера Тревора далеко разносился по коридорам:

– Как она могла исчезнуть?! Из запертого кабинета! Кто ночью был на дежурстве?!

Все «ищейки» сгрудились в закутке у привратника, не желая попасть Старикуну под горячую руку. Винс шепотом клялся, что лично запер в шкафу злополучную трость с обсидиановым лезвием. Фокс поддразнивал незадачливого напарника, Нед старался их помирить, а я помалкивала. Я знала одного не-человека, для которого запертые двери не представляли серьезного препятствия. Вернее сказать, «дверью» для него могло стать все, что угодно: отражение в пруду, осколок зеркала или заплатка лунного света на полу. Правда, у «мистера Лайбстера» был гейс, запрещающий появляться в чужих домах. Неужели трость с обсидианом была так важна для фоморов, что он решился рискнуть ради нее своей магией? Хотелось надеяться, что обсидиановый клинок теперь пребывает на Той Стороне, как можно дальше от Кеннета, а не плывет на каком-нибудь судне ко двору короля Ральфа. Даже если лорд Фонтерой больше не зависит от своего дракона, все равно тот клинок равно опасен для них обоих.

Мысли о Кеннете унесли меня далеко-далеко от тесной привратничкой, пропахшей старыми газетами и дешевой чайной заваркой. Только вчера я узнала, как многим ему обязана. Вчера вечером, после того как протестующего Мериваля отправили охладить голову в Холодный дом, мистер Тревор неожиданно вызвал меня к себе.

– Я тут кое-что привез для тебя, Коза, – сказал он, указав мне на стул напротив себя. А затем выложил на стол маленький овальный портрет, конверт и сложенный пополам лист бумаги.

С портрета на меня смотрел молодой человек в красном офицерском мундире, аккуратно выбритый, с темными, коротко подстриженными волосами. Лицо его было исполнено достоинства и энергии. Яркие зеленые глаза под прямыми решительными бровями разительно напоминали мои. Это был портрет лорда Эдварда Уэсли.

Мы-то все считали, что мистер Тревор ездил в Дуверн, чтобы разведать о коварных намерениях сацилийцев, а оказалось – ничего подобного! По особой просьбе лорда Фонтероя мой начальник ездил в графство Думанон, в небольшую деревню возле замка Уайтбор, или замка Белого Вепря, как его называли местные. Там ему удалось найти одного старого священника, который помнил мою мать. Я слушала рассказ шефа, затаив дыхание, и остро жалела, что не могла сопровождать его в этой поездке.

Священник, хоть и находился уже в том возрасте, когда человек с трудом отличает недавние события от случившихся двадцать лет назад, все же отыскал запись в церковной книге, где говорилось о венчании лорда Эдварда Уэсли с девицей Мэри-Энн Брайер. Все эти годы у него хранилось мамино письмо-исповедь, в котором она писала, что тайно обвенчалась с моим отцом, несмотря на противодействие его семьи. Сейчас это признание лежало передо мной.

– Когда Эдвард Уэсли погиб в Цинтрии, его кузен и наследник, был не слишком обеспокоен розысками какого-то побочного отпрыска, – рассказывал Тревор. – Однако эти записи подтверждают, что ты – законная дочь лорда Уэсли и можешь отстаивать свои права.

Вот, значит, как. Некоторое время я сидела молча, пытаюсь осознать себя в новом качестве: наследницы знатного рода и дочери известного полководца. Кроме того, у меня внезапно обнаружился дядюшка, некий Робин Уэсли, кузен моего отца. Правда, я не обольщалась, что он обрадуется моему появлению. Вряд ли в замке Уайтбор меня ожидает теплый прием.

Вероятно, эти сомнения отразились на моем лице, так как мистер Тревор ободряюще похлопал меня по плечу:

– Ты отличная сыщица, Энни. Твоя последняя работа с зашифрованными письмами – выше всяких похвал. Не дай запугать себя этим высоким лордам. Но и не спеши отказываться от семьи, понимаешь? Человек без семьи – как дерево без корней.

Вместе с портретом отца Тревор передал мне послание от лорда Робина Уэсли, где тот в очень изысканных выражениях приглашал меня навестить замок Уайтбор, когда мне будет удобно. Всю ночь я промаялась над конвертом, так и не решив, как поступить. Разумеется, я не уеду из Эшентауна! Здесь у меня есть работа, здесь мистер Тревор с командой, а главное, я не испытывала ни малейшего желания расставаться с Кеннетом.

Наверное, стоит с ним посоветоваться. Наше объяснение в Лонгбери посеяло в моей душе сумасшедшую надежду, что когда-нибудь мы сможем быть вместе. Кого он скорее захотел бы видеть рядом с собой: сыщицу с Коул-стрит или наследницу рода Уэсли?

В глубине души я надеялась, что мое социальное положение ему безразлично, что ему нужна я сама... Так или иначе, мы должны были увидеться сегодня утром, когда лорд Фонтерой заглянет к нам в магистрат.

Пока я витала в размышлениях, перепалка между Винсом и Фоксом неминуемо стремилась к фазе, за которой должна была последовать вспышка вулканического взрыва. Я своевременно покинула друзей и удалилась в полутемный вестибюль, где мне на глаза попало висевшее в простенке старое зеркало. Снова вытащив отцовский портрет, я украдкой прикинула к зеркалу. Вопреки опасениям, волшебный «йольский» бросок в Лонгбери не состарил меня до неузнаваемости, и все-таки я изменилась. Овал лица утончился, линия скул стала тверже, а взгляд – более непреклонным. Тем сильнее было сходство с портретом. Интересно, мистер Робин Уэсли похож на отца? Каков он? Что у него за характер?

Толкнув тяжеленную входную дверь, я выбралась на крыльцо. После вчерашней метели вся улица была запорошена нежной, чистой белизной. Воздух пьянил, как глоток колодезной ледяной воды. По ступеням поднимались судейские чиновники и первые посетители. Из открытого окна доносились гневные выкрики мистера Трево́ра, кляну́щего на чем свет стоит беспечных охранников.

Я стояла на крыльце и ждала моего Дракона.

Примечания

1

Мистер Тревор занимал бы должность начальника полиции, если бы в то время она существовала.

2

В письме действительно скрыто зашифрованное послание, но без дополнительных подсказок, которые будут даны в следующих главах, его вряд ли можно разгадать.

Мистер Амброзиус цитирует Герберта Уэллса.

Холодный дом – городская тюрьма в Эшентауне возле Северных ворот.

Табрен – деревня близ Эшентауна, где проводились публичные казни. Местную виселицу часто называли «Табренским деревом».

Томас Лермонт из Эрсилдуна – полулегендарный шотландский поэт, живший в XIII веке. Считается зачинателем шотландской литературы.

Башни мартело существовали на самом деле. Это круглые каменные укрепления, которые во множестве строились в 1-й половине XIX века по берегам Британской империи. Название происходит от генуэзской башни на корсиканском мысе Мартелла, фортификационный потенциал которой произвел огромное впечатление на английское командование.

Эринцы – жители острова Эрин, часто отличавшиеся вспыльчивым нравом.

«Драконьей кровью» алхимики называли камедь с острова Суматра, которая действительно была одним из ингредиентов любовного зелья.

Герилья – партизанская война (исп.).

Холлан-тайд (Holland-tide) – последний день Самхейна, а также название для сезона, когда появляется Голландское течение, которое мы называем Гольфстримом.

Песня скорбящей невесты-волшебницы с таким названием есть на самом деле, я нашла ее в сборнике Франчески С. Уайльд «Легенды, заговоры и суеверия Ирландии».

Фонтерой цитирует леди Брэкнелл из пьесы Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным».

Шекспир «Двенадцатая ночь».

Питер Акройд в книге «Лондон: биография» так описывает развитие специфического сленга уличных продавцов: «На протяжении веков в говоре торговцев неуклонно шло усечение или сокращение слов. «Will you buy any milk today, mistress» («Вы купите сегодня молока, госпожа?») превратилось в «Milkmaids below» («Молочницы внизу»), затем в «Milkbelow» («Молоко внизу»), затем в «Милк-оу» и, наконец, в «Мью» или «Мии-оу».

Про зимородков сложено много легенд главным образом из-за того, что они ловко прячутся, и их гнезда очень сложно найти. Древние греки верили, что зимородки в период зимнего солнцестояния насиживают свои яйца прямо посреди моря, устраивая себе гнезда, плавающие наподобие лодок. Плиний писал, что боги из симпатии к зимородкам разглаживают на время их насиживания волны, так что морская поверхность в течение двух недель пребывает в полном покое. И действительно, море, особенно вокруг Сицилии, в районе Рождества становится удивительно тихим.

Орешник в этих краях считается символом мудрости.

Такой инструмент шифрования предложил Джероламо Кардано в 1550 году. Сообщения маскировались под обычные послания, сверху на них накладывался прямоугольник с прорезями, сквозь которые можно было прочесть истинный текст. Известно, что кардинал Ришелье был приверженцем решетки Кардано и использовал ее в личной и деловой переписке. Единственный недостаток этого метода – уязвимость. Если враг обнаружит «решетку», он получит ключ ко всем секретным письмам.

Стагирит – это одно из имен Аристотеля, так как он был родом из Стагира. И он действительно что-то такое говорил, Амброзиус не ошибся.